

СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА

ВЪ

РУССКОЙ ПОЭЗИИ

ПЕТРОГРАДЪ

1915

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Отъ составителя	XIII

Славянство.

Общеславянскій гимнъ. «Гей, славяне». <i>Леонида Афанасьева</i>	1
Славянскій гимнъ. <i>Александра Бахирева</i>	3
Сербскій національный гимнъ. <i>Леонида Афанасьева</i>	4
Молитва славянъ. <i>Н. Б. Хвостова</i>	6
Славянамъ. <i>Кн. Голицына-Муравлина</i>	7
Славянскіе орлы. <i>Ив. Соколова</i>	8
Славянская стража. <i>Дмитрія Веруни</i>	10
Сербская пѣсня. <i>Н. А. Карпова</i>	12
Домбровна. <i>И. Пересѣтова</i>	13
Болгарамъ. <i>Н. К. Савенко-Новоспасской</i>	15

Галицкая Русь.

Галици. <i>Н. Б. Хвостова</i>	16
Гроза. <i>В. Опочкина</i>	18
Сонетъ Червонной Руси. <i>А. Мейснера</i>	19
Галицкая пѣсня. <i>Георгія Иванова</i>	20
«Ночи темны, тучи грозны...» <i>И. Пересѣтова</i>	22
На взятіе Львова. <i>Н. К. Савенко-Новоспасской</i>	24
Воинамъ южной дружины. <i>Михаила Балясина</i>	25

Польша.

Наша младшая сестра. <i>Т. Щепкиной-Куперникъ</i>	26
Стансы Польшѣ. <i>Федора Сологуба</i>	28
Польшѣ. <i>Валерія Брюсова</i>	30

Братьямъ. <i>Федора Солоуба</i>	32
Защита Варшавы. <i>Ю. В. Ревякина</i>	33
Въ Ченстоховѣ. <i>В. П. Рябова-Бѣльскаго</i>	34
Польшѣ. <i>Бенедикта</i>	35
Польшѣ. <i>Сергѣя Копыткина</i>	36

Война.

Стансы о войнѣ. <i>Дмитрія Цензора</i>	37
Надъ міромъ смерть. <i>Н. Капшаминской</i>	39
Послѣдняя война. <i>Валерія Брюсова</i>	40
Воронъ къ ворону летитъ. <i>А. Измайлова</i>	42
Благословеніе. <i>Июря Свѣррянина</i>	46
На начинающаго Богъ. <i>Федора Солоуба</i>	47
18 іюля 1914 года. <i>М. Веселковой-Кильшитетъ</i>	48
Война. <i>В. Мазуркевича</i>	49
Война за миръ. <i>Влад. Гуляровскаго</i>	50
Впередъ. <i>Т. Соколовской</i>	52
Четырнадцатый годъ. <i>Сергѣя Копыткина</i>	53
Цвѣта войны. <i>Н. Минскаго</i>	55
Ушли... <i>М. Веселковой-Кильшитетъ</i>	57
Съ войны. <i>Князя Федора Касаткина-Ростовскаго</i>	59
Ночная молитва. <i>Ю. В. Ревякина</i>	60
Въ избѣ лѣсника. <i>Князя Федора Касаткина-Ростовскаго</i>	63
Война. <i>Князя Федора Касаткина-Ростовскаго</i>	65
Въ дни войны. <i>Сергѣя Копыткина</i>	66
Братскія могилы. <i>М. Веселковой-Кильшитетъ</i>	67
Пѣснь о смерти. <i>Дмитрія Цензора</i>	69
Первыя панихиды. <i>Евгенія Рышкова</i>	71
Плѣннымъ. <i>Танкреда</i>	72
Пѣсня надъ рубашкой. <i>Т. Щепкиной-Куперникъ</i>	73
Образокъ. <i>Вл. П. Лебедева</i>	76
Закружился, словно вьюга... <i>А. Волинцевой</i>	77
Срѣтенье царя. <i>Сергѣя Городецкаго</i>	78
Спаси, Господи, люди твоя... <i>А. Случевской-Коростовецъ</i>	80
Листокъ осенній цвѣта крови... <i>Якова Година</i>	81
На безумныхъ враговъ челоуѣка... <i>Л. Андрусона</i>	82

Босвая. <i>Як. Окулева</i>	83
Подводная лодка. <i>В. Веленова</i>	85
Мародеръ. <i>Сергѣя Михѣева</i>	87
Старый вопросъ. <i>Валерія Брюсова</i>	89

Родина.

Съ нами Богъ! <i>Н. Б. Хвостова</i>	91
О Русь! <i>Маули</i>	92
Русь. <i>Евгеніи Намптъиченко</i>	94
Salute. <i>Мих. Андреева</i>	96
Ушли. <i>Ив. Соколова</i>	97
Нашимъ дѣтямъ. <i>Татианы Берхманъ</i>	98
Разговоръ съ миролюбцемъ. <i>И. Гриневской</i>	100
Сонетъ Петрограду. <i>А. Мейснера</i>	102

Казаки.

Въ станицѣ. <i>В. Опочинина</i>	103
Ночлегъ казаковъ. <i>С. Толстова</i>	105
Кавачья пѣсня. <i>Н. Акивцева</i>	108
Сторожевой пикетъ. <i>Тихобережскаго</i>	110
Голосъ Дона. <i>Владимира Воинова</i>	111

Герои.

Памяти князя Олега Константиновича. <i>Вл. Жуковскаго</i>	117
Героямъ. <i>В. Рутковскаго</i>	118
Радко-Дмитріеву. <i>Н. К. Сивенко-Новоспасской</i>	120
Миръ павшимъ. <i>Вл. Краковецкаго</i>	121
«Въ бою». <i>Князя Федора Касаткина-Ростовскаго</i>	123
Памяти Нестерова. <i>А. Рославлева</i>	125
Пѣснь о Нестеровѣ. <i>Вл. Черевкова</i>	126
На смерть летчика. <i>Г. Галиной</i>	127
Бѣлая одежда. <i>Н. Тэффи</i>	128

Мать.

Послѣднее прощанье матери. <i>И. Гриневской</i>	129
Мать. <i>В. Вадимовой</i>	130

Я четыре сына въ мукахъ родила... <i>Наталиі Грушко</i>	132
Орина, мать солдатская. <i>Ал. Дрожжинна</i>	133
Колыбельная. <i>Бенедикта</i>	136

Сестра милосердія.

Сестра. <i>И. Вильде</i>	138
Сестра. <i>Дмитрія Цензора</i>	140
О—га А—на. <i>А. Мейснера</i>	142
Сестра милосердія. <i>А. Воина</i>	143

Англія.

Пѣснь британца. <i>Василія Князева</i>	145
Шотландская пѣсня. <i>А. Д'Актиля</i>	147

Бельгія.

Брабансона. Переводъ <i>В. К.</i>	149
Бельгійскій національный гимнь. <i>Леониды Афанасьева</i>	150
Бельгіи. <i>Т. Щепкиной-Куперникъ</i>	152
Бельгія. <i>Ал. Рославлева</i>	154
Бельгіи. <i>И. Тимковского</i>	155
Бельгійцамъ. <i>Милія Стремина</i>	157
Антверпенъ палъ. <i>Дмитрія Цензора</i>	159
Утѣшеніе Бельгін. <i>Федора Сологуба</i>	160
Антверпенъ. <i>Александра Блока</i>	162
Три креста. <i>Э. Гиптіусъ</i>	164
Антверпенъ. <i>Вл. Краковецкаго</i>	165
Льежъ. <i>Владимира Воинова</i>	166
Бельгійская колыбельная. <i>Арк. Вухови</i>	169
Брюгге. <i>Т. Щепкиной-Куперникъ</i>	172

Франція.

Парижу. <i>Дмитрія Цензора</i>	175
Парижъ. <i>Д. Коковцова</i>	178
Реймскому собору. <i>А. Мейснера</i>	180
Реймскій соборъ. <i>Э. Ростана</i> . Переводъ <i>Н. Минскаго</i>	181
Гибнущая святыня. <i>Н. Архангельскаго</i>	182

Разрушеніе Реймсскаго собора. <i>Ал. Рославлева</i>	841
Соборъ Богоматери <i>А. Липецкаго</i>	185
Реймсскаій звонарь. <i>А. Измайлова</i>	186

Враги.

Вильгельмъ Второй. <i>Федора Солоуба</i>	190
Тевтону. <i>В. Уманова-Капзуновскаго</i>	191
Видѣніе кайзера. <i>Сергій Копыткина</i>	193
Подъ гнетомъ проклятій... <i>Ф. Е. Зарина-Несвицкаго</i>	195
О чемъ пѣла флейта. <i>Донъ-Аминадо</i>	197
Вы можете разрушить башни... <i>М. Кузмина</i>	199
Забытый. <i>Потемкина</i>	200
Въ караулѣ. <i>Танкреда</i>	202
Въ молитвѣ. <i>Танкреда</i>	204

Юморъ и сатира.

Подъ полумѣсяцемъ Босфора. <i>А. Мейснера</i>	205
Въ Берлинѣ. <i>Мистика</i>	207
Серенада. <i>И. Г.</i>	209
Ученая армія. <i>Вега</i>	211
Басенка. <i>М. Стремина</i>	213
Нео-русскіе классики. <i>В. Баятинскаго</i>	214
Басни Крылова. I. Тришкинъ кафтанъ. — II. Напраслина. <i>А. Измайлова</i>	216
Вольное подражаніе Лермонтову. <i>С. Толстова</i>	218
Дружеская переписка. <i>Донъ-Базиліо</i>	219
Пожаръ. <i>Танкреда</i>	221
Телеграммы — и картины... <i>Танкреда</i>	223
Der Porotino. <i>В. Баятинскаго</i>	225
Гордость Германіи. <i>Хафиза</i>	229
Гуси. <i>А. Измайлова</i>	233
Конецъ Германіи. <i>Омикрона</i>	234
Что думаетъ Вильгельмъ II, когда ему не снится. <i>В. Мазуркевича</i>	237
Обычное явленіе. <i>В. Мазуркевича</i>	238
Ни Богу свѣчка, ни чорту — кочерга. <i>Яю</i>	239

Герцогиня Люксембурга. <i>Василія Гнязева</i>	211
Па Зигестъ-алле. <i>Вега</i>	242
Изъ «Сенсацій» мадамъ де-Курдюковой. <i>Бенедикта</i>	244
Изъ тетради пародій. Гренадеры. <i>Сэра Гея</i>	246
Тризна большихъ похоронъ <i>Арк. Бухова</i>	248
Австрійская колыбельная пѣсня. <i>Вега</i>	251

Народное творчество.

I. Мобилизація и сборы на войну	253
1. Не думалось—пришлось	253
2. Фабричная	255
3. Тюремная	256
II. Война	—
1. Утромъ рано на разсвѣтъ	—
2. Пѣсня	258
III. Женскія частушки	259
IV. Сатира	261
1. Нѣмецъ пивомъ облакался	261
2. Вотъ такъ нѣмцы, ой-да ну	262
3. Шли въ Гумбину мы на нѣмца	263
4. Похлебали каши съ щами	—
5. Закрутивши кверху усь	264
6. Нѣмчура совсѣмъ зазнался	265
7. Какъ пришли мы за границу	266
8. Подобрали нѣмцы штанцы	266
9. Сучья дочь Германія	267
10. Пѣту, нѣту фонаря	—
11. Государевымъ приказомъ	—

Добавленіе.

Благовѣсть боя. <i>К. Бальмонта</i>	269
Передъ германскимъ посольствомъ. <i>Бориса Садовскаго</i>	270
Болгарамъ. <i>Сергья Маковскаго</i>	272
Воскресшіе богатыри. <i>Аполлона Коринфскаго</i>	273
Утѣшеніе. <i>Анны Ахматовой</i>	276

Алфавитный указатель авторовъ, произведенія которыхъ вошли въ эту книгу.

Агнивцевъ, П.	108.
Андреевъ, Мих.	96.
Андрусонъ, Л.	82.
Архангельскій, П.	152.
Афанасьевъ, Леонидъ	1, 4, 150.
Ахматова, Анна	276.
Балясный Мих.	25.
Барятинскій, В.	214, 225.
Бахиревъ, Александръ	2.
Бенедиктъ	35, 136, 244.
Берхманъ, Татіана	98.
Блокъ, Александръ	162.
Брюсовъ, Валерій	30, 40, 89.
Буховъ, Арк.	169, 248.
Вадимова, В.	130.
Вегеновъ, В.	85.
Вергунъ, Дмитрій	10.
Веселкова-Кильштетъ, М.	48, 51, 67.
Вильде, П.	138.
В. К.	149.
Вонинъ, А.	143.
Вольнцева, А.	77.
Wega	211, 212, 251.
Галина, Г.	127.
Гиляровскій, Вл.	50.
Гиппиусъ, З.	164.
Годинъ, Яковъ	91.
Голицынъ-Муравлинъ, кн.	7.
Городецкій, Сергѣй	78.
Гриневская, И.	100, 129.
Грушко, Наталія	132.
Д'Актиль, А.	147.
Донъ-Аминадо	197.
Донъ-Базиліо	219.
Дрождининъ, Ал.	133.
Жуковскій, Вл.	177.
Заринъ-Несвицкій, Ф. Е.	195.
Ивановъ, Георгій	20.
Измайловъ, А.	42, 186, 216, 233.
Карповъ, Н. А.	12.
Касаткинъ-Ростовскій, кн. Ѳедоръ	59, 63, 65, 123.
Кашгалинская, П.	39.

Князевъ, Василій	145, 241.
Коковцовъ, Д.	178.
Копыткинъ, Сергѣй	36, 53, 66, 193.
Коринфскій, Апол.	273.
Краковецкій, Вл.	121, 165.
Кузминъ, М.	199.
Лебедевъ, Вл. П.	76.
Липецкій, А.	185.
Мазуркевичъ, В.	49, 237, 238.
Маугли	92.
Меиснеръ, А.	19, 102, 142, 180, 205.
Минскій, Н.	55.
Мистикъ	207.
Намѣтниченко, Евгенія	94.
Окуневъ, Як.	83.
Омикронъ.	234.
Опочининъ, В.	103.
Пересвѣтовъ, И.	13, 22.
Потемкинъ.	200.
Ревякинъ, Ю. В.	33, 60.
Рославлевъ, А.	125, 154, 184.
Рутковскій, В.	118.
Рышковъ, Евгений	71.
Рябовъ-Бѣльскій, В. П.	34.
Савенко-Новоспасская, Н. К.	15, 24, 120.
Сэръ Гей.	246.
Соколовъ, Ив.	8, 97.
Соколовская, Т.	52.
Сологубъ, Ѳедоръ.	28, 32, 47, 160, 190.
Стреминъ, Миліи	157, 213.
Сѣверянинъ, Игорь.	46.
Танкредъ.	72, 202, 204, 221, 223.
Тимковскій, И.	155.
Тихобережскій	110.
Толстовъ, С.	105, 218.
Тэффи, Н.	128.
Умановъ-Каплуновскій, В.	191.
Хвостовъ Н. В.	6, 16, 91.
Хафизъ	229.
Цензоръ, Дмитрій	37, 69, 140, 149, 175.
Черевковъ, Вл.	126.
Щепкина-Куперникъ, Т.	26, 73, 152.
Яго	239.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Настоящій сборникъ произведеній русскихъ поэтовъ обнимаетъ собою только часть того, что было ими написано въ теченіе трехъ мѣсяцевъ отъ начала современной войны. Представить вниманію читателей всю русскую поэзію, посвященную этой войнѣ, не представляется возможнымъ: это заняло бы слишкомъ много мѣста и удорожило бы настоящій сборникъ, издаваемый съ благотворительной цѣлью — на помощь Польшѣ. Составитель сборника, имѣя передъ собою обширный матеріалъ современнаго поэтическаго военнаго творчества, взялъ изъ него, какъ ему казалось, только самое характерное, причемъ его вниманіе остановили на себѣ не только произведенія уже извѣстныхъ „признанныхъ“ поэтовъ, но и начинающихъ, молодыхъ, маловѣдомыхъ, чьи писанія находили себѣ мѣсто по преимуществу на страницахъ провинціальныхъ изданій. Въ интересахъ справочныхъ весь матеріалъ разбитъ на отдѣлы, согласно внутреннему содержанію стиховъ и разработанной темы.

Быть можетъ, настоящій починъ найдетъ себѣ продолжателей, и тогда въ исторію русской поэтической литературы будетъ сдѣланъ своеобразный вкладъ, свидѣтельствующій, какіе моменты и какія явленія современной войны особенно вдохновляли русскихъ поэтовъ. Если въ настоящій сборникъ не попалъ кто-нибудь изъ современныхъ авторовъ, то составитель приноситъ ему свои извиненія; это случилось не по какой-нибудь предвзятости, а вслѣдствіе того, что съ пропущеннымъ произведеніемъ или не удалось своевременно ознакомиться, или оно появилось въ печати послѣ того, какъ настоящій сборникъ былъ уже составленъ и сданъ въ печать.

Въ составленіи настоящаго сборника мнѣ оказали содѣйствіе своими совѣтами и указаніями: П. Н. Венцель (Бенедиктъ), В. А. Мазуркевичъ, А. Ф. Мейснеръ, П. П. Соколовъ, В. В. Умановъ-Каплуновскій, которымъ и приношу мою сердечную товарищескую признательность, какъ равно и В. М. Шахову, помогшему матеріально осуществить настоящее изданіе.

Б. Глинскій.

19—X—914.

Петроградъ.

СЛАВЯНСТВО

ОБЩЕСЛАВЯНСКІЙ ГИМНЪ.

«ГЕЙ, СЛАВЯНЕ!»

(Переложеніе).

Гей, славяне! Днесь свободно
Рѣчь родная льется
До тѣхъ поръ, покуда сердце
За отчизну бьется!

Живъ и крѣпокъ духъ славянскій,—
Будеть жить вѣками!
Не потушить громъ и буря
Нашей мести пламя!

Намъ языкъ дарованъ Богомъ,
Онъ исполненъ силы;
Кто жъ его лишитъ насъ можетъ
Передъ тьмой могилы?

Если всѣ на свѣтѣ люди
Станутъ злы, какъ гномы,—
Намъ не страшно: съ нами Богъ нашъ,
Онъ разсылетъ грѣмы!

Если даже вихорь гнѣвный
Въ грозной силѣ встанетъ,
Сломить дубъ, скалу расщепить,
Грудь земли изранить,—

Мы стоять все такъ же будемъ,
Мощные, какъ стѣны!
Гибель тѣмъ, кто частъ встрѣтитъ
Въ насъ позоръ измѣны!

Леонидъ Афанасьевъ.

СЛАВЯНСКІЙ ГИМНЪ.

(Посвящается братьямъ-славянамъ).

Ликуй, народъ, душою яеной:
По волѣ русскаго Царя
Зажглась надъ родиною прекрасной
Давно желанная заря.

Ликуй, народъ: промчался годы,
И „старый русскій великанъ“
Подъ свѣтлымъ знаменемъ свободы
Идетъ къ семьѣ родныхъ славянъ.

Онъ скажетъ имъ: „Вы долго ждали,
Я долго мракомъ скованъ былъ,
Но свѣтъ пришелъ, завѣсы пали,
И васъ я, братья, не забуду.“

„Пришелъ я сбросить рабства бремя,
Пришелъ какъ братъ, а не какъ врагъ,
Я васъ зову, родное племя,
Подъ мой свободный, свѣтлый стягъ.“

„Мы вмѣстѣ, дружною семьею,
Посѣдемъ правду на землѣ
И будемъ жить одной душою
Въ Варшавѣ, въ Прагѣ и въ Кремлѣ.“

Александръ Бахиревъ.

СЕРБСКІЙ НАЦІОНАЛЬНЫЙ ГИМНЪ.

(Переложеніе).

Боже правый, Ты, что дивомъ
Охранялъ насъ въ бѣдствій дни,
Вновь внемли сердець призывамъ
И опять насъ сохрани.
Благо жизни щедро множа,
Къ мощи, къ славѣ двинь народъ!
Сохрани, всеильный Боже,
Короля и сербскій родъ!

Сербскимъ братьямъ дай сплоченье
Въ славномъ дѣлѣ безъ измѣнъ,
Миръ несетъ врагу смятенье,
Сербству—твердость крѣпче стѣнъ.
Пусть на сербской вѣтви къ счастью
Зрѣеть братства чудный плодъ!
Сохрани, о Боже, властью
Короля и сербскій родъ!

Пусть надъ вѣрной головою
Не падетъ твой гнѣвный громъ!

Осѣни своей рукою
Поле, ниву, градъ и домъ!
А подступитъ врагъ лукавый, —
Для побѣдъ веди народъ!
Сохрани, о Боже правый,
Короля и сербскій родъ!

Изъ могильной тьмы пріяло
Сербство новый блескъ зари.
Время новое настало,
Новымъ счастьемъ подари!
Плодъ борьбы пятивѣковой,
Королевство защищай,
И Петра для славы новой
Мощной силой сохраняй!

Леонидъ Афанасьевъ.

МОЛИТВА СЛАВЯНЪ.

Стучать мечи, гремятъ оковы,
И черно-желтый вьется флагъ:
На насъ грядетъ многовѣковый,
Непримиримый, алчный врагъ.

Въ семью славянъ внося раздоры,
Насъ, братьевъ, ссоря и дѣля,
Себѣ беретъ онъ наши горы
И наши мирныя поля.

Поруганъ храмъ, гонима вѣра,
Неправосуденъ швабскій судъ,
Подъ хитрой маской лицемѣра
Пьетъ нашу кровь тевтонецъ-спрутъ.

Очамъ Твоимъ, Господь, открыты
Людей неправые пути:
Мы ждемъ Твоей святой защиты,
Грозы удары отврати!

Укрой Твой міръ отъ непогоды,
Сердца жестокия смири
И солнцемъ правды и свободы
Весь край славянскій озари!

Н. Б. Хвостовъ

СЛАВЯНАМЪ.

Славяне, мы идемъ! Тотъ день наступитъ вскорѣ.
Когда, въ сіяніи любви и торжества,
Славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ,
И Русь произнесетъ великія слова:

„Освобожденные, я къ вамъ пришла съ любовью!

„Всевышній мнѣ помогъ вамъ радость принести.

„Я проложила путь для васъ своею кровью,

„Объединитесь все на томъ святомъ пути!

„То для славянства путь любви и возрожденья,

„Работы творческой исконныхъ свѣтлыхъ силъ.

„Пусть вѣдасть весь міръ, что для объединенья,

„Для общаго труда Господь васъ воскресилъ“.

Кн. Голицынъ-Муравлинъ.

СЛАВЯНСКІЕ ОРЛЫ.

Подъ грозной тучей, что легла
Надъ Вислой, Припятью и Бугомъ,
Средь блеска молній, два орла
Нежданно встрѣтились другъ съ другомъ:
„Здорово, братецъ!“

„Здравствуй, братъ!“

— „Откуда?“

„— Путь держу далекій:

„Съ родныхъ холмовъ чрезъ Днѣпръ широкій,
„Туда, все дальше, на закатъ!
„Лечу вослѣдъ казачьей лавѣ,
„Героямъ-витязямъ вослѣдъ,
„Навстрѣчу ихъ великой славѣ,
„Громамъ неслыханныхъ побѣдъ!
„А тамъ, гдѣ сѣверъ хмурить далъ,
„Отъ стогоновъ царственной рѣки
„Мои глаза считать устали
„Неисчислимыя полки;
„Они идутъ и днемъ и ночью,
„Все ближе, строже, все грознѣй...
„О, если бѣ видѣлъ ты воочью
„Всю силу родины моеи!

„Орлинымъ сердцемъ гордо чую
„Надене вражескихъ преградъ,
„Туда стремлюсь, туда лечу я!..
„А ты откуда?“

„— Отъ Карпатъ!

„Отъ страдныхъ гнѣздъ на старой грани
„Тебѣ родныхъ издревле мѣсть,
„Гдѣ покоренные славяне
„Несутъ отъ вѣка тяжкій крестъ;
„Гдѣ звонъ цѣней и мракъ темницы,
„Весь гнетъ и ужасъ бытія,
„Гдѣ Стрый и Львовъ, и Черновицы,
„Гдѣ Русь Червонная моя!
„Но пробилъ часъ, и въ тюремъ своды
„Проникъ желанный лучъ зари:
„Въ защиту правды и свободы
„Пришли твои богатыри!
„Несу я вѣсть отъ Буковины,
„Отъ Сана тонкихъ береговъ:
„Что богатырскія дружины
„Сметають полчища враговъ,
„Что путь открытъ на Пешть, на Краковъ,
„На Вѣну... и со всѣхъ сторонъ
„Лишь гулъ побѣдъ твоихъ юнаковъ
„И слава сѣверныхъ знаменъ!..
„— Такъ будемъ вмѣстѣ съ этой славой!..
.....

И тамъ, гдѣ тучъ рѣдѣла мгла,
При блескѣ солнца, два орла
Слилися вдругъ въ одинъ—двухглавый!

Ив. Соколовъ.

СЛАВЯНСКАЯ СТРАЖА.

Къ Дунаю, славяне, къ Дунаю,
Къ исконно-славянскому краю,
Всеѣ помыслы ваши несите—
Въ завѣтномъ бою
За долю свою
Вы съ помощью братьевъ спѣшите!

Дунай—колыбель нашей славы,
Гнѣздо онъ славянской державы.
При Самъ-Царѣ правды наши
Тамъ бились съ врагомъ,
Хранили свой домъ
И пили медовыя чаши.

У Сама родились три сына,
Три истыхъ, какъ онъ, славянина:
Полякъ, Чехъ и Русь.
При смерти отецъ
Тому далъ вѣнецъ,
„Кто вражыхъ не вынесетъ узъ!“...

И въ міръ растеклися три брата,
Родителя воля имъ свята,
И бьются съ тѣхъ поръ безъ конца—
За имя, за свѣтъ,
Свободы завѣтъ,
За гордое знамя отца.

Два брата не справились съ рокомъ,
А младшій на свѣтъ широко
Устроилъ могучее царство,—
Да братьевъ снасти
И ладъ завести
Сосѣдей мѣшаетъ коварство.

Забыли сыны о Дунаѣ,
Иныя нагрянули стаи
И заняли прадѣдовъ нивы;
Но съ давнихъ временъ
Насъ манить трезвонъ
Туда, гдѣ Дуная разливы.

Тамъ грянетъ послѣдняя битва,
Всеѣхъ общая свяжетъ молитва,
Найдется и доля родная, —
И тамъ сторожить,
И братьямъ трубить
Славянская стража Дуная...

Дмитрій Вергунъ.

СЕРВСКАЯ ПѢСНЯ.

Снова ты будешь, родная,
Участь оплакивать вдовью, —
Тихія воды Дуная
Снова окрасились кровью.

Вторгнулся врагъ кичливый,
Волкомъ онъ рыщетъ насытымъ;
Наши родимыя нивы
Топчетъ онъ конскимъ копытомъ.

Слышимъ, — труба боевая
Воетъ звончѣй и побѣднѣй,
Храбрыхъ бойцовъ призывая
Къ битвѣ кровавой, послѣдней.

Дрогнуть отъ топота нивы,
Дрогнетъ земная утроба;
Слыша родные призывы,
Мертвые встанутъ изъ гроба.

Н. А. Карповъ.

ДОМБРОВНА ¹⁾.

(Кролевецкая баллада).

На поморьѣ славянскомъ,—подъ Кролевцемъ, подъ
Гданскомъ, —
Звѣрскій смѣхъ раздается да стоны:
То язычниковъ крестятъ, а язычницъ безчестятъ
Господа крестоносцы-тевтоны.
Вотъ гроемейстеръ маститый--Юнгвиненъ знаменитый—
Въ замокъ Мальборгъ комтуровъ сзываетъ:
Онъ зоветъ не на пьянство, не на травлю крестьянства,—
Онъ съ Витовтомъ войну затѣваетъ:
Польша спорить съ Литвою, а Русь той порою
Отъ Литвы понадетъ на орѣхи.
Мы пойдемъ, нашу силу нмъ покажемъ, а съ тылу
На Витовта накинута чехи.
— Гохъ!—весь орденъ взываетъ, свой доспѣхъ надѣваетъ,
Лошадей наряжаетъ въ попоны

¹⁾ Домбровна—славянское названіе Грюнвальда, гдѣ въ 1410 году произошла знаменитая битва между тевтонскимъ орденомъ и славянами.

И, закрывшись щитами, страшно водить усами:

Всѣхъ побьютъ, моль, лихіе тевтоны!

Ѣдутъ рыцари лугомъ, совѣщаясь другъ съ другомъ

О раздѣлѣ добычи богатой...

Блещутъ латы да шлемы... Молвятъ нѣмцы:—А гдѣ мы?—

— Близъ Домбровны,—отвѣтилъ вожатый.

Молвятъ нѣмцы другъ другу:—Знать, Литва съ перенугу,

Какъ клопы, позапрыгались въ щели?—

Но въ отвѣтъ надъ равниной исполненной щетной

Сотни коней вдали зачернѣли...

— Бей литовцевъ проклятыхъ!—Рѣжь комтуровъ усатыхъ!

Все смѣшалось въ кровавомъ туманѣ...

Бьетъ Литву мечъ тевтонскій... Но звучитъ топотъ конскій:

То на выручку скачутъ смоляне!

Велѣдъ за русскими—справа сынетъ польская лава,

Впереди—Земовитъ Мазовецкій,

Съ нимъ и Зындрамъ, а рядомъ—Жижка съ чешскимъ

отрядомъ

Въ тылъ заходитъ армадѣ нѣмецкой...

Что тутъ нѣмцевъ помято! Что тутъ рыцарей взято!

Земовиту, однако, все мало:

— Гей,—кричитъ онъ,—панѡчки! Это—только цвѣточки,

А для ягодъ—пора не настала!

Ждите большаго дива!...—

Люди ждутъ терпѣливо,

Пять вѣковъ и три года все ждали...

Вдругъ земля всколыхнулась, Русь проснулась,

встряхнулась,

Люди сонъ наяву увидали!

И. Пересвѣтовъ.

БОЛГАРАМЪ.

Все окуталъ дымъ зловѣщій—
Лѣсъ, деревни и поля.
Отъ палбы, отъ грома сѣчи
Задрожала вся земля.
Бьется тамъ славянства племя,
Все отвагою полны,
Цѣль одна владѣть всѣми..
Гдѣ жъ Болгарин сыны?
Нль забыли вы, что дѣды
Наши дрались много разъ
И подъ славный громъ побѣды
Возродили къ жизни вась?
Ваши нивы колосяются:
Ихъ вспоила наша кровь.
До сихъ поръ еще хранятся
Груды русскихъ череновъ.
А теперь стыдомъ измѣны
Занятели вы себя.
Или вамъ дороже Вѣна,
Чѣмъ славянская семья?
Братья, братья, врагъ ужъ грозно
Въ смертный бой полки ведетъ...
Такъ скорѣй, пока не поздно,
Съ общимъ знаменемъ впередъ!

Н. К. Савенко-Новоспасская.

ГАЛИЦКАЯ РУСЬ

ГАЛИЦИИ.

Блѣднѣетъ мракъ, уходитъ ночь,
Въ сіяньи день родится новый.
Вставай, возлюбленная дочь,
Снимай разбитыя оковы!

Довольно слезъ ты пролила,
Томясь въ страданьи на чужбинѣ:
Подъ стѣнь родимаго крыла
Встунай, свободная отнынѣ!

Я—мать, печальница твоя,
Пади же, дочь, въ мои объятья!
Давно ужъ ждетъ тебя семья:
Сестра Москва и съ нею братья.

Въ истокахъ Невскихъ сынъ Петра.
Надъ Волгой сынъ отъ Ярослава,
И на Украинѣ сестра
Единокровная Полтава.

Одесса, Кіевъ, Могилевъ —
Вся Русь—семьей объединенной
Прислали витязей-пословъ,
Къ тебѣ, красавицѣ Червонной.

Они сошлись, и тихій Донъ
Разить тевтоновъ въ грозной сѣчѣ...
Ты слышишь сабель острыхъ звонъ?
Орудій смерти слышишь рѣчи?

Со всѣхъ концовъ родной земли
Сыны ея стремятся къ бою,
Они, Галиція, пришли
Къ горамъ Карпатскимъ за тобою.

Нѣтъ на рукахъ твоихъ цѣпей,
Разрушенъ сводъ тюрьмы суровой,—
Сливайся съ родиною своею
Великою, Малою, Бѣлою, Новою!

Н. Б. Хвостовъ.

Г Р О З А.

Воздухъ сгущенный, давя, какъ дурманъ,
Тяжко дымился косматыми тучами..
Съ запада ползъ непроглядный туманъ
И осѣдалъ надъ Карнатскими кручами...

Грянула Божья гроза! по землѣ
Громъ небывалый прошелъ перекатами..
Вспыхнули молніи... въ каждой скалѣ
Эхо проснулось, гремя за Карнатами...

Развѣ не легче дышать? кругозоръ
Развѣ не шире? гроза небывалая
Тучи разносить... и въ выступахъ горъ
Ярко заря загорается алая...

В. Опочининъ.

СОНЕТЪ ЧЕРВОННОЙ РУСИ.

Гляжу впередъ безъ страха,—не робѣя:
Восходятъ тѣни гдѣ-то далеко:
Хмельницкаго, Шевченка, Кочубея...
За ними—тѣнь слѣпного Василько.
...За рубежомъ... Тамъ сердцу не легко...
За рубежомъ... Но та же все Украина.
И тѣ же ночи, темныя, какъ тайна,
И тѣ же сны Оксаны и Грицко...
Далекъ ли путь отъ Львова до Полтавы!
Поставимъ стягъ единой русской славы!
Единая наслѣдственная кровь
Сольетъ въ одно и наши пѣсни, стени...
Страна славянъ, твои разбиты цѣпи
И ждуть тебя Свобода и Любовь.

А. Мейснеръ.

ГАЛИЦКАЯ ПѢСНЯ.

Неподвижны крылья мельницъ.
Что молоть-то? Хлѣбъ не сжать.
Грустно вѣтки липъ-отшельницъ
Надъ Галиціей дрожать.
Горько, братья, тошно, братья,
Посылать своихъ дѣтей
Подъ австрійскія проклятья,
Подъ удары ихъ плетей!
Въ день суровый бабы выли—
Не излечится тоска,
Если въ рекруты забрали
И сына, и муженька,
Да велятъ ити сражаться
Съ братомъ русскимъ, какъ съ врагомъ.
Какъ же сердцу тутъ не сжаться
Тайной мыслью о другомъ!
Съ Богомъ, братья! Рабство сбросимъ,
Смѣло вспрянемъ безъ оковъ,
Мы недаромъ имя носимъ
Угроруссовъ отъ вѣковъ.

Пусть война встаетъ пожаромъ—
Въ немъ свободы намъ заря,
Тамъ трепещетъ въ блескъ яркомъ
Знамя Бѣлаго Царя.
Прочь кокарды и погоны
Швабовъ! Выше русскій стягъ!
Мы австрійскіе патроны
Не истратимъ на пустякъ!
Пусть не сняли урожая,
Но зато нашъ мирный край,
Австріяковъ поражая,
Сниметъ славы урожай!

Георгій Ивановъ.

«НОЧИ ТЕМНЫ. ТУЧИ ГРОЗНЫ...»

(Посвящается Н. В. Ружскому).

Тѣни мрачныя спустились
На просторъ родныхъ полей,
Тучи грозныя спустились,
Ночь все ближе, все темнѣй.
Въ царствѣ рабскаго молчанья,
Средь унылой жуткой тьмы,
Взоръ пугаютъ очертанья
Львовской габсбургской тюрьмы
Крѣпко выходы забиты,
Словно крышкой гробовой.
Тѣ, кто тамъ,—людьми забыты.
Что грозить имъ, Боже мой!
Тише... Въ церкви ль зазвонили?
Звуки плавные растутъ...
Что за щекотъ? Соловьи ли
Предразвѣтный гимнъ поютъ?
Прѣсвѣтъ издали несется,
Свистъ все ближе, все сильнѣй.
Доль гудить, земля трясется,
Снова жизнь забила въ ней...

Это явь? Иль сновидѣнье?
Боже! Старый русскій Львовъ,
Слышишь ты? Вѣдь это—пѣнье
Шагомъ ѣдущихъ донцовъ!
Взвыль тюремщикъ вѣроломный,
Въ дикой паникѣ бѣжить.
А вдогонку „*Ночи темны,*
Тучи грозны...“ все звучить...
Яркій лучъ блеснулъ съ востока,
Надъ землею рѣдѣетъ мгла,
И нашъ Львовъ вдохнулъ глубоко:
Тучи скрылись! Ночь прошла!

И. Пересвѣтовъ.

НА ВЗЯТИЕ ЛЬВОВА.

Сердце радостно забилося снова,
Снова сбиты полчища враговъ.
Нѣтъ ужъ больше Лемберга чужого,
Есть родной, старинный русскій Львовъ.
Боже, этой радостной минуты
Ждали мы ужъ многие года,
И порой казалось, что замкнуты
Двери въ Львовъ для русскихъ навсегда.
Но нашъ мечъ пробилъ себѣ дорогу
Въ русскій край давно минувшихъ дней,
Въ древній край Владимира Святого,
Володаря и Владимирка князей.
Подъ своей державой, Русь Святая,
Возвращенныхъ приголубь сыновъ
И, въ свою семью ихъ призывая,
Дай покой имъ, ласку и любовь.

И. К. Савенко-Новоспасская.

ВОИНАМЪ ЮЖНОЙ ДРУЖИНЫ.

Стоите вы у поля битвы
И смѣлой грудью рветесь въ бой...
Къ вамъ, къ вамъ прикованы молитвы
И взоръ любви Русси святой!

Синѣютъ передъ вами горы —
Тамъ тоже Русь сѣдыхъ Карпатъ.

Заставы ваши и дозоры
Ужъ занимаютъ древній скать.

Грохочетъ бой, и ты, дружина,
Шагнешь впередъ за Прутъ, за Санъ
И силой мощной исполнина
Разсѣнешь ты коварный станъ.

Скорѣе братьямъ дай свободу,
Въ разстрѣлахъ гибнущимъ, въ крови,
И вѣковую ихъ невзгоду
Развѣй ты подвигомъ любви.

Песни же стягъ на поле битвы
За древній Галичъ нашъ родной!..
Благословятъ тебя молитвы
И взоръ любви Русси святой...

Михаилъ Балаевый.

ПОЛЬША

НАША МЛАДШАЯ СЕСТРА.

Край намъ близкій Польша, Польша, —
Наша младшая сестра, —
Занялся разсвѣтъ твой смутно
Въ грозномъ пламени костра.
Дымъ пожаровъ, рѣки крови,
Безъ пощады злобный врагъ,
И дѣтей голодныхъ стоны,
И разграбленный очагъ.
Мирныхъ селъ опустошенье,
Ярость пуль, набата жуть...
Вотъ, сестра, въ какое время
Всходишь ты на новый путь.
Вся израненная, Польша,
Утопаешь ты въ крови,
Но не бойся, есть въ Россіи
Много силы и любви.
Ты, сестра, за насъ страдала,
Жертва бѣдная, прости, —
Мы твои залечимъ раны,
Мы должны тебя спасти.

Мы дѣтей твоихъ накормимъ,
Обогрѣемъ бѣдняковъ,
Пріютимъ несчастныхъ братьевъ
И вернемъ имъ отчій кровъ.

Всепрощенья, примиренья
И любви святой залогъ
Въ эту тяжкую годину
Намъ найти поможетъ Богъ.

Для родной и близкой Польши
Кто-что можетъ—пусть даетъ;
Дайте щедро, дайте больше
Хлѣба, ласки и заботъ.

Пусть увидитъ, что за бурей
Будетъ свѣтлая пора,—
Оживетъ и встанетъ Польша—
Наша младшая сестра.

Г. Щепкина-Куперникъ.

СТАНСЫ ПОЛЬШѢ.

Ты никогда не умирала,—
Всегда плѣнительно жива,
Ты и въ неволѣ сохраняла
Твои державныя права.

Тебя напрасно хоронили,—
Себя сама ты сберегла,
Противоставивъ грозной силѣ
Надежды, пѣсни и дѣла.

Твоихъ поэтовъ, мать родная,
Всегда умѣла ты беречь,
Восторгомъ сердца отвѣчая
На ихъ пророческую рѣчь.

Не заслужили укоризны
Твои сыны передъ тобой,—
Ихъ каждый трудъ былъ для отчины
Надъ Вислой, какъ и надъ Невой.

И нынѣ, въ годъ великой битвы,
Не плюю проклятiя войнѣ.
Съ твоими и мои молитвы
Соединить отрадно мнѣ.

Не дли ея страданiй дольше —
Молю небеснаго Отца, —
Перемѣни великой Польшѣ
На лавры тернiя вѣнца.

Федоръ Сологубъ.

ПОЛЬШЬ.

Орель одноплеменный!
... Вѣрь слову русскаго народа:
Твой перлъ мы свито сбережемъ,
И наша общая свобода,
Какъ фениксъ, возродится въ немъ!

О. Тютчевъ.

Провидецъ! Стихъ твой осужденный
Не наше ль время прозрѣвалъ,
Когда „орель одноплеменный“
Напрасно крылья расширялъ!

Сны, что тебѣ туманно снились,
Предстали намъ, воплощены,
И вѣщимъ свѣтомъ озарились
Въ багровомъ заревѣ войны.

Опять родного намъ народа
Мы стали братьями,—и вотъ
Та „наша общая свобода,
Какъ фениксъ“, править свой полеть.

А ты, народъ скорбей и вѣры,
Подъявшій вмѣстѣ съ нами брань,
Услышь у гробовой пещеры
Священный возгласъ: „Лазарь, встань!“

Ты, бывший мертвымъ въ этомъ мѣрѣ,
Но тайно памятный Судьбѣ,
Ты—званный гость на нашемъ пирѣ,
И первый нашъ привѣтъ—тебѣ!

Просторъ родимаго предѣла
Единымъ взоромъ облелѣй,
И крики „Польска не сгинѣла!“
По-братски съ русскимъ гимномъ слей.

Валерій Брюсовъ.

БРАТЬЯМЪ.

На милый край, гдѣ жизнь цвѣла,
До Вислы на равнины наши
Тевтоновъ ярость разлила
Огонь и смерть изъ полной чашни.
Какъ въ день Последняго Суда,
Сверкаль огонь, гремѣли громы,
Пылали наши города,
И разрушались наши дома.
Когда ожесточенный бой
Къ инымъ предѣламъ устремлялся,
На нашихъ улицахъ разбой
Тевтонской рати начинался.
Презрѣвши страхъ дѣтей и дѣвъ,
На слезы отвѣчая смѣхомъ,
Въ безстыдство перешедшій гнѣвъ
Къ безумнымъ тяготѣль потѣхамъ.
И кровь струилася, и вновь
Вставалъ угарный дымъ пожара,
И пепломъ покрывала кровь
Родныхъ и милыхъ злая кара.
Изъ милыхъ мѣсть насъ гонитъ страхъ,
Но говоримъ мы нашимъ дѣтямъ:
— Не бойтесь: въ русскихъ городахъ
Мы все друзей и братьевъ встрѣтимъ.

Федоръ Сологубъ.

ЗАЩИТА ВАРШАВЫ.

Да, онъ надѣялся, коварно-злойный врагъ,
Прійти и разгромить прекрасную Варшаву,
И, въ мѣрѣ укрѣпивъ тевтоновъ гордыхъ славу,
Надъ Вислой свѣтлою поднять побѣдный стягъ...

Да, онъ надѣялся, что старые раздоры
И раны старыя покажутъ рознь славянъ.
Увы, ошибся онъ, урокъ великій данъ
Въ минуту славную: забыты всѣ укоры,

Забыта вся вражда, и русскіе полки
Варшава свѣжими осыпала цвѣтами,
Съ молитвой жаркою, съ горячими слезами
Тамъ провожали въ бой побѣдные штыки.

И русскіе пошли, великою любовью,
Союзомъ дружескимъ согрѣлись ихъ сердца,
И выдержали бой тяжелый до конца
И земли польскія полили жаркой кровью.

Варшава спасена! Сгорая отъ стыда,
Жестокій врагъ бѣжитъ, склонивъ свои знамена,
И злобный замыселъ кичливаго тевтона
О грудь славянскую разбился безъ слѣда.

Ю. В. Ревякинъ.

ВЪ ЧЕНСТОХОВѢ.

Плачетъ сынъ: „Душа томится!
Гдѣ отецъ? О мать, не скрой!“
— За него, родной, молиться
Будемъ Господу съ тобой!..

„Близко ли наши полки?
О, какъ мнѣ, матушка, жутко!“
— Тише, .. идутъ пруссаки..
Слышишь ихъ крики, малютка?

Смолкъ ребенокъ, къ взрослой жметя,
Бьется птичкой сердце въ немъ.
Шумъ все ближе раздается
Въ переулкѣ, за окномъ...

Это не сонъ и не бредъ:
Двери прикладами сбиты;
Брезжитъ далекій разсвѣтъ,
Темною тучей повитый...

Снова тишь вокругъ и дрема,
Никого никто не ждетъ,
Только кровь у оконъ дома
Молча къ небу вопіеть...

В. П. Рябовъ-Вѣльскій.

ПОЛЬШѢ.

(Сонетъ).

Всѣ бѣды, ужасы всѣ вражьяго вторженья
Познать пришлося тебѣ, о Польская земля!
Врагъ злобный твоего некаль уничтоженья,
Добычу жданную заранѣе дѣля.

Губителенъ былъ слѣдъ тевтонскихъ ордъ движенья,
Опустошившихъ мирныя поля...
Но тяжкій швабскій млатъ коваль для насъ сближенье,—
На Ченстохова звонъ звучалъ отвѣтъ Кремля.

Не надо пышныхъ фразъ, не время суесловью,—
Сильнѣе не скрѣпить связующихъ насъ узъ:
Тѣ узы спаяны пролитой вмѣстѣ кровью!

О, Польша! Пусть удѣлъ твой нынѣ и печаленъ,—
Недолго ужъ нести невзгодъ и бѣдствій грузъ,
И обновленною ты встанешь изъ развалинъ.

Бенедиктъ.

ПОЛЬШЬ.

Не можетъ быть невзгоды большей,
Чѣмъ та воинственная мгла,
Что надъ несчастной, гордой Польшей,
Какъ страшный призракъ, залегла.

Судилъ Господень Помысль дальній
Странѣ мазуровъ и полянъ
Быть раскаленной наковальней
Въ борьбѣ за первенство славянъ.

Германскій вебрь, пронзенный шкочей,
Учюя смерти голоса,
Рыча и брызжа пѣной дико,
Вломился въ польскіе лѣса.

Онъ сжегъ поля, разграбилъ селы,
Разбилъ сѣдые города.
Онъ осквернилъ твои костелы,
Дикарь, не знающій стыда.

Не плачь, сестра! Злодѣйствамъ вражьиимъ
Придетъ конецъ... близка пора —
Твои мы раны перевяжемъ,
Мы исцѣлимъ тебя, сестра!

Сергей Копыткинъ.

В О Й Н А

СТАНСЫ О ВОЙНѢ.

Да, въ мірѣ не было священнѣй,
Правдивѣй не было войны!
Полна высокихъ отреченій,
Полна безмѣрной глубины, —
Надежды столькихъ поколѣній
Въ ея чертахъ отражены!

Холмы изъ тѣль, моря изъ крови, —
Но скорбью духъ не омраченъ.
И только гнѣвъ сдвигаетъ брови
Предъ злобой вражескихъ племенъ,
И месть святая наготовѣ
Для ихъ разбойничьихъ знаменъ.

Да, нуженъ былъ глаголь изъ стали,
Былъ нуженъ всенародный сдвигъ,
Чтобъ свято сызнава звучали
„Россія“, „Родина“... И вмгъ
Мы героическими стали,
И каждый высшее постигъ.

Теперь, забывъ печали наши
И наши скучныя слова,
Мы жадно пьемъ изъ полной чаши
Борьбы, надеждъ и торжества,
И нѣтъ восторженнѣй и краше
Мечты, которая жива:

Освободить весь мѣръ отъ гнета!
Пусть кровь безцѣннѣе воды, —
Но алый штормъ порветъ тенета
Безправья, злобы и вражды.
Не станетъ грознаго оплота
Для вѣчно алчущей Бѣды.

Когда же имена убитыхъ
Мы, уцѣлѣвшіе, сочтемъ, —
Мы выжжемъ ихъ на славныхъ плитахъ,
Чтобъ повторять ихъ каждымъ днемъ!
Тогда не будетъ нозабытыхъ
Въ странѣ, очищенной огнемъ.

И не смутить народной вѣры
Огнемъ губительныхъ мортиръ!
Пусть кровь людскую пьютъ безъ мѣры
Земля, и Смерть справляетъ пиръ, —
Мы на зарѣ великой эры:
Безсмертнымъ въ мѣрѣ станетъ Миръ!

Дмитрій Цензоръ.

НАДЪ МІРОМЪ СМЕРТЬ.

Надъ міромъ смерть простерла крылья,
Кровавый саванъ молча палъ.

Борьбы напрасныя усилья...

Надъ міромъ смерть простерла крылья,
Загробный слышится хоралъ.

И тонетъ тьма въ волнахъ кровавыхъ,

И тонетъ въ небѣ мертвый взоръ.

Все суета, земной нѣтъ славы...

И тонетъ тьма въ волнахъ кровавыхъ,

Лишь смерти воля да просторъ.

Но близокъ грозный часъ возмездья!

Господь всеиленъ и могучъ.

Все ярче на небѣ созвѣздья...

И близокъ грозный часъ возмездья,

И смерть мерцаетъ изъ-за тучъ.

Взойдетъ заря надъ полемъ брани,

Надъ смертью солнце заблеститъ.

Не будетъ слезъ, ни воздыханій.

Заря взойдетъ надъ полемъ брани,

Христось улыбкой озаритъ.

И. Капиталинская.

ПОСЛѢДНЯЯ ВОЙНА.

Свершилось! Рокъ рукой суровой
Приподнялъ завѣсу времянь.
Предъ нами лики жизни новой
Волнуются, какъ дикій сонъ.

Покрывъ столицы и деревни,
Взвились, бушуя, знамена.
По пажитямъ Европы древней
Идетъ послѣдняя война,

И все, о чемъ съ безплоднымъ жаромъ
Цугливо спорили вѣка,
Готова разрѣшить ударомъ
Ея желѣзная рука.

Но вслушайтесь! Въ сердцахъ стѣсненныхъ
Не голосъ ли надеждъ возникъ?
Призывъ племенъ порабощенныхъ
Врывается въ военный крикъ.

Подъ топотъ армій, громъ орудій,
Подъ ньюнора гудящій летъ,
Все то, о чемъ мы, какъ о чудѣ,
Мечтали, можетъ быть, встаетъ!

Вѣдь слишкомъ долго мы коснѣли
И д.или Валтассаровъ ширь!
Пусть, пусть изъ огненной купели
Преображенный выйдетъ мѣръ!

Пусть падаетъ въ провалъ кровавый
Строенье шаткое вѣковъ, —
Въ невѣрномъ озарены сланы
Грядущій мѣръ да будетъ новъ!

Пусть рушатся былые своды,
Пусть съ гуломъ падаютъ столбы, —
Началомъ мира и свободы
Да будетъ страшный годъ борьбы!

Валерій Брюсовъ.

ВОРОНЪ КЪ ВОРОНУ ЛЕТИТЬ.

(Баллада).

Воронъ къ ворону летитъ,
Воронъ ворону кричитъ:
„Вѣщій братъ мой, гдѣ леталъ,
Гдѣ леталъ и что видалъ?“

Воронъ ворону въ отвѣтъ:
„Облетѣлъ я бѣлый свѣтъ,
Покружилъ за вражьимъ станомъ,
Вылъ за Вислой, былъ за Саномъ,
Ночь и день летѣлъ назадъ, —
Плохо дѣло, черный братъ!
Не запомню за столѣтя
Я такого лихолѣтя...

Почью первой налетѣлъ
Я на поле мертвыхъ тѣлъ.
Другъ и врагъ сплелись въ объятьѣ, —
То-то пиръ вороньей братьѣ!
Дѣвы, жены позади, —
Крестъ кровавый на груди.

Пусто. Вѣтеръ лишь холодный
Въ уши имъ шумить отходной...
Въ мутныхъ звѣздахъ неба твердь,
И вдвоемъ — Вильгельмъ и Смерть,
Мертвецовъ даря парадомъ, —
Другъ съ подругой, — ѣдутъ рядомъ.

Возлѣ Рейнскихъ береговъ
Помнишь замокъ Рюнгенсгофъ?..
На исходѣ новой ночи
Здѣсь на мигъ смежилъ я очи.
Утромъ внемлю шумъ людей,
Крики черныхъ лебедей.
Древній замокъ полонъ гула,
Трубныхъ звуковъ караула...
Вѣнцій братъ мой и сосѣдъ,
Я узналъ людской секретъ!
Въ замокъ узница томится,
Синеокая дѣвица,
Влѣдной ручкой рветъ цвѣты,
Въ бездну смотритъ съ высоты
Да слѣдить, какъ прудъ вскачали
Черны лебеди печали...
Много ль дѣва точить слезъ, —
Знаетъ только вѣрный песъ ¹⁾).

Какъ безъ сна проводить ночи, —
Видятъ звѣзды, Божьи очи.

¹⁾ Великой герцогинѣ люксембургской Аделаидѣ-Марин германцами, въ концѣ концовъ, разрѣшено оставить при себѣ ея собаку и черныхъ лебедей.

А какъ вздохи глубоки, —
Слышать прусскіе стрѣлки,
Что шагаютъ подъ стѣнами
Съ закаленными штыками...

Третья ночь была безъ сна,
Синь небесная ясна.
Надъ землею лился бездной
Градъ свинцовый и желѣзный.
Тяжко дымный воздухъ вылъ, —
Высоко я къ небу взмыль:
Бросивъ внизъ снопы-зарницы,
Тамъ стальные плыли птицы...
Ихъ неясный странень ликъ,
Небесамъ ихъ мерзокъ крикъ.
Крыльевъ ихъ завидя круги,
Прочь орлы летятъ въ пенугъ...
Гдѣ желѣзный грифъ летѣлъ,
Груда тамъ кровавыхъ тѣлъ.
Любо! Гей, летимъ, товарищъ,
Пировать среди пожарницъ!...“

Воронъ ворону въ отвѣтъ:
„— Я и сытъ, и время нѣтъ!
Нынче я лечу гонцомъ
Въ дальній хуторъ надъ Донцомъ.
День и ночь у хуторка
Ждетъ казачка казака.
Я на крышу прилечу,
Клювомъ въ крышу застучу:
Ой, казачка, не плошай! —
Понимай воронограй! —

Понимай воронограф,
Больше духу принасай!
Ой, ужалень милый твой
Въ сердце самое пчелой.
Вспячь ему не пріѣзжать,
Губь твоихъ не цѣловать.
Земляной просторень гробъ,
Отпѣвалъ его не пошъ, —
Буйный вѣтеръ отпѣвалъ,
Очи — я ему склевалъ...”

А. Измайловъ.

БЛАГОСЛОВЕНІЕ.

Я не сочувствую войнѣ,
Какъ проявленью грубой силы.
Страшны досрочныя могилы
И оскорбительны вдвойнѣ.

Къ побѣдѣ красная стезя,
И скорбь на ней — исходъ конечный.
Безразумной и безсердечной
Войнѣ сочувствовать нельзя.

Но есть великая война —
Война народной обороны:
Отбросить вражьи легіоны
Встаетъ пронзенная страна.

Когда отечество въ огнѣ,
И нѣтъ воды, лей кровь, какъ воду...
Благословеніе народу!
Благословеніе войнѣ!

Игорь Стьверянинъ.

НА НАЧИНАЮЩАГО БОГЪ.

На начинающаго Богъ!
Вѣщанью мудрому повѣрьте.
Кто шлетъ сосѣдямъ злыя смерти,
Тотъ самъ до стона изнемогъ.

На начинающаго Богъ!
Его твердыни стануть пылью,
И обречетъ Господь безсилью
Его, зачинщика тревогъ.

На начинающаго Богъ!
Его кулакъ въ бронѣ желѣзной,
Но разобьется онъ надъ бездной
О нашъ незыблемый чертогъ.

Федоръ Сологубъ.

18 ЮЛІА 1914 ГОДА.

О, Боже вѣчный, Боже правый!
Ты видишь все... Хотѣлъ пресѣчь
Вражду родной Орель Двуглавый
И возвыщаль: „вложите мечь!“

Ослылены самохвалами,
На слабыхъ ринулись враги,
И онъ летитъ, взмахнувъ крылами,
Туда, гдѣ слышитъ: „помоги!“

„Взвивайтесь, братскія знамена!
„Иду!“ — звучитъ отвѣтный кликъ.
Опять вернулось время оно,
Все ближе, ближе русскій штыкъ...

И сердце русское, ты то же
И такъ же, какъ и въ оны дни,
Съ Царемъ на подвигъ рвешься... Боже,
Царя храни!

М. Веселкова-Кильштетъ.

В О Й Н А.

Смерть сѣдлаетъ во тьмѣ боевого коня,
Смерть, ликуя, хрипитъ: „Подождите меня!
„Жаднымъ ухомъ заслышавъ тревогу,
„Я слышу, я лечу на подмогу.
„Проложили мнѣ люди дорогу вездѣ:
„Въ облакахъ, на землѣ, надъ водой и въ водѣ.
„Всеюду люди меня славословятъ,
„Жгутъ куренья и жертвы готовятъ;
„Цѣлый міръ обративъ въ мой концунственный храмъ,
„Въ немъ вы служите Смерти, какъ Богу:
„Стонъ страдалыцевъ — мой гимнъ, дымъ костровъ —
оиміамъ,
„Я лечу, я лечу на подмогу!“
И несется костякъ, припадая къ коню,
И, ликуя, хрипитъ: „Догоню! догоню!“

В. Мазуркевичъ.

ВОЙНА ЗА МИРЪ.

На небѣ яркія зарницы,
Предвѣстникъ грозъ, рокочеть громъ,
И отъ деревни до столицы
Русь встала въ вихрѣ боевомъ.
Переродилась, отрезвѣла,
Вздогнула мощная страна.
Рука и сердце ищутъ дѣла,
Душа огнемъ борьбы полна.

* * *

И вижу я полетъ орлиный,
Всѣ племена, народъ и Царь
Сплотились крѣпко въ духъ единый,
Несутъ всѣ жертвы на алтарь.
Слились сермяга и порфира
Въ стѣнахъ незыблемыхъ Кремля
И добываетъ миръ для міра
Желѣзомъ русская земля.
И силенъ, правдой вдохновенный,
Въ борьбѣ съ коварствомъ исполнитъ. —
Кто побѣдитъ? Тевтонъ надменный
Иль благородный славянинъ?

* * *

Двоимъ намъ тѣсно! Не искали
И не хотѣли мы войны,
Мы для спасенья братьевъ встали,
Пошли за честь родной страны,
И грозно на защиту права
Волной поднялся весь народъ. —
Кто всталъ за правду — честь и слава,
А мечъ поднявшій — да падеть!

Влад. Гиляровский.

В П Е Р Е Д Ъ .

Безъ трепета — впередъ, сыны земли великой,
Съ сверкающимъ мечомъ, впередъ, на братскій зовъ!
Впередъ!.. Прислушайтесь: все громче битвы клики,
Плачь женщинъ и дѣтей съ Дунайскихъ береговъ...

Всегда крѣпки бойцы за право и отчизну,
За вѣру праотцевъ, за пядь земли родной.
И павшимъ воинамъ великой славы тризной
Да будетъ всѣхъ славянъ единство и покой!

Въ Святомъ Георгіи найдемъ оплотъ и силы!
Стекайтесь полчища безстрашныхъ россіянъ,
И сгинеть чудище кроваваго насилья,
Пронзенное мечомъ богатырей славянъ!..

Г. Соколовская.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

Огнемъ безмѣрнаго страданья,
Рѣзцомъ невиданныхъ невзгодъ
Отмѣченъ въ безднахъ мірозданья
Нашъ годъ, четырнадцатый годъ.

Сплелись зловѣщія созвѣзды
Надъ нами въ знаменьяхъ луча.
Караеть Богъ мечомъ возмездья
Обожествленіе меча.

А если тамъ, на звѣздахъ прочихъ,
Способны чувствовать, какъ мы,
И различать свѣтила ночи
Сквозь океанъ безбрежной тьмы,

То каплей крови, жуткоцвѣтной,
Чуть уловимой, чуть замѣтной,
Имъ представляется земля,
Затѣмъ, что битвою всесвѣтной
Пылають горы и поля;

Затѣмъ, что кровью въ годъ ненастный
Всѣ города напоены
И надъ землею поднять красныи,
Безумный факель Сатаны.

.

Богъ Милосердный! Богъ прощенья!
Богъ человѣческой души!
Взгляни... услышь... Одно мгновенье!
Слезой единой сожалѣнья
Тотъ факель смерти потуши!

Сергѣй Копыткинъ.

ЦВѢТА ВОЙНЫ.

Подъ бѣло-сине-красныя знамена
Сойдемся и ударимъ на враговъ.
Цвѣтъ бѣлый — цвѣтъ нетронутыхъ снѣговъ,
Хранящихъ жизнь во тьмѣ земного лона,
Цвѣтъ сѣверныхъ просторовъ, цвѣтъ мечты,
Цвѣтъ сияющихъ силъ на днѣ души народной,
Цвѣтъ родины моей, въ мечтахъ свободной,
Цвѣтъ будущей великой полноты.
Кто вѣритъ въ русскій жребій, — юнъ и старъ
Возстанемъ противъ хищника-барона,
Подъ бѣло-сине-красныя знамена
Сойдемся противъ западныхъ татаръ.
Подъ бѣло-сине-красныя знамена
Сойдемся и сразимъ сверхъ-дикарей.
Цвѣтъ синій — цвѣтъ лазоревыхъ морей,
Цвѣтъ гордыхъ моряковъ, цвѣтъ Альбіона.
Онъ первый, подъ оградой синихъ водъ,
Провозгласилъ гражданскихъ правъ святыню,
Домъ гражданина онъ возвелъ въ твердыню,
Шагъ каждый — въ равновѣсіе свободъ.

Отчизну воли, разума, закона
Отъ „ярости тевтонской“ оградимъ.
Подъ бѣло-сине-красныя знамена,
Съ Британіей сойдемь, мы побѣдимъ!

Подъ бѣло-сине-красныя знамена
Насъ всѣхъ зоветъ священная война.
Цвѣтъ красный — цвѣтъ румяныхъ устъ, вина,
Цвѣтъ крови, смѣха, красочности, звона,
Цвѣтъ Франціи — эдема всей земли.
Парижъ, твоихъ бульваровъ и предмѣстій
Сапогъ набѣглый „бѣлокурыхъ бестій“
На этотъ разъ не осквернитъ въ пыли.
Нева и Сена, Темза и Гаронна
Идутъ на Рейнъ послѣднею волной,
Грядетъ весь міръ послѣднею войной
Подъ бѣло-сине-красныя знамена.

Н. Милскій.

УШЛИ...

Ушли... Одинъ въ углахъ знакомыхъ
У старыхъ дѣдовскихъ иконъ
Въ убогихъ избахъ и въ хоромахъ
Огонь немеркнущій зажженъ.

Еще не кончена работа,
Не убранъ желтый хлѣбъ съ полей.
Душа болитъ... Но шепчетъ кто-то:
„Ты русская и слезъ не лей!..

„Мы тоже провожали близкихъ,
„Крушились тоже мы о нихъ, —
„Побѣды ихъ — на обелискахъ,
„И шумъ ихъ славы не затихъ.

„Кто палъ въ бою, кто, невредимый,
„Вернулся къ намъ подъ кровь родной, —
„Но долгъ свершенъ былъ предъ родимой
„Святою нашею страной!..“

О, сердце женское! Ты снова,
Какъ и сто долгихъ лѣтъ назадъ,
На подвигъ скорбный свой готово:
„Иди, мой мужъ!.. Мой сынъ!.. Мой братъ!..

„Идите всѣ!“.. Ни слезъ, ни стона...
Мы отдаемъ любовь свою...
Предъ ликомъ Божьимъ — оборона
Она вамъ лучшая въ бою!..

М. Веселкова-Кильшитетъ.

СЪ ВОЙНЫ.

ВСЕНОЩНАЯ.

Закатъ спокойно тихъ... Последними лучами
Окрашены вдали зеленые лѣса,
Замолкъ бивака шумъ... Туманный дымъ клубами
За рощей тянется, отъ кухонъ, въ небеса.

За старымъ кладбищемъ построены колонны
Пѣхотнаго полка, безмолвны и стройны.
Стоять въ глубинѣ карре... На немъ блестятъ иконы,
И голосъ пастыря звучитъ среди тишины.

Босредоточенно, въ торжественномъ молчаньи,
Солдаты молятся... Быть можетъ, завтра бой.
Невольно прошлаго встаютъ воспоминанья
Здѣсь, въ тишинѣ, предъ каждою душой.

Въ безмолвыи вечера, предъ днемъ тяжелой битвы,
Подъ куполомъ небесъ, открыты все сердца,
Понятнѣй и яснѣй знакомыя молитвы
Въ природы близости и близости Творца.

И мысль, въ сердцахъ сокрытую глубоко,
Молящійся душой стремится повторить:
— Храни, Благой Господь, оставшихся далеко!
Дай, Боже, мощь врага скорѣе сокрушить!

Князь Федоръ Касаткинъ-Ростовскій.

НОЧНАЯ МОЛИТВА.

(Посвящается русскимъ воинамъ).

1.

Когда лѣтняя ночь до разсвѣта
Убаюкаетъ степи Украйны,
На степяхъ вѣковыя могилы
Открываютъ забытыя тайны...
Свой пріютъ безмятежный оставя,
Поднимаются старыя тѣни,
И пѣвецъ между ними садится
И бандуру кладетъ на колѣни.
То не сѣрый туманъ покрываетъ
Наши степи отъ края до края, —
Это славныя, старыя тѣни,
Собираются, пѣснямъ внимаю.
То не шепчетъ ковыль, наклоняясь,
И не шумъ отъ пороговъ несется, —
Это старая пѣснь бандуриста
Съ тихимъ рокотомъ струнъ раздается.
Онъ поетъ про минувшую славу,
Какъ въ плѣну погибали турецкомъ,

Онъ гремитъ о казакѣ Нечаѣ
И о Байдѣ поетъ молодецкомъ...
И на каждую ночь до разсвѣта
Дивныхъ пѣсенъ-сказаній хватаетъ,
Даже самъ бандуристъ вдохновенный
Славнымъ рыцарямъ счета не знаетъ!
Гдѣ ни глянь, ихъ чернѣютъ могилы, —
Смѣлыхъ воиновъ вѣчныя хаты, —
Отъ пороговъ и Чернаго моря
До равнины, гдѣ встали Карпаты.
Гдѣ ни глянь, по Руси безпредѣльной
Тамъ ихъ кости легли не напрасно ---
За свободу, за вѣру святую
И за славу отчины прекрасной...

II.

Въ ночь побѣды подъ стѣнами Львова
Бандуриста потухшія очи
Вдохновенья огнемъ запылали,
Точно звѣзды украинской ночи.
И ударилъ онъ въ звучныя струны,
Напрягая могучія руки:
— Гей, послушайте, рыцари-друзи,
Что творятъ наши славные внуки!
Точно молнія въ тучахъ небесныхъ,
Засіяла ихъ доблесть святая,
И ведутъ они грозныя битвы,
Ни сомнѣнья, ни страха не зная!..
Задрожали Угорскія скалы,
Всколыхнулись поля и озера,

Врагъ бѣжитъ озлобленный и блѣдный
И во вѣкъ не омоетъ позора!..
Повернитесь вы все, что терпѣли
За отчизну, за вѣру святую,
Повернитесь лицомъ на Карпаты
И свершите молитву ночную:
„Ой ты, Боже нашъ, Боже великій,
„Вспомни старыя раны и муки,
„Вспомни подвиги слугъ твоихъ вѣрныхъ,
„Протяни необорныя руки,
„Помоги нашимъ внукамъ-героямъ,
„Что безъ страха тамъ кровь проливаютъ:
„Пусть враги передъ русскою силою
„Легче снѣга подъ солнцемъ растаютъ“...
И молитва кругомъ зазвучала,
Точно дальняго грома раскаты,
И склонились все славныя тѣни,
Обратившись лицомъ на Карпаты.

Ю. В. Ревякинъ.

ВЪ ИЗБѢ ЛѢСНИКА.

Я помню ночь, мы шестеро сидѣли
Въ густомъ лѣсу, въ избушкѣ лѣсника,
Кругомъ рвались австрійскія шраннели,
И пулеметовъ трескъ звучалъ издалека.

Намъ было холодно... Фонарь, шинелью скрытый,
Бросалъ на насъ багровый лучъ порой,
Быть темень небосводъ, покровомъ тучъ закрытый,
И сычъ встревоженный кричалъ во тьмѣ лѣсной.

Бой дѣлался сильнѣй... Все ближе пролетая,
Снаряды падали, сверкая въ тьмѣ небесъ,
Короткой молшею окрестность озаряя,
Рвались... И вторилъ имъ, гудя, безмолвный лѣсъ...

Склонясь въ пустомъ углу, надъ трубкой телефона,
Мы жадно слушали далекія слова:

— „Отбили“... — „Отошли“... — „Еще идетъ колонна“.
— „Патроновъ дайте“... „Держимся едва“...

То были жуткія мгновенья въ домѣ этомъ,
А ночь была темна... минутъ тянулся рядъ.
Вдругъ, въ поздній часъ... за мигъ передъ разсвѣтомъ.
У дома самага разорвался снарядъ...

На мигъ прервались провода отвѣты,
Связь порвалась... А гдѣ-то впереди
Усилилась стрѣльба... Раздались крики гдѣ-то,
И сердце замерло мучительно въ груди...

Я помню эту ночь... Кошмаръ больного бреда...
Разсвѣтъ... Туманный дождь... Избушку лѣсника.
Вновь телефонный гулъ...

И тихій звукъ: „нобѣда“,
Что голосъ намъ сказалъ, едва, издалека!

Князь Ѳедоръ Касаткинъ-Ростовскій.

В О Й Н А.

Сожженныхъ рядъ домовъ... Даль стоптанныхъ полей...
Туманный сѣрый дождь... Видъ—мрачный и суровый,
Повозки, полныя тьмой женщинъ и дѣтей,
Лохмотья и узлы оставшихся безъ крова,
И плачь, и стонъ, и выстрѣлы вдали,
И пологъ дыма сѣрый и пожарный,
И запахъ труповъ отъ земли,
Тяжелый, душный и кошмарный.
Мундиры рваные... патроны на поляхъ,
И ночь какъ день отъ зарева отсвѣта,
И радостный подъемъ волненія въ бояхъ,
И мысль о тѣхъ, чье сердце плачетъ гдѣ-то,
Кому далекихъ грусть понятна и родна,
Кто молится вдали и мучится душою.
— Тотъ ужасъ, что порой зовется красотою,
То—ты война!

Князь Федоръ Касаткинъ-Ростовскій.

ВЪ ДНИ ВОЙНЫ.

ВЪ ПОЛЕВОМЪ ЛАЗАРЕТѢ.

Ночь порветъ наболѣвшія нити.
Врядъ ли ихъ дотянуть до утра.
Я прошу объ одномъ, напишите,
Напишите три строчки, сестра.
Вотъ вамъ адресъ жены моей бѣдной.
Напишите ей нѣсколько словъ,
Что я въ руку контуженъ безвредно,
Поправляюсь и буду здоровъ.

Напишите, что мальчика Вову
Я цѣлую, какъ только могу,
И австрійскую каску изъ Львова
Я въ подарокъ ему берегу.

А отцу напишите отдѣльно,
Какъ прославленъ нашъ доблестный полкъ,
И что въ грудь я былъ раненъ смертельно,
Исполняя мой воинскій долгъ.

Сергѣй Копыткинъ.

БРАТСКІЯ МОГИЛЫ.

Нѣтъ, не рыдайте на этихъ могилахъ,
Слезы нарушать ихъ чуткій покой...
Въ грезахъ побѣдныхъ, огненнокрылыхъ
Дремлетъ здѣсь каждый герой.

Золотомъ осень въ лѣсу заблистала.
Дочиста сжата послѣдняя рожь.
Сердце, ты биться въ груди перестало,
Замерло, ждешь!..

Гулко бѣжить по полямъ опустѣлымъ
Эхо шаговъ изъ родимой земли, ---
Это на помощь тѣмъ, славнымъ и смѣлымъ,
Новыя рати пошли.

Дышитъ весельемъ улыбка солдата,
Къ русскимъ побѣдамъ проложенъ тутъ слѣдъ.
Вѣтеръ доносить: „Здорово, ребята!“
—/ „Рады стараться!“ — отвѣтъ.

Смотрятъ — кругомъ никого. Лишь зарею,
Словно сіяньемъ святыхъ, залиты,
Стражами встали надъ взятой землею
Нашн кресты.

Небу навстрѣчу открыли объятья...
Плакать, рыдать здѣсь нельзя.
Грезять побѣдами павшіе братья, —
Къ славъ ведетъ ихъ стезя!

М. Веселкова-Кильшитетъ.

ПѢСНЬ О СМЕРТИ.

Кто стучитъ въ мое окно?
Подошелъ, — за нимъ темно.
Я подумалъ: дождикъ дробный,
Листъ засохшій, вѣтеръ злобный
Бьются въ стекла... Нѣтъ, — давно
Смерть стучитъ въ мое окно.
Я очнулся, я приникъ:
Вижу смерти бѣлый ликъ,
Слышу зовъ Россіи вѣщій,
Слышу битвы громъ зловѣщій.
Я очнулся, я приникъ...
Смерть мнѣ машетъ: — „Эй, ко мнѣ!
Посмотри, — земля въ огнѣ.
Я вѣнецъ даю герою,
Царство будущее строю.
Слава праведной войнѣ,
Жизни, зрѣющей въ огнѣ!..“
— „Ты жестока и стара!“
— „Нѣтъ, я добрая сестра.
Въ этотъ часъ въ твоей отчизнѣ
Только я свѣтлѣе жизни.

Выходи за мной, пора.
Я святая, я сестра...“
Я склонился, замолчалъ.
Старый міръ безумнымъ сталъ.
Съ долгой жаждой наготовѣ
Истомился онъ по крови.
Какъ я жалокъ, какъ я малъ
Передъ часомъ, что насталъ!
Смерть, возьми меня съ собой
Въ этотъ бой, всемірный бой,
Что волнами жаркой крови
Духъ земной очиститъ вновь.
Кто отступитъ предъ судьбой?
Смерть, возьми меня съ собой!

Дм. Цензоръ.

ПЕРВЫЯ ПАНИХИДЫ.

Торжественно-печальны пѣснопѣнья,
Дрожащихъ свѣчъ неровень блѣдный свѣтъ...
О павшихъ воинахъ возносятся моленья,
Душа полна печали и смятенья.
Они ушли — ихъ больше съ нами нѣтъ!..
Они ушли въ расцвѣтѣ лѣтъ и силы,
За родину пожертвовавъ собой.
За рубежомъ ихъ братская могила
Другихъ бойцовъ на подвигъ вдохновила—
И новые ряды идутъ на бой.
Не надо слезъ! И смолкнуть пусть рыданья..
Ихъ конченъ путь и славень ихъ удѣлъ, —
Ихъ въ лучшей мѣрѣ, гдѣ нѣту воздыханья,
Земныхъ скорбей, печали и страданья,
Призвалъ Господь почить отъ ратныхъ дѣлъ!

Евгеній Рышковъ.

ПЛѢННЫМЪ.

Поклонъ вамъ отъ родины милой —
Туда, въ иноземную даль.
Не знайте тревоги унылой,
Забудьте тоску и печаль.

Мгновены ненастье и бѣды.
Какъ прежде, свѣтлы небеса,
И свѣтлою пѣсней побѣды
Звенять и ноля, и лѣса.

И, вызволить русскаго рады —
Того, кто случайно плѣненъ,
Спѣшать боевые отряды
Подъ сѣбною родимыхъ знаменъ...

Поклонъ вамъ отъ родины милой.
Горячею лаской полна,
Плѣненные кровныя силы
И помнить, и любить она.

Танкредъ.

ПѢСНЯ НАДЪ РУБАШКОЙ.

Выводя свою ровную строчку,
Просижу я всю ночь напролетъ,
Всю-то долгую зимнюю ночку
Сонъ усталыхъ очей не сомкнетъ.

Сердце мое надрывается,
Кровью оно обливается...
Что я могу еще дать?
Только плакать, молиться и ждать.

Вотъ ужъ скоро работа готова,
Ужъ немного осталось мнѣ...
Ахъ, кому ты придется, обнова,
На далекой, на страшной войнѣ?

Кто тебя, какъ подъ праздникъ, надѣнетъ,
Собираясь безтрепетно въ бой,
Или послѣ окоповъ замѣнитъ
Всю измокшую ветошь тобой?

И поидеть ли въ тебѣ онъ къ побѣдамъ?
Или крови горячей пятно
Навсегда несмываемымъ слѣдомъ
Въ смертный часъ обожжетъ полотно?

Кто бъ ты ни былъ, мой воинъ безвѣстный,
Но съ надеждой въ работу мою
Я съ молитвой Царицы Небесной
Образокъ освященный зашью.

Боже мой, Боже мой! Доживу ли?..
Но пускай тебя въ битвѣ, какъ щить,
Отъ меча и отъ вражеской пули
Мягко вымытый холстъ защититъ!

Въ немъ жаркія слезы защиты,
Всѣ тревоги безсонныхъ ночей...
Вѣдь иной, вѣдь надежнѣй защиты
Не найти мнѣ для жизни твоей.

Вдругъ — испослано будетъ судьбою
Словно чудо какое-нибудь,
Бѣлый холстъ мой прикроетъ собою
Моего ненагляднаго грудь?...

Не его не его — такъ другого!
Для него пусть другая сошьетъ...
Все равно для кого — я готова
Просидѣть всю-то ночь напролетъ!

Сколько женщинъ отъ края до края
Наклоняются нынче къ шитью,

И дрожить въ нихъ душа, замирая,
О любимыхъ, далекихъ—въ бою...

Сколько молятъ въ тоскъ безутѣшной,
Какъ и я, на великой Руси:
Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшной—
Моего дорогого спаси!

Сердце мое надрывается,
Кровью оно обливается...
Что я могу еще дать?
Только —плакать, молиться и ждать!

Т. Щепкина-Куперникъ.

ОБРАЗОКЪ.

Дорогое предвѣщанье,
Встрѣчи радостной залогъ—
Милой ручкой на прощанье
Мнѣ повѣнень образокъ...

Ужъ давно меня съ другими
Поѣздъ мчитъ на смертный бой,
Но мечтами дорогими
Я—съ тобой еще... съ тобой!

И надеждой, тихимъ миромъ
Вдругъ смѣняется тоска,
Чуть коснусь я подъ мундиромъ
Дорогого образка...

Шумны возгласы и рѣчи,
Звонъ оружія кругомъ...
Ближе, ближе время встрѣчи--
Боя съ бѣшенымъ врагомъ!..

Пусть кровавою волною
Бой кипитъ, суровъ, жестокъ...
Я спокоенъ: ты—со мною,
Мой завѣтный образокъ...

Вл. П. Лебедевъ.

* * *

Закружился, словно вьюга,
Грозный кличъ: война! война!
Провожая мужа-друга,
Плачетъ русская жена:

„Скоро, витязь мой желанный,
„Ты пойдешь на смертный бой.
„Богъ вѣнчаетъ славой бранной
„Тѣхъ, кто жертвуетъ собой.
„Ты пойдешь на подвигъ ратный,
„Образокъ возьми. Въ слезахъ
„Я молилась Благодатной,
„Передъ Нею склонясь во прахъ, —
„И Владычица покровомъ
„Защититъ тебя святымъ.
„Буду ждать тебя подъ кровомъ
„Я съ малюткою своимъ.
„Вѣковѣчной Ярославной
„Буду здѣсь я тосковать,
„Буду ждать побѣды славной,
„Буду сердцемъ друга звать“.

А надъ русскою землею
Вьется кличъ: война! война!
Смѣло рвется витязь къ бою,
Плачетъ вѣрная жена.

А. Волынцева.

СРЪТЕНЬЕ ЦАРЯ.

Народъ съ утра спѣшилъ на площадь
Къ дворцу на срѣтенье Царя.
Тѣснилась флаговъ русскихъ рѣща,
Цвѣтами яркими горя.
Національныхъ пѣснопѣній
Опять катился мощный валъ,
И Александра вѣщій геній
Вѣнокъ побѣды поднималъ.

Да, не бывало у столицы
Такого утра съ давнихъ лѣтъ!
Въ подѣздъ влетали вереницы
Автомобилей и каретъ.
Примчались сербы, намъ родные,
Быль пышнень быстрый съѣздъ Двора,
И проходили запасные
Подъ клики дружнаго „ура“.

До полдня близко было солнцу,
Когда раздался пушекъ гулъ.
Глазами къ каждому оконцу
Народъ съ мечтою жадной льнулъ.

Изъ церкви доносилось пѣнье...
Передъ началомъ битвъ, какъ встарь,
Свершивъ великое моленье,
Къ народу тихо вышелъ Царь.

Что думалъ Онъ въ тотъ мигъ великій,
Что чувствовалъ, Державный, Онъ,
Когда восторженные клики
Неслись къ нему со всѣхъ сторонъ?
Какая сказочная сила
Была въ благихъ Его рукахъ,
Которымъ мечъ судьба вручила
На славу намъ, врагамъ на страхъ!

Какъ море въ мощный часъ прилива,
Народный хоръ не умолкалъ,
И Царь, внимая терпѣливо,
Главу отвѣтно наклонялъ.
Къ нему невидимыя нити
Изъ всѣхъ сердецъ неслись, горя...
Такъ въ незабвенный часъ событій
Свершилось срътенье Царя.

Сергей Городецкий.

СПАСИ, ГОСПОДИ, ЛЮДИ ТВОЯ...

Ласковый сумракъ лампады полночной
Тихо въ глаза мнѣ глядитъ,
Словно луна въ этотъ часъ неурочный
Комнату всю серебритъ.
Хочется вѣрить, чему-то молиться—
Только молиться не въ мочь...
Встать бы, предъ образомъ тихо склониться
Съ робкой мольбой въ эту ночь:
Боже! не надо мнѣ яркихъ видѣній—
Ближнихъ душъ сохрани!
Съ жаркой мольбою тогда на колѣни
Встану, какъ въ прежніе дни...

А. Случевская-Коростовецъ.

* * *

Листокъ осенній цвѣта крови
И шлю на грозныя поля—
Гдѣ гуломъ зыблется земля,
Гдѣ рвы и рѣки цвѣта крови...
Гдѣ дышать пламенной грозой
Неумолимыя орудья...
И жутко мнѣ, какъ отъ безлюдья...
И сердце полнится грозой.
Ахъ, если бь сердце переслать
Съ листкомъ краснѣющимъ въ конвертѣ.
Убить любовью ужасъ смерти,
Любовь и душу переслать!
Летѣть туда, гдѣ рѣки крови,
Гдѣ гуломъ зыблется земля—
Летѣть на грозныя поля
Листкомъ осеннимъ цвѣта крови!..

Яковъ Гординъ.

* * *

На безумныхъ враговъ человѣка,
Ради братской всемірной любви,
Ополчился весь міръ — и безумцы
Захлебнутся въ невинной крови.
Грозно мчатся вездѣ другъ на друга
Тучи скованныхъ смертью людей,
Всѣ въ крови и въ дыму, и въ пожарахъ
Всѣ въ крови!
За свободу отъ страшнаго рабства
Всюду льется горячая кровь,
На развалинахъ царства безумныхъ
Навсегда воцарится любовь.

Л. Андрусонъ.

Б О Е В А Я.

Стой! Ровнѣй! Плечо къ плечу!

Чу!

Кровью воздухъ напоенъ,

Слѣва, справа—всюду стонъ...

Штыкъ впередъ! Шеренгу вдвой!

Въ бой!

Слышишь воющій набатъ?

Стонетъ гулко мѣдный адъ,

Небо—пламень: все въ крови...

Пли!

Пусть летитъ шрапнель, звеня,

Пляшетъ смерть среди огня...

Знай, зарядовъ не жалѣй,—

Бей!

За сиюю край родной

Ждетъ своихъ орловъ домой,

Побѣдите здѣсь, а тамъ—

Къ намъ!

Кто багровый тамъ стонетъ

И хохочетъ, и гудитъ?

Страшенъ смѣхъ въ такую ночь!

Прочь!

За далекимъ лѣсомъ мать
Васъ послала умирать,
Оросила васъ слезой...

Стой!

Эй, кто живъ, постройся въ рядъ,
За снарядомъ шли снарядъ,
Цѣлься мѣтко—Богъ за насъ...

Разъ!

Як. Окуневъ.

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА.

Таящій смерть, таинственный и грозный,
Во мглѣ пучинѣ ползеть желѣзный кротъ.
Онъ страшенъ всѣмъ—и яхтѣ граціозной,
И крейсерамъ, стальнымъ владыкамъ водъ.

Его глаза, сроднясь съ зеленой мглою,
Какъ у акулы, сверкаютъ злымъ огнемъ.
И видитъ онъ во мракѣ подъ водою,
Какъ видимъ мы, питомцы суши, днемъ.

Его шаги безшумны и злобѣщи,
Не слышитъ ихъ надводный часовой,
И въ грудь врага его стальные клещи
Куда хотятъ—ударъ направлять свой.

И страшенъ онъ, какъ смерть, въ минуту гибѣва.
Царямъ морей нѣтъ силъ бороться съ нимъ:
Онъ жалитъ ихъ межъ латъ желѣзныхъ, въ чрево
Его жъ укусъ ничѣмъ неусцѣлимъ.

Ударъ, огонь—и нѣтъ владыки моря!
Идетъ ко дну, закованный въ броню,
Тотъ властелинъ, кто, съ мощью молній споря,
Кто громъ таилъ, готовый вѣчно къ бою,

И пролагалъ сквозь бури смѣлый путь,
Могъ сѣять смерть и все предать огню;
Кто бигъ привыкъ и видѣть предъ собою
Лицо врага и вражескую грудь,

А здѣсь предъ нимъ невѣдомый и страшный
Приноситъ смерть, а самъ неузвимъ,
Съ нимъ не сойтись открыто въ рукопашной,
Не умереть въ объятяхъ вмѣстѣ съ нимъ:

Придетъ во мглѣ, укуситъ, ядовитый,
И вновь уйдетъ въ зеленомъ мракѣ водъ,
И лишь вдали, туманами сокрытый,
Межъ гребней волнъ на мигъ одинъ всплыветъ.

Вокругъ него плывутъ, качаясь, трупы,
А онъ, борьбой и кровью опьяненъ,
Стоитъ межъ скалъ и, прячась за уступы,
Вновь жертву ждетъ, зловѣщій скорпионъ.

В. Вегеновъ.

МАРОДЕРЪ.

Голубѣютъ сумерки, и слышнть
Въ нихъ земля таинственную бль...
Вѣтеръ сонный ласково колышетъ
Зыбко никнуцій, испуганный ковыль...

Разбѣжится и, забывшись въ бѣгѣ,
Набѣжитъ на жуткій слѣдъ гробницъ—
На куски изломанной телѣги
И на маски жуткихъ, мертвыхъ лицъ...

А едва лишь стануть дали хмуры
И затихнетъ у окоповъ стукъ,
Въ поле выползутъ осклизлыя фигуры,
Шаря землю щупальцами рукъ...

— „Трупъ...“ Вокругъ слезащіяся кочки...
— „Есть...“ Кинжалъ врѣзается въ сукно,
Рветъ на шеѣ тонкую цѣпочку
И бросаетъ алое пятно...

— „Портсигаръ... Какая-то иконка...“

„Золотой... хо-рошій медальонъ...“

Въ медальонѣ... волосы ребенка...

— „Хѣ-хе-хе. Какой смѣшной москаль—

Лучше бѣ золото потолще... даже жаль,
Что ово такъ прозрачно и тонко...“

— „Ну, работа... Нѣтъ совсѣмъ покоя!!

„Вотъ какъ будто дрогнула нога...“

Мародеръ трусливою рукою

Въ трупъ вонзаетъ лезвіе клинка...

И, дрожа, иконку съ медальономъ

Сунувъ въ сальный виснуцій карманъ,

Уползаетъ въ голубой туманъ,

Уступая очередь воронамъ.

Сергей Михтевъ.

СТАРЫЙ ВОПРОСЪ.

Не надо заносчивыхъ словъ,
Не надо хвальбы неумѣстной.
Предъ строемъ опасныхъ враговъ
Сомкнемся спокойно и тѣсно.

Не надо обманчивыхъ грезъ,
Не надо красивыхъ утопій;
Но Рокъ подымаетъ вопросъ:
Мы кто въ этой старой Европѣ?

Случайные гости? орда,
Пришедшая съ Камы и съ Оби,
Что яростью дышитъ всегда,
Все губитъ въ безсмысленной злобѣ?

Иль мы—тотъ великій народъ,
Чье имя не будетъ забыто,
Чья рѣчь и понынѣ поетъ
Созвучно съ напѣвомъ санскрита?

О РУСЫ!

Въ голодѣ, въ холодѣ—скудная, сѣрая,
Грѣшная хмельной гульбой,

Ты ль это, крѣпкая, съ силою, съ вѣрою
Нынѣ возстала на бой?

Ты ль это грозно—волной перекатною
Бросила гнѣвную рать,

О необъятная, о непонятная,
Въ пламени яркомъ заря незакатная,
Наша великая мать!...

Ты — точно море, что бездною зыбкою

Кроетъ свои жемчуга,

Ты--точно Волга, что съ кроткой улыбкою

Нѣжитъ волной берега,

Ждешь, когда вѣтры завоютъ налетные,

Ждешь половодной весны,

Чтобы явить тогда міру--несчетные

Грозно-прекрасные сны!..

...Туча надвинулась. Нивы убогія

Скрыла великая тѣнь...

Вдругъ поднимаются гордыя, строгія,
Духомъ — высокія, силою — многія
Дѣти твоихъ деревень...

Вдругъ—безъ конца, безъ предѣла, неожиданныя,
Деньги рѣкой потекли...

Гдѣ жъ они ниція, темныя, пьяныя
Дѣти убогой земли?

И всенародной страдою омытая —

Вся-то чиста да бѣла,

Мощью вѣнчанная, славой повитая,

Ты свою рать повела...

Въ сѣчѣ кровавой врага ослабѣлаго

Ты погнала предъ собой...

Ты — это ты быстролетнаго, смѣлаго

Сына любимаго—кречета бѣлаго —

Слала въ подоблачный бой...

Въ мирѣ—смиренная, въ битвѣ—отважная,

Краше завѣтной мечты,

Въ бранной порфирѣ царица сермяжная—

Русь—это ты!..

Маугли.

Р У С Ъ.

Мужайся, родина моя,
Великая, святая!..
Горитъ во тьмѣ заря твоя,
Горитъ, не угасая!..

Съ тобою Богъ... Съ тобою Царь...
Съ тобою правда Божья...
Не ты ли въ мірѣ, какъ алтарь,
Алтарь средь бездорожья?..

Не по тебѣ ль прошелъ Христосъ
Отъ края и до края,
Алмазы чистыхъ свѣтлыхъ слезъ
На грудь твою роняя?..

Не ты ли, мудрая, какъ змій,
И кроткая, какъ голубь,
Пробьешь во мракѣ злыхъ стихій
Таинственную прорубь?..

И брызнетъ свѣтлая струя,
Вѣщая правду Божью,
Во мракъ земного бытія,
Измученнаго ложью!..

Мужайся, Русь! Великъ твой стягъ,
Стягъ правды и свободы,
И предъ тобою дрогнетъ врагъ,
И ницъ падутъ народы...

Мужайся, родина моя,
Великая, святая!..
Горить во тьмѣ заря твоя,
Горить, не угасая!..

Евгенія Намътичешко.

S A L U T E.

Орлы Россіи, расправьте крылья!
И съ вѣрой въ Бога— скорѣй впередъ!
Иропитанъ воздухъ багровой пылью, —
Святое дѣло вдали васъ ждетъ.

Впередъ! Съ надеждой во мракъ вечерній, —
И пусть не выдастъ родного братъ,
Сплотитесь мощно, не бойтесь терній,
Слѣдить за вами Господень взглядъ.

Орлы Россіи, расправьте крылья!
Не бойтесь черно-багровыхъ тучъ, —
И врагъ предъ вами надетъ въ безсилыи,
И солнце правды засвѣтитъ лучъ.

Мих. Андреевъ.

У Ш Л И.

Ушли!.. Все глуше стукъ колесъ,
И красный глазъ зажмурилъ вѣки
Подъ тихій шумъ осеннихъ слезъ
Въ родной, задумчивой простѣкѣ.

Ушли... и снова та же тишь,
Стальные рельсы смотрятъ строго...
И ты одна, и все глядишь
Туда, куда легла дорога,

И крестишь, крестишь въ сотый разъ,
Съ молитвой въ чистомъ блескѣ взора,
Тотъ путь, гдѣ скрылся красный глазъ,
Куда ушли они такъ скоро...

Ив. Соколовъ.

НАШИМЪ ДѢТЯМЪ.

ДѢти, вы просите радостной сказки,
Той, что была такъ свѣтла...
Знайте, померкли волшебныя краски,
Сказка уже умерла.

Не одноглазый силачъ Верлюка
И не старуха-Яга,—
Съ нами сражается, зла и жестока,
Сила германца-врага.

ДѢти, забудьте героевъ любимыхъ
Вашей волшебной страны,
Подвиги воиновъ нашихъ родимыхъ
Въ сердцахъ хранить вы должны.

Помните тѣхъ, кто безъ ужаса смерти
Съ мужествомъ встрѣтилъ врага:
ДѢти, молитесь о храбрѣмъ Альбертѣ,
Жизнь его намъ дорога,

И сохраните въ душѣ вашей дѣтской
Память о томъ, кто въ бою
Отдалъ за Русь на чужбинѣ нѣмецкой
Юную душу свою.

Память Олега свѣтлѣй вашей сказки,
Той, что была такъ свѣтла...
Дѣти, померкли волшебныя краски,
Сказка уже умерла.

Татiana Бергманъ.

РАЗГОВОРЪ СЪ МИРОЛЮБЦЕМЪ.

(По Гомулицкому).

(Съ польскаго).

— Молитву ты оставь, склони на землю вѣжды;
На домъ твой врагъ напаль и грабить въ немъ добро.

— Христось Самъ палачамъ раздалъ свои одежды;
Пусть грабятъ золото мое и серебро.

— Мы на врага могли бѣ теперь напасть неожиданно;
И утолить на немъ могли бы мести пыль.

— Но мстить намъ запретилъ Онъ, терніемъ вѣнчанный.
Онъ кровію своей отъ мести насъ омыль.

— Врагъ заострилъ свой мечъ. Онъ съ тѣломъ твою дѣ-
Загубить навсегда. Возьми копье и щить.

— Велѣнья Господа я все же не нарушу,
Молчалъ Господь, когда оплеванъ былъ и битъ!

— Весь въ пламени твой домъ, горять твои закромы,
Исполонть воиновъ твой тихій, мирный дворъ.

— Мой скарбъ—цвѣты души. Ни молніи, ни громы
Ихъ не разрушать вѣкъ и не отниметь воръ...

— Ты слышишь стоны ли? Твой край изнемогаетъ.
На родину твою накинудись враги!
То плачетъ родина и сына призываетъ.

— Къ оружію, скорѣй! Господь, мнѣ помоги!..

И. Гривевская.

СОНЕТЪ ПЕТРОГРАДУ.

Не говори: „Что въ имени!“... Оно
Не только слуху легкая услада.
„Санктъ-Петербургъ“ забыть намъ суждено
Для милаго, родного П е т р о г р а д а.

Всплыть будто жемчугъ, брошенный на дно...
Лишь новый звукъ... но общая отрада.
Осенній лучъ свѣтлѣй глядитъ въ окно,
И ожила гранитная громада...

О, городъ скуки, сплина и чиновъ,
Какъ ты воспрялъ!.. У невскихъ береговъ
Зажгла фонарь веселая наяда...

Играютъ волны рѣзвою гурьбой.
А тамъ, вдали, кипитъ кровавый бой
За мѣръ... за Русь, за славу Петрограда.

А. Мейснеръ.

КАЗАКИ

ВЪ СТАНИЦѢ.

Къ запруженной рѣкѣ спускаюсь косогоромъ,
Колеса тормозить тяжелый чернозѣмъ...
Мы пышные хлѣба на дняхъ уже свезѣмъ, —
Работа начата, торопимся съ уборомъ...

Вдали безбрежна степь за лентою рѣки,
Лишь вкраплены кой-гдѣ какія-то кочевья.
Станица надъ рѣкой: фруктовыя деревья,
И бѣлые дома, и сизые дымки...

Что это? праздникъ сегодня?
Люди у каждахъ воротъ,
Отперта церковь Господня,
Валомъ къ ней валить народъ...

Изъ-за садовъ переулка
Сколько сбѣжалось ребятъ...
Колоколь тяжело и гулко
Разомъ ударилъ въ набать...

Около той водокачки
Что-то читается вслухъ, —
Плачуть, я вижу, казачки,
Скачетъ казакъ во весь духъ...

Лица задумчиво строги,
Замеръ подавленный крикъ...
На поворотъ дороги
Крестится дряхлый старикъ...

Всѣ говорятъ, что хорунжіи
Громко разсказывалъ тутъ,
Будто бы съ Терека, съ Сунжи
Наши полки ужъ идутъ...

Сборъ объявили сегодня, —
Къ вечеру выступитъ полкъ...
Отперта церковь Господня,
Благовѣстъ грянуль... и смолкъ.

Онъ замеръ, отлетѣлъ куда-то въ даль безъ грани,
Чтобъ тамъ откликнуться въ тиши другихъ станицъ
И вмѣстѣ всѣхъ сплотить, зовя на поле брани
Предъ волей Господа смиренно навшихъ ницъ...

О, мощная земля!.. мы даже этимъ сборомъ
Всѣхъ гордыхъ силъ твоихъ не вырвемъ, не свезѣмъ...
Глубоко онъ залѣгъ — твой южный чернозѣмъ,
И сѣверъ твой дремучъ своимъ извѣчнымъ боромъ...

В. Опочининъ.

НОЧЛЕГЪ КАЗАКОВЪ.

I.

Послѣ шумнаго набѣга,
У спокойныхъ водъ рѣки,
Выбравъ мѣсто для ночлега,
Стали станомъ казаки.
Спутавъ крѣпко, въ лугъ пустили
Утомившихся коней
И окрестность освѣтили
Яркимъ заревомъ огней.
И подъ небомъ необъятнымъ
На равнинѣ луговой
Мирно отдыхомъ пріятнымъ
День вѣнчаютъ трудовой.
Надъ огнемъ варится ужинъ.
Дремлетъ призрачный просторъ.
Про дѣла дневныя друженъ
У казаковъ разговоръ.
Дышать рѣчи ихъ отвагой
При разсказахъ, какъ они
Разудалою ватагой
На враговъ неслись одни;

Какъ съ ордой рубились цѣлой,
Быстрымъ вихремъ налетѣвъ,
Наводя атакой смѣлой
На врага и страхъ и гнѣвъ.
И печально въ чувствѣ новомъ,
Въ рѣчи дружеской своей
Поминаютъ добрымъ словомъ
Павшихъ съ славою друзей...
Чу! вотъ пѣсню запѣвають
Молодые голоса;
Пѣснѣ льющейся внимаютъ
И просторъ и небеса.
И звучить въ той пѣснѣ вольной
Далеко для всѣхъ сторонъ
Слава родинѣ раздольной,
Гдѣ течетъ широкій Донъ.

II.

Стихло все въ казачьемъ станѣ,
Вкругъ костры потушены,
Безмятежно спятъ въ туманѣ
Дона славные сыны.
Отъ труда почила сила,
И надъ ней со всѣхъ сторонъ
Ночь свой пологъ распустила,
Бережетъ казачій сонъ.
Лишь одинъ подъ кровомъ ночи
Бодръ и чутокъ часовой,
Вдаль свои вперивши очи,
Озираетъ мракъ ночной.

Неподвижна и угрюма
Спать равнина широка,
И идетъ за думой дума
Въ головѣ у казака.
Въ сторонѣ волною мѣрной
Блещетъ рѣчка, какъ алмазь,
И небесъ просторъ безмѣрный
Смотритъ тысячами глазъ.
Будто эти звѣзды-очи
И поля и небосклонъ
Берегутъ въ молчаньи ночи
Удальцовъ желанный сонъ.

С. Толстовъ.

КАЗАЧЬЯ ПѢСНЯ.

Изъ-подъ кочекъ, изъ-подъ шней
Лѣзетъ врагъ оравой!
Гей, казаки, на коней
И айда за славой!
Мать, не хмурь сѣдую бровь,
Провожая сына;
Ты не плачь, моя любовь,
Зоренька-дивчина!
Ты судьбинѣ не перечь,
Не кручинься слезно;
Всѣмъ придется въ землю лечь
Рано или поздно.
Помни—срока своего
Смерть не проворонитъ!
А кому не срокъ—того
И въ бою не тронетъ!
На враговъ, чертямъ на зло,
Налетимъ мы бурей!
Это наше ремесло
Цѣловаться съ пулей!

Гей, зудить моя рука,
Будеть съ нѣмцемъ рубка!
Помолись за казака,
Бѣлая голубка!

Таеть, таеть сизый дымъ...

Ты прощай, станица,
Мы тебя не посрадимъ,
Будемъ лихо биться!

Отпыврнемъ съ родной земли
Нѣмцевъ въ ихъ берлогу,
Даже, если бѣ имъ пришли
Черти на подмогу!

Пусть вридутъ... Среди гостей
Больше будетъ крику,
Потому что... и чертей
Мы возьмемъ на пику!

Гей, зудить моя рука,
Будеть съ нѣмцемъ рубка!
Помолись за казака,
Бѣлая голубка!

Н. Агнищевъ.

СТОРОЖЕВОЙ ПИКЕТЪ.

Спустилась ночь, луна сіяла,
Кругомъ міръ Божій мирно спалъ,
На небѣ звѣздъ семья блистала,
И ангелъ смерти пролеталъ.

Подъ луннымъ свѣтомъ на полянѣ
Стоялъ пикетъ сторожевой,
Онъ вспомнилъ о вражьемъ станѣ,
О томъ, какъ шелъ вчерашній бой,
Какъ вдругъ неожиданно изъ засады
Онъ на враговъ своихъ напалъ,
Какъ истреблялъ всѣхъ безъ пощады,
Кто на пути его стоялъ.

Чу! шорохъ, вотъ мелькнула пика,
Невнятный слышенъ разговоръ,
Безшумно, тихо и безъ крика
Шелъ казаковъ ночной дозоръ.
„Пароль!“ Но нѣтъ врагу отвѣта,
Идетъ впередъ дозоръ ночной,
Блеснулъ огонь — и нѣтъ пикета,
Что вспоминалъ вчерашній бой.

Луна попрежнему сіяла,
Семьею звѣздной сводъ блисталъ,
А груда тѣлъ уже лежала
На мѣстѣ, гдѣ пикетъ стоялъ...

Тихобережскій.

ГОЛОСЪ ДОНА.

Посвящаю первому георгиевскому кавалеру донскому
казаку Козьмѣ Крючкову.

I.

Утромъ рано — только тучку
Подрумянилъ свѣтъ —
Вѣстовой привезъ летучку,
Боевой пакетъ.
Вызывали атамана
На станичный сходъ,
Табунами изъ тумана
Повалилъ народъ.
Выходили изъ станицы
На зеленый лугъ,
У студеной у криницы
Становились въ кругъ.
— Поздравляю васъ съ походомъ! —
Гаркнулъ атаманъ.
Всколыхнулея надъ народомъ
Голубой туманъ,
И, какъ пыль отъ урагана,
Какъ стеной огонь,
Отъ кургана до кургана
Понеслось: „На-кѡнь!“

Загудѣла вся станица,
Ахнули въ набатъ,
Сторонитя вереница
Молодыхъ ребятъ,
Туть и гики, туть и крики,
Гомонъ до небесъ,
Туть и шашки, туть и ники —
Ровно темный лѣсъ;
Тоть беретъ на изготовку,
Цѣлится шутя,
Тоть казенную винтовку
Гладить, какъ дитя...
Только старый дѣдъ Данило,
Шипкинскій герой,
Смотритъ строго и уныло
На казачій строй
И ворчить, кусая трубку
И глотая дымъ:
— „Эхъ, проишутъ нонче лунку
Нашимъ молодымъ.
Раньше — дѣло было въ силѣ
Да цѣнили пылъ,
Только тѣ и выносили,
Кто при силѣ былъ;
Коли биться — тѣло въ тѣло,
У ноги — нога,
Не казачье это дѣло —
Не видать врага;
А теперь — умомъ да толкомъ,
Порохъ да свинець,
Ковырнетъ тебя осколкомъ —
И погибъ донецъ!

Миновали наши лавы
Со щетиной шикъ,
Не несетъ намъ больше славы
Нашъ казачій гикъ;
Басурмана, какъ овечку,
Не сшибешь съ плеча...“
И старикъ полѣзъ на печку,
Сумрачно ворча.

.
Свечерѣло. Словно ладонь,
Плаваесть туманъ.
Мокрымъ глазомъ глянулъ на Донъ
Старый атаманъ,
У околицы станицы
Придержалъ коня,
Сунулъ пригоршню землицы
За борть чекменя
И, трягнувши головою
На честной народъ,
Золотою булавою
Указалъ впередъ...
Огласили бабы крики
Дальнѣе концы,
Закачались плавно шикъ
И — ушли донцы...

II.

По-надъ яромъ, по-надъ Дономъ
Не видать ни зги;
Тихо шепчуть по затонамъ
Заросли куги.

Спать казацкая станица
Грустно, какъ вдова.
Гдѣ-то мечется зарница,
Да кричить сова.
Землю тучей осѣнило, —
Нѣ-на-что глядѣть...
Вышелъ старый дѣдъ Данило
Къ Дону посидѣть.
Что-то ноетъ поясница,
Да мутитъ въ груди,
А уснешь, — такое снится,
Что не приведи...
Сѣлъ Данило надъ водою
На корявый пенъ,
Спуталъ руки бороною
И застылъ, какъ тѣнь...
Тихо лижутъ берегъ воды,
Ходятъ безъ слѣда.
И припомнилъ, старый, годы
Браннаго труда:
Какъ ходилъ въ чужія страны
Изъ родимыхъ мѣстъ
Добывать на тѣло раны,
На рубаху крестъ.
Видитъ, старый, чьи-то муки,
Боевой угаръ
И протянутыя руки
Стонущихъ болгаръ.
А теперь — опять граница
Окунулась въ кровь,
И родимая станица
Опустѣла вновь:

Какъ и прежде — ратью бравой,
Заметая слѣдъ,
Казаки пошли за славой...
А Данило — нѣтъ.
Не даютъ ему дороги —
Древнія лѣта:
Слабоваты стали ноги
И рука не та...
Гдѣ ему за казаками?
Что ему война?
И развелъ старикъ руками:
- Вотъ тебѣ и на!

.
Вѣтеръ чубъ сѣдой колышетъ
У закрытыхъ глазъ...
Вдругъ Данило ясно слышитъ
Чей-то властный гласъ:
— „Эхъ, Данило! Грѣхъ мараться!
Не бѣда, не трусь:
Коли нѣту силы драться,
Такъ умри за Русь!“
Нолыхнуло въ небо пламя
Гдѣ-то у куги,
Развернулось въ небѣ знамя,
И — онять ни зги...
Только гдѣ-то у затона
Колыхнулась зыбь,
Да тоскливо возлѣ Дона
Простонала вынь...
Всталъ старикъ тогда съ колоды,
Шапку набекрень,
Поглядѣлъ туда, гдѣ воды,

ПАМЯТИ КНЯЗЯ ОЛЕГА КОНСТАНТИНОВИЧА.

Поэзія его любовью окружила,
Сознанье русское въ душѣ его зажгла
И въ руку юную на бой съ дракономъ зла
Архистратига мечъ восторженно вложила.

Съ призывомъ родины — нѣ ней вдохновенья сила —
Сраженій не страшна таинственная мгла,
Младого витязя судьба туда вела,
Гдѣ доблесть русская былины воскресила.

Онъ побѣдилъ и палъ. Надъ свѣжею землей
День сѣвера ронялъ печально хлопья снѣга.
Надъ гробомъ хмурился товарищъ боевой.

Сни, витязь! Надъ тобой священный щитъ Олега.
Да будетъ благостенъ безвременный твой сонъ
Мечтой народною, красою всѣхъ времянь!

Вл. Жуковскій.

ГЕРОЯМЪ.

Подъ волнами бурной стихіи,
Въ равнинахъ враждебной страны
За славу великой Россіи
Погибли вы, жертвы войны.

Васъ смерть безнощадно косила,
Сметала, врываясь, прапнель;
Вы шли, и предъ вами свѣтила
Въ дыму лучезарная цѣль.

Сквозь залпы, сквозъ адское пламя,
Въ туманѣ кровавой дали,
Вамъ вѣяло гордое знамя
Великихъ народовъ земли.

Въ кровавомъ струящемся потѣ,
Но съ ясной надеждой въ груди
Вы знали, за что вы идете,
Вы знали, что ждетъ впереди.

Вы пали у пушекъ „Паллады“,
Въ дремучихъ Карпатскихъ лѣсахъ.
Герои не ждали награды, —
Награда ихъ ждетъ въ небесахъ.

Вашъ даръ драгоцененъ отчизнѣ.
И вѣрьте — изъ вашей крови
Мы встанемъ къ торжественной жизни —
Свободы, добра и любви.

В. Рутковский.

РАДКО-ДМИТРИЕВУ.

Великая сердцу отрада:
Недавно къ намъ вѣсти дошли,
Что съ нами герой Лозенграда
Изъ дальней болгарской земли.
Блестящій на полѣ сраженья,
Онъ помнитъ славянскій завѣтъ,
Не знаетъ онъ въ сердцѣ сомнѣнья,
Въ душѣ колебанія нѣтъ.
Расправя орлиныя крылья,
За братьевъ онъ ринулся въ бой,
Нашъ вождь и отважный, и сильный,
Любимый славянскій герой.
Врагу приведется не сладко,
Пришла подсчитаться пора.
Да здравствуетъ Дмитріевъ-Радко!
Вождю-славянину ура!

Н. К. Савенко-Новоспасская.

МИРЪ ПАВШИМЪ.

Луна всходила надъ полемъ битвы,
Туманы шкли къ сырой землѣ,
И Ангелъ Смерти творилъ молитвы,
И плакалъ кто-то въ осенней мглѣ.

Въ траншеяхъ трупы лежали всюду,
Вдали, темнѣя, молчалъ курганъ,
И поле труповъ и мертвыхъ груду
Обуталъ тихо ночной туманъ...

— Миръ павшимъ въ битвѣ!—шентали травы...
Звучалъ невнятно далекій звонъ...
— Миръ павшимъ людямъ— героямъ славы!..
Пошли, Спаситель, имъ тихій сонъ!..

Кругомъ безмолвно ложились тѣни.
Блѣднѣли трупы родныхъ солдатъ.
И Ангелъ тихо, склонивъ колѣни,
Ласкалъ ихъ лица, какъ нѣжный братъ...

На влажныхъ травахъ лучи сверкали.
Роса роняла алмазовъ пыль.
Кругомъ молились почныя дали,
И плакалъ нѣжно сухой ковыль...

— Миръ павшимъ братьямъ... Васъ много пало!
И Ангель тихо ронялъ слезу.
Молитвѣ небо вверху внимало,
Безъ словъ молилась земля внизу...

Вл. Краковецкій.

«В Ъ БО Ю».

(Посвящается памяти А. А. Лауница).

Онъ мимо насъ прошелъ, спокойно улыбаясь,
Съ сіяющимъ лицомъ, веселый, молодой,
Привѣтливо рукой махнулъ намъ, удаляясь,
И крикнулъ: „Вотъ и я иду на этотъ бой!“
Солдаты шли, крестясь, сіѣша и догоняя,
Пригорокъ ихъ намъ скрылъ... Шелъ сильный бой кругомъ,
Шрапнели сыпались, свистя и завывая,
И яркій день горѣлъ въ сіяньи золотомъ!
Вернулся онъ чрезъ часъ иль два, не болѣ...
Качаясь, тихо къ намъ носилки поднесли,
Поставили у дома ихъ на полѣ,
И странно-грустные, смущенно отошли.
— Что? ранень? — Кто?... съ невольною тревогой
Спросилъ одинъ изъ насъ...
Шинелью весь закрыть,
Недвижно онъ лежалъ въ какой-то позѣ строгой,
И кто-то отвѣчалъ: „Поручикъ нашъ... убитъ!“
И, странно, на глазахъ спокойнаго солдата
Явилась горькая блестящая слеза...

Приподняли шинель... и горькая утрата
Невольно странностью смутила намъ глаза.

— Какъ! Онъ? Что здѣсь прошелъ такой веселый, милый,
Въ комъ была жизнь ключомъ еще вотъ здѣсь, сейчасъ,
Онъ взять теперь безжалостной могилой?

— Не можетъ быть, чтобъ онъ ушелъ отъ насъ!
И слезы шли въ глаза...

А онъ лежалъ спокойно,
Съ улыбкой тихою и кроткой на устахъ.
Перекрестились мы...

Вдали къ окопамъ стройно
Перебѣгалъ нашъ полкъ, среди огня, въ цѣняхъ.
И, съ нимъ сплотясь, пошли мы къ общей цѣли.
Мгновенье грусти было и прошло.
Мы двинулись впередъ... Кругомъ рвался шрапнелью.
А солнце въ небесахъ горѣло такъ свѣтло.

Князь Федоръ Касаткинъ-Ростовскій.

ПАМЯТИ НЕСТЕРОВА.

Есть высшій смыслъ въ освобождены
Отъ предрѣшеннаго конца
И въ этомъ жертвенномъ падены
На смерть испарившаго бойца.

Пусть, поломавъ стальные крылья,
Погибли оба летуна, —
Надъ вѣщимъ прахомъ ихъ беспыля
Живая истина ясна.

У одного былъ ястребиный,
Жестокій, медленный расчетъ,
А у другого лебединый,
Свѣтло-восторженный полетъ.

И если смерть ихъ поравняла,
То не сравниваетъ ихъ поэтъ:
У пѣсни вѣчное начало
И для поэта смерти нѣтъ.

Все такъ же царственно спокоенъ
Просторъ безмѣрно голубой,
Крылатый былъ его достоинъ
И увѣнчалъ своей судьбой.

А. Рославлевъ.

ПѢСНЬ О НЕСТЕРОВѢ.

Въ безбрежности неба, въ безкрайности ясной пустыни
Сражались лишь птицы и гибли лишь птицы доньяѣ.
Такъ птицѣ подобный, полетъ свой направивъ могучій,
Унесся пилотъ легкокрылый за темныя тучи.
А тамъ, на землѣ, колыхаясь, знамена шумѣли,
И лязгали сабли, и пушки зловѣще гремѣли.
И пламенно богу войны посылалъ онъ молитвы;
И очи горѣли и звали и жаждали битвы...
Величіе духа въ равнинѣ обманчиво-зыбкой,
Презрѣніе смерти подъ свѣтлою солнца улыбкой...
Мольбы не напрасны. Велѣнію рока послушный,
Противникъ ужъ рѣветъ кругами въ стихіи воздушной.
И дрогнуло сердце. Рука, какъ пружина стальная,
На руль налегла. Встрепенулась машина живая...
Чти, родина, память героя! Рѣшенье созрѣло.
Мгновенье—и врѣзался дерзко онъ въ хрупкое тѣло.
Пощады не знаетъ стихія. Побѣда наградой...
И пали противники грузной и страшной громадой...
Въ безбрежности неба, въ безкрайности ясной пустыни
Лишь птицы сражались и гибли лишь птицы доньяѣ.

Вл. Черевковъ.

НА СМЕРТЬ ЛЕТЧИКА.

Предо мною образъ паншаго героя,
Не могу я думать ни о чемъ другомъ...
Онъ поднялся въ небо, нъ небо голубое
Моцнымъ, смѣлымъ, гордымъ, пламеннымъ орломъ.

Онъ увидѣлъ: тѣню черной, хищной птицы
Цепелинъ германцевъ надъ родной землей.
Вспыхнули отвагой зоркія зѣнцы...
Онъ взметнулся легкой, грозною стрѣлой.

И не стало въ небѣ черной, хищной тѣни...
Не вернулся больше къ родинѣ герой.
Хочется невольно преклонить колѣни
Предъ какой-то грустной, трепетной мечтой.

Г. Галина.

БѢЛАЯ ОДЕЖДА.

Въ ночь скорбей три дѣвы трехъ народовъ
До разсвѣта не смыкали вѣжды:
Для своихъ, для павшихъ въ ратномъ полѣ
Шли дѣвы бѣлая одежды.

Первая со злобой ликовала:
„Та одежда плѣннымъ пригодится,
Шью ее отравленной иглою,
Чтобы ихъ страданьемъ насладиться!“

А вторая дѣва говорила:

„Для тебя я шью, о мой любимый!
Пусть весь міръ погибнетъ лютой смертию,
Только бѣ ты былъ Господомъ хранимый!“

И шептала тихо третья дѣва:

„Шью для всѣхъ, будь другъ онъ или ворогъ,
Если кто, страдая, умираетъ,
Не равно ль онъ жалокъ намъ и дорогъ!..“

Умилилась въ небѣ Матерь Божья,
Тѣ слова предъ Сыномъ повторила,
Третьей дѣвы бѣлую одежду
На Христовы раны положила.

„Радуйся, вонстину Воскресшій!
Скорбь Твоихъ страданій утолится, —
Нынѣ спита кроткими руками
Чистая Христова плащаница“.

Н. Тэффи.

МАТЬ

ПОСЛѢДНЕЕ ПРОЩАНЬЕ МАТЕРИ.

Мой сынъ, прости за эти слезы!
Прости, что плачу я теперь!
Вѣдь плачуть о вѣтвяхъ березы,
О дѣтяхъ плачетъ всякій звѣрь.

И какъ не плакать мнѣ, мой милый!
И какъ не плакать, не рыдать?
Гдѣ взять мнѣ твердость, гдѣ взять силы?
Вѣдь я... пойми, мой сынъ... я мать!

Мы все отдать должны отчизнѣ
Движеньемъ собственной руки,
И даже то, что краше жизни,
Хоть рвется сердце на куски.

Я отдаю тебя, я тоже...
Ступай съ врагомъ въ смертельный бой...
Ступай!.. ты жизни мнѣ дороже!
Ступай, прощай, Господь съ тобой.

И. Гриневская.

М А Т Ъ.

Сходить почти тѣнь...
Я не знаю сна...
У дверей весь день
Провожу — одна...
Злая грусть одна
Сердце жжетъ огнемъ —
Вспомнаю я
Все о немъ... о немъ!
Здѣсь послѣдній разъ,
У родныхъ дверей,
Капли жаркихъ слезъ
Онъ отеръ скорѣй...
Оторвалъ уста
Отъ родныхъ сѣдинъ...
Жизнь блѣдна, пуста
Безъ тебя, мой сынъ!
Ты умчался вдаль
На кровавый бой, —
Но моя печаль
И мольба — съ тобой!
Не могу съ тѣхъ поръ
Отдохнуть - заснуть...

Мой печальный взоръ
Видитъ дальній путь...
Видитъ громъ и кровь
Средь чужихъ равнинъ, —
Но моя любовь —
На тебѣ, мой сынъ!
И незримый щитъ
Материнскихъ слезъ, —
Онъ тебя хранить
Отъ кровавыхъ грозъ...
И тебя обнять
Ждетъ скорбей, скорбей —
Ждетъ старушка-мать
У родныхъ дверей, —
Гдѣ, крестя на бой,
Злую скорбь тая,
Зарыдавъ, — съ тобой
Попрощалась я!..

В. Видимова.

* * *

Я четыре сына въ мукахъ родила, —
Выросли четыре горные орла.
Какъ пожаръ неожиданный, вспыхнула война,
Напила кровью землю дощяна.
И ушли два старшихъ со своимъ полкомъ.
Плакала я горше съ каждымъ новымъ днемъ.
Плакала, молилась. Вѣсти тутъ пришли:
Оба старшихъ сына въ полѣ полегли.
Третій просить-молить: „Отпусти меня,
„Хочется погрѣться въ сѣчѣ средь огня,
„Гдѣ кружатся пули — майскіе жуки,
„Какъ ежи щетинясь, высятся штыки...“
Какъ и два другіе, не вернулся онъ, —
Ночью я слыхала похоронный звонъ...
Поутру сегодня я въ окошко глядь, —
Младшій мой собрался, видно, воевать.
Вижу, чистить сбрую, ладить онъ коня,
И несмѣло молвить: „Отпусти меня!
„Отпусти, родная, я-то ворочусь;
„Постоять охота за святую Русь.
„Вѣрь, въ кровавой битвѣ спуску я не дамъ.
„Эхъ, ужъ справлю тризну по своимъ братьямъ!

Наталія Грушко.

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ.

И повѣдала Оринушка
Мнѣ печаль свою великую.

Н. А. Некрасовъ.

Тамъ и тамъ — могилы братскія,
Тамъ и тамъ — печали жгучія!
Вновь Орина, мать солдатская,
Слезы льетъ свои горючія.
Черной ночью, непривѣтною
Смотрятъ будни деревенскіе,
И печалью безпросвѣтною
Истомились души женскія.
Съ поля жаркаго сраженія
Не приходитъ вѣсть желанная.
Что ей рѣчи утѣшенія —
Если въ сердцѣ мгла туманная?
Злыя думушки — расходятся,
Не уймутся, окаянныя!
Гдѣ-то, гдѣ теперь находятся
Наши соколы желанные?
Прежней лаской не согрѣтые,
Гдѣ кормильцы тратятъ силушки?

Можетъ, даже не отиѣтые
Спать они на днѣ могилушки?
И предчувствія тяжелыя
Давять грудь безъ сожалѣнiя,
Сны проходятъ невеселые
Про кипучія сраженiя.
Вотъ — лежитъ сынокъ въ полянушкѣ,
Пораскинувъ руки въ стороны,
Русокудрому Иванушкѣ
Очи выклевали вороны.
Надъ сынкомъ шумитъ-качается
Пожелтѣвшая рябинушка.
И средь ночи просыпается
Неутѣнная Оринушка.
Снова бѣдной представляется
Голосъ Вани... Поступь смѣлая...
Отъ рыданiй колыхается
На груди рубашка бѣлая...
Тамъ, гдѣ въ сердцѣ боль всечасная, —
Сонъ не служитъ обороною...
И рыдаетъ мать несчастная
До утра передъ иконою.
Умъ, печалью затуманенный,
За соломинку цѣпляется:
Можетъ, живъ Ванюша раненый,
Можетъ даже — поправляется?
Можетъ, выйдя изъ сраженiя,
Спитъ сыночекъ отъ усталости?
Развѣ бѣднымъ нѣтъ спасенiя?
Развѣ нѣтъ у Бога жалости?
Я ль предъ Господомъ преступница
За печаль свою посылаю?

Охрани его, Заступница,
Защити Своею силою!
Вѣдь въ любой *извѣстна* мѣстности
Тяжесть горя исполинскаго! —
Хуже горькой неизвѣстности
Нѣтъ для сердца материнскаго!
Сила таетъ, словно свѣченька,
Льется пѣня похоронная...

.

Мало словъ, а горя рѣченька,
Горя рѣченька бездонная!

Ал. Дроздининъ.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Что спюю, дитя, тебѣ,
Сидя у кровати?
Цѣлый міръ теперь въ борьбѣ,
Міръ весь въ грозной схваткѣ.
Ты растешь въ суровый часъ,
Въ часъ грозы кровавой...
Врагъ надвинулся на насъ
Злобный и лукавый.
Нѣтъ! не нѣсень „баю-баю“
Снѣть хочу младенцу...
Встань! за родину свою
Встань навстрѣчу нѣмцу!

* * *

Сокрушитъ насъ наглый швабъ
Мысль въ душѣ лелѣеть...
Погибаетъ тотъ, кто слабъ, —
Мощный одолѣетъ!
Закружился старъ и малъ
Въ страшномъ ураганѣ...

Тотъ проснулся, кто дремалъ, —
Онъ на полѣ брани!
Стану ль пѣснь „баю-баю“
Пѣть теперь младенцу?..
Встань! за родину свою
Встань навстрѣчу Нѣмцу!

* * *

Крошка ты, — но что до лѣтъ?
Тѣхъ съ тобой мы встрѣтимъ,
У кого поцады нѣтъ
Женщинамъ и дѣтямъ.
Тамъ, гдѣ, злобою горя,
Рыцетъ швабовъ стая,
Тамъ мы крови льемъ моря, —
Это кровь святая!
Нѣтъ! не пѣснь „баю-баю“
Я спою младенцу..
Встань! за родину свою
Встань навстрѣчу Нѣмцу.

Бенедиктъ.

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ

СЕСТРА .

Незнакомая, чужая,
У походнаго одра
Всѣмъ близка ты, всѣмъ родная,
Милосердія сестра.
Изъ столичной ли ты знати,
Или родъ безвѣстенъ твой,—
Ты къ больной, родимой рати
Входишь ласковой сестрой.
Гдѣ отъ вражьяго порѣза
Кровь струилася ручьемъ,
Гдѣ входило въ грудь желѣзо,
Ты стоишь съ своимъ крестомъ.
Свѣта блескъ, веселья звуки
Ты сумѣла позабыть
И изнѣженныя руки
Въ раны тяжкія вложить.
Породила васъ невзгода,—
И богатыхъ, и простыхъ,

Всѣ вы—дочери народа,
Всѣ вы—сестры для своихъ...
Эти раны—ваши раны,
Эта кровь—и ваша кровь.
На одинъ вы подвигъ званы,
И у всѣхъ одна любовь.
Отъ жестокаго сосѣда
Мать-Россію отобьемъ,
Будеть русская побѣда
И съ желѣзомъ, и съ крестомъ.
Незнакомая, чужая,
У походнаго одра,
Всѣмъ близка ты, всѣмъ родная,
Милосердія сестра.

И. Вильде.

СЕСТРА.

Ты ушла свѣтло и смѣло
Отъ родимыхъ мѣсть.
На твоей одеждѣ бѣлой
Рдѣеть красный крестъ.
Подъ монашеской косынкой
Строгъ лучистый взоръ.
Не тебя ли „Нѣжной Инкой“
Звали до сихъ поръ?
Ты всегда любила, Ина,
Тонкій ядъ духовъ,
Томный рокоть піанино,
Мѣрный ладъ стиховъ.
И нѣжна всегда была ты,
И мечтала вслухъ...
Какъ же ты сковала въ латы
Свой дѣвичій духъ?
И зачѣмъ убрала гладко
Золото кудрей?
И откуда эта складка
У густыхъ бровей?
И откуда рѣчи эти,
Сродныя бойцу?

Развѣ ты готова встрѣтить
Смерть лицомъ къ лицу?
Слышишь, ласковая Ина,
Сильная въ борьбѣ:
Стонетъ бранная равнина
И зоветъ къ себѣ.
Тамъ, гдѣ сизый дымъ простерла
Грозная война,
Плещутъ воющія жерла
Дождь изъ чугуна;
Груды тѣлъ вѣнчаетъ Слава,
Кровью Смерть пьяна...
Ты спокойна, величава,—
Ты сильна, сильна!
Ты къ бойцамъ на поле брани
Сходишь съ высоты
Приложить къ смертельной ранѣ
Хрупкіе персты.
Ты безъ сна у шаткихъ коекъ,
Вродишь до утра,—
Всѣмъ, кто воинъ, всѣмъ, кто стоекъ,
Добрая сестра.
Что въ послѣдній мигъ шептала,
Какъ смотрѣла ты,—
Если смерть бойцу предстала
Въ образѣ мечты?
Смѣлымъ символомъ надежды
Пусть горять окрестъ
Бѣлый цвѣтъ твоей одежды
И багряный крестъ.

Дм. Цензоръ.

О—ГА А—НА.

„Называйте *сестрой*, не высочеством!“
И за ватой ушла, за бинтомъ...
Сынъ войны, не страдай одиночествомъ:
Тотъ, кто возлѣ нея, — подъ щитомъ.

Въ каждомъ словѣ ея — утѣшеніе,
Въ каждомъ взглядѣ — не тѣнь ли Христа!?
Взоръ — печалей людскихъ угашеніе,
А улыбка, какъ небо, чиста.

Та рука, что углями и красками
Жизнь умѣла кидать на холсты,
День и ночь занята перевязками
Вдалекѣ отъ мірекой пустоты.

Мазаретъ... Но два міра въ немъ сближены
Въ вихрѣ бранныхъ, воинственныхъ дней...
Мудрено, если жертва отъ хижины,
Но любовь отъ палатъ мудренѣй.

А. Мейснеръ.

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

И каждый день въ косынкѣ бѣлой
Она приходитъ въ лазаретъ,
Чтобы стереть рукой умѣлой
Горючей крови яркій слѣдъ.

И все такъ ждуть ея улыбки,
Ея движенья, нѣжныхъ словъ,
И знаютъ, знаютъ безъ ошибки
Чуть слышный звукъ ея шаговъ.

Налетъ изъ крашеной бутылки
И молвитъ тихо:—„Не робѣй!“
А тамъ ужъ новыя носилки
Стоять угрюмо у дверей.

Вчера ихъ лица были грубы,
Сурова каждая черта,
А нынче, обнажая зубы,
Улыбка сходитъ на уста.

И все въ отвѣтъ. И проходитъ
Среди раздавленныхъ войной.
И каждый въ ней свое находитъ,—
Забытый образъ дорогой.

И мнится, изъ деревни дальней
Къ нему пришла родная мать,
Чтобы безмолвно и печально
Его глаза поцѣловать.
И, позабывъ о жгучей боли,
Онъ засыпаетъ тихимъ сномъ.
Онъ засыпаетъ. Снится поле,
Рѣка, деревня, отчій домъ.
Она не спитъ. Другихъ разспроситъ,
Утѣшитъ боль глухихъ скорбей..
А тамъ еще, еще приносятъ
И ждутъ угрюмо у дверей.

А. Воинъ.

АНГЛІЯ

ПѢСНЬ БРИТАНЦА.

Насъ не сломитъ нужда,
Не согнетъ насъ бѣда,
Рокъ капризный не властенъ надъ нами!
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Англичане не будутъ рабами!

Въ нашемъ славномъ краю
Чтутъ свободу мою,
Домъ мой—крѣпость, законы—кольчуга!
За отчизну мою
Кровь до капли пролью.
Оторвусь и отъ книгъ и отъ плуга!

Пусть тевтоновъ орда
Снаряжаетъ суда
Въ тщетной жаждѣ царить надъ морями,—
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Имъ не быть въ нашемъ царствѣ царями!

Славенъ Англіи родъ,
Живъ британскій народъ:
Старъ и малъ, всѣ идутъ подъ знамена!
Гей! враги у воротъ!
Англичане, впередъ!
Отбивайте атаки тевтона!

Врагъ силенъ? Не бѣда!
Пропадетъ безъ слѣда,
Коль желаетъ господства надъ нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Англичане не будутъ рабами!

Коль не хватить солдатъ,
Старики стануть въ рядъ,
Будутъ дѣти и жены бороться!
Адвокатъ и прелатъ,
И бѣднякъ, и магнатъ —
Всѣ, въ комъ сердце британское бьется!

Насъ не сломить бѣда,
Не осилить орда,
Только Богъ Всемогущій надъ нами!
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Англичане не будутъ рабами!

Василій Князевъ.

ШОТЛАНДСКАЯ ПѢСНЯ.

Пѣсня, сложенная шотландскими полками, сражающимися на франко-бельгійскомъ театрѣ войны.

(Переводъ съ англійскаго).

Пляши, коли пляшешь, Вилли,

Пляши впередъ и вспять,

Зови танцоровъ, Вилли,

Мы не устанемъ играть.

Смотри, поклонись Парижу,

Смотри, не забудь Лувенъ,

Откружившись въ Рижскомъ заливѣ,

Вернись на Марну и Энъ.

А только ужъ будто просто

Плясать безъ перемѣнъ?

Пляши, коли пляшешь, Вилли,

Пляши впередъ и вспять,

Зови танцоровъ, Вилли,

Мы не устанемъ играть.

Что? Распустить музыкантовъ?

Э, нѣтъ, еще не конецъ!

Пляши ужъ, разъ пляшешь, Вилли,
Пляши, несчастный глупецъ!
Пляши до одури, Вилли,
Опять, и опять, и опять, —
Пока мертвымъ не грохнешься на-земь...
Мы не устанемъ играть!

А. Д'Актиль.

БЕЛЪІЯ

БРАБАНСОНА.

Минули рабства годы злые!
Народъ, возставшій изъ могилъ. —
Ты добылъ вновь права былыя,
Ты честь отчизнѣ возвратилъ!

Бельгіецъ вновь привольно дышитъ
И, къ жизни гордой воскрешень,
На старомъ знамени онъ пишетъ:
Король, свобода и законъ!

Переводъ В. К.

БЕЛЬГИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГИМНЪ.

Оковы рабства вѣкового
Стряхнула Бельгія, какъ мракъ,
Завоевавъ отвагой снова
Свои права и честь, и стягъ.
Рукою гордой и державной
Народъ, отвергшій зло препоны,
Внесетъ въ скрижаль отчизны славной:
Король, свобода и законъ!

Иди рѣшительной стоюю
Къ успѣхамъ доблестнымъ впередъ,
Богъ неуспынно за тобою
Слѣдитъ, исполненный щедротъ.
Трудись: пусть трудъ обогащаетъ
Твои обиліемъ поля
И ореолъ искусствъ вѣнчаетъ
Законъ, свободу, короля!

Всѣхъ старыхъ братьевъ сблизимъ съ нами,
Съ кѣмъ были мы разлучены.
Батавы, Бельги, ставъ друзьями,
Не жаждутъ болѣе войны.

Пусть узы братства насъ скрѣпляютъ,
Какъ миръ согласіемъ скрѣпленъ,
И тотъ же кликъ объединяетъ:
Король, свобода и законъ!

О, Бельгія, мать дорогая,
Ты намъ близка, ты будешь жить!
Мы, кровь и сердце отдавая,
Клянемся родинѣ служить!
Ты будешь мощной и прекрасной
Въ своемъ единствѣ для временъ,
Девизъ твой въ кликѣ громогласномъ:
Король, свобода и законъ!

Леонидъ Афанасьевъ.

БЕЛЫНИ.

Король-Баярдъ, безъ страха и упрека,
Отмѣченный для подвига судьбой,
На грудь свою, по грозной волѣ рока,
Ты принять первый, самый страшный бой.

Король-Баярдъ, ты, чей девизъ — „свобода“,
Чей благородный духъ неустрашимъ,—
Пошелъ ты смѣло во главѣ народа,
Чтобъ до конца испить всю чашу съ нимъ.

Войны кровавой мрачная страница
Полна нежданной, свѣтлой красоты:
Вѣдь льва любить способна только — львица,
Не разлучить ихъ царственной четы.

Опасности, отчаянье, невзгоду
Она съ тобою дѣлитъ пополамъ.
Вѣрны вы оба своему народу,
Какъ вашъ народъ остался вѣренъ вамъ.

Въ исторіи безстрастныя скрижали
Священныя внесутся пшѣмена,
О томъ, какъ слово вы свое сдержали,
И какъ за то погибла вся страна.

О, если бы опять она окрѣпла,
Минувшими страданьями горда,
Какъ фениксъ, снова возродясь изъ пепла
Для счастья и мирнаго труда!

Молва казнить злодѣевъ вѣроломство,
Героевъ — ждѣть и память, и почетъ:
Тебя — Великимъ назоветъ потомство,
Елизанету — Вѣрной наречетъ.

Вы заслужили лавры вѣчной славы,
И ты, король, и твой народъ-герой:
Но плачьте, плачьте, моцныя державы,
Надъ младшею прекрасною сестрой.

За васъ она пошла въ борьбу безъ стона,
За васъ всей кровью жертвуетъ родной...
Склонитесь же съ почтеніемъ, знамена,
Предъ маленькой великою страной!..

Т. Щенкина-Куперникъ.

БЕЛЬГИЯ.

(Сонетъ).

Страна, достойная гекзаметровъ Гомера,
Иль Данте скорбнаго святыхъ терцинъ;
Страна, гдѣ отъ поденщика до мэра
Согласны всѣ и каждый — гражданинъ.

Твой гордый духъ, твоя въ законность вѣра
Сильнѣе мощности твоихъ машинъ,
И твердости твоей отнынѣ мѣра —
И грозный Льежъ, и жертвенный Малинъ.

Еще мятутся битвы и пожары,
Но близокъ часъ неотвратимой кары
Надъ самовластьемъ горестно-смѣшнымъ.

Ты, Бельгія, — Европы факель бѣлый,
И твой король великодушно-смѣлый
Въ такой странѣ не можетъ быть инымъ.

Ал. Рославлевъ.

БЕЛЪГІИ.

На помощь Бельгіи! Скорѣй!
Она въ бою изнемогаетъ,
Задушенъ крикъ ея дѣтей, —
Пощады слабымъ врагъ не знаетъ.

Всѣ силы въ жертву принесла,
За ближнихъ смѣло грудью встала,
Она въ бою изнемогла —
Всю кровь безъ стона отдавала.

Горить и гибнетъ край родной,
Водой изъ рѣкъ залиты нивы,
Стѣна пылаетъ за стѣной,
Карнизовъ рушатся извивы.

Святые храмы, города
Разграбилъ врагъ съ своей ордою,
Дворцы, лачуги, — безъ слѣда
Взорвалъ, сгубилъ, сравнялъ съ землею.

Цвѣтущій край... Когда ты вновь
Еще воспрянешь къ мирной жизни?
Вездѣ тѣла твоихъ сыновъ,
И мародеровъ гнусныхъ тризны...

На помощь храбрымъ! Все впередъ!
За жизнь геройскаго народа!
Страна бельгійцевъ не умретъ, —
Живъ ихъ король, законъ, свобода.

И. Тимковскій.

БЕЛЬГИЙЦАМЪ.

Въ трудахъ вы мирно жизнь вели,
Трудомъ все создали народнымъ.
И каждый клинъ родной земли
Цвѣтущимъ сталъ и плодороднымъ.
Селенья ваши, города,
Заводы, фабрики и копи,
Какъ символъ мощнаго труда,
Служили образцомъ Европѣ.
Но вдругъ вашъ трудъ нарушенъ былъ.
Вы дождались иного часа:
Врагъ вашу землю затопилъ
Волною пушечнаго мяса.
И, вмѣсто трудовыхъ знаменъ,
Вы развернули боевые.
Врагъ дерзокъ, хищенъ и силенъ,
Но вы — герои огневые.
Васъ не смутилъ набѣгъ врага.
Вы дружно, какъ одинъ, возстали.
Вамъ честь отчизны дорога,
А ваша доблесть крѣпче стали.
И врагъ усилилъ подлю месть,
Позоромъ заклеяменъ отнынѣ.

Онъ позабылъ и женщинъ честь,
И уваженіе къ святынѣ.
Все осквернилъ безстыдно врагъ.
И вы съ надеждою одною
Рѣшились на послѣдній шагъ,
На подвигъ дорогой цѣною.
Пусть гибнуть нивы и поля,
Пусть гибнуть города, селенья...
Пускай разорена земля
Цѣной отъ варваровъ спасенья!
Плотины взорваны. Вода
Сметаеть варваровъ отряды.
Они спастись, но куда?
Кругомъ вода — и нѣтъ пощады!
Послѣдній шагъ — девятый валъ,—
И врагъ сметенъ стихіей водной...

.
Но край цвѣтущій нынѣ сталь
Пустыней топкой и безплодной...
Вельгійцы! Суждено вамъ знать
Не только горе и печали.
Въ страданьяхъ за отчизну-мать
Вы радость подвига узнали.
Пройдутъ года. Потомковъ судъ
Спокойно прошлое разсудить.
Благословеннымъ былъ вашъ трудъ,
А подвигъ вашъ священнымъ будетъ.

Милій Стремилъ.

АНТВЕРПЕНЪ ПАЛЪ.

Антверпенъ палъ! Изнемогая,
Въ огнѣ великаго костра
Горишь ты, Бельгія святая,
Народовъ чистая сестра.
Твои оплоты и твердыни
Превращены въ холмы руинъ,
Святой вѣнецъ твоей гордыни
Сорвалъ безумный властелинъ.

Антверпенъ палъ! Поникъ въ борены
Съ грозой германскихъ батарей,
Какъ поникаетъ на аренѣ
Борецъ межъ алчущихъ звѣрей.
Въ его геройскія становья,
Въ дворцы искусства и труда
Нахлынула древневѣковья
Безчеловѣчная орда.

Антверпенъ палъ! Но духъ нетлѣнный
Не обезсилень, не падеть!
Еще подѣмлетъ мечъ священный
За честь поднявшійся народъ,
И три союзныя державы,
Чьихъ силъ стремительныхъ не счесть,
Несутъ знамена бранной славы,
А на знаменахъ слово: „Мечь“!

Дмитрій Цензоръ.

УТѢШЕНІЕ БЕЛЬГІИ.

Есть въ наивныхъ предвѣщаньяхъ правда мудрая порой.
То, чему повѣрять сердце, совершитъ народъ-герой.

Вотъ Сивилла развернула книгу темную судебъ.
И прочла одну страницу въ книгѣ той гадалка Тэбъ.

Прежде, чѣмъ весна откроетъ ложе влажное долинъ,
Будетъ нашими войсками взятъ заносчивый Берлинъ.

И, награбленной добычей поживиться не успѣвъ,
Злой народъ, который грабить, попытаетъ Божій гнѣвъ.

О, герой, народъ бельгійскій! испытаній часъ насталъ.
Вся земля взята врагами, и Антверпенъ крѣпкій палъ.

И спѣшать къ союзнымъ ратямъ утомленные полки.
Кто измѣритъ, сколько въ душахъ славныхъ рыцарей тоски!

А въ Берлинѣ ликованье, пѣсни, смѣхъ, колокола,
И толпа опять побѣдой и пьяна, и весела.

Но, я знаю, не трепещетъ духъ Альберта короля.
Онъ свободными увидитъ скоро мнѣя поля.

ужь плететь ему побѣда вѣчный лавровый вѣнецъ.
Онъ торжественно вернется въ свой разграбленный дворецъ.

Только правда — путь къ побѣдѣ, только вѣрность —
вѣрный щитъ.
Такъ наивность предвѣщаній, такъ и мудрость говорить.

Федоръ Сологубъ.

АНТВЕРПЕНЪ.

Пусть это время далеко,
Антверпенъ! — И за моремъ крови
Ты памятенъ мнѣ глубоко...
Рѣчной туманъ ползеть съ верховій
Широкой, какъ Нева, Эско.

И надъ спокойною рѣкой
Въ туманѣ тепломъ и глубокомъ,
Какъ взоръ фламандки молодой,
Нѣтъ счета мачтамъ, верфямъ, докамъ.
И пахнетъ снастью и смолой.

Тревожа водяную гладь,
Въ широко стелющемся дымѣ
Ужъ якоря готовъ отдать
Тяжелый двухмачтовый стимеръ:
Ему на Конго курсъ держать...

А ты — во мглу вѣковъ глядись
Въ спокойномъ городскомъ музеѣ:
Тамъ царствуетъ Квентинъ Массисъ;
Тамъ въ складки платья Соломен
Цвѣты изъ золота вилелись...

Но все — притворство, все — обманъ:
Взгляни наверхъ... Въ клочкѣ лазури,
Мелькающемъ черезъ туманъ,
Увидишь ты предвѣстье бури —
Кружащійся аэропланъ.

Александръ Блокъ.

ТРИ КРЕСТА.

О, Бельгія, земля святыхъ смертей!
Ты не крестъ, но духъ твой живъ и воленъ.
И передъ нимъ — что кровь твоихъ дѣтей
И дымъ и гарь воздушныхъ колоколенъ?
На Польшу, близкую сестру, взгляни, —
Нѣтъ изумительнѣй ея удѣла:
Безуміемъ пылающіе дни
Еѣ два креста судили: на одномъ
 Ея истерзанное тѣло, —
 Душа нѣмая на другомъ.
Но сочтены часы томленья,
Господь страданій не забудеть.
Голгоа — ради воскресенья,
 И вѣруемъ, — да будетъ!

З. Гуппиусъ.

АНТВЕРПЕНТЬ.

Надъ павшимъ городомъ лежала ночь устало.
По мертвымъ улицамъ куда-то шли враги..
И въ жуткой тишинѣ стариннаго квартала
Звучали мѣрные, тяжелые шаги...

Ползли, какъ призраки, орудій вереницы.
Темнѣли въ сумракѣ ряды чужихъ солдатъ,
И молча шли войска по улицамъ столицы, —
Шли за своей судьбой, чтобъ не притти назадъ...

И конница, звеня по плитамъ тротуара,
Безмолвно двигалась куда-то на востокъ, —
Туда, гдѣ ждетъ ихъ смерть, невѣдомая кара,
И мстью сторожитъ невѣдомый имъ Рокъ...

Кругомъ нѣмая ночь стояла тьмой упорной,
Кралась всюду смерть, вперивъ тяжелый взоръ..
И шли войска впередъ, колеблясь массой черной, —
Шли за своей судьбой на гибель и позоръ...

Вл. Краковецкій.

Л Б Е Ж Ъ .

Когда рабы слѣпой гордыни
Свою стотысячную рать
Вели на чуждыя твердыни
Побѣдоносно умирать,
И озвѣрѣлые' отряды
У непредвидѣнной черты,
Презрѣвъ опасности преграды,
Пошли стѣною на форты, —
Тогда на льежскіе окопы,
На этотъ жертвенный очагъ
Лицо измученной Европы
Взирало съ ужасомъ въ очахъ,
И стономъ гулкаго набата
Печальной Бельгій сыны
Встрѣчали зарево заката
Своей поруганной страны.

.
Но часъ насталь. На полѣ брани,
Подъ несмолкаемое „hoch!“
Сошлись сверкающія грани
Мечомъ разсѣченныхъ эпохъ;

И къ исторической развязкѣ,
Кровавымъ жребіемъ горды,
Пошли сверкающія маски
Цивилизованной орды.
Взвилась сигнальная ракета,
Проснулась каменная твердь,
И мимо тяжкаго лафета
Прошла невидимая смерть.
Минуты шли... Форты молчали...
Взирая грозно на луга,
Они молчаніемъ встрѣчали
Непримримаго врага;
И только въ сумрачныя дали
Дышали черные круги,
Да тихо дула осѣдали,
Слѣдя послѣдніе шаги.
Но вотъ надъ прусскими штыками
Метнулась гулкая волна,
И золотыми языками
Одѣлась черная стѣна...
Завыли радостныя дула,
Вздохнула грозная скала
И гуломъ буйнаго разгула
Смела кровавыя тѣла...
И пали дерзкіе отряды,
Огнемъ зажатые въ тиски,
И рвали жадные снаряды
Чужіе трупы на куски;
Живое зарево заката
Одѣлось облакомъ сѣдымъ,
И слава прусскаго солдата
Подъ нимъ разсѣялась, какъ дымъ.

И пали черныя тенета,
Вѣка сжимающія міръ,
И рухнулъ глиняный кумиръ
Подъ ношей собственнаго гнета...

.
Когда же смолкнули удары,
И черный геній отлетѣлъ,
И полевые санитары
Убрали горы мертвыхъ тѣлъ, —
Тогда на льежекіе окопы,
На этотъ доблестный очагъ,
Лицо восторженной Европы
Взглянуло съ гордостью въ очахъ:
Запе на немъ разбилась слава
Двуличныхъ „братьевъ во Христѣ“,
Что „правомъ силы“ „силу права“
Распяли нагло на крестѣ.

Владимиръ Воиноеъ.

БЕЛЫЙСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Спи, малютка, спи, младенецъ...
Я съ тобой. Усни.
Бросилъ свой кинжалъ чеченецъ
Въ наши злые дни,

Не слыхать башибузука,
И хунхузъ молчить,
О разбойникахъ — ни звука
Свѣтъ не говорить...

Не слыхать и объ индѣйцахъ...
Баюшки-баю...
Я тебѣ о европейцахъ
Лучше пропою.

* * *

Слышишь, дѣтка, всѣхъ сзываютъ?
Слышишь адскій шумъ?
Это нѣмцы въ насъ стрѣляютъ
Пулями думъ-думъ...

Нынче небо смотритъ хмуро,
И вездѣ — набатъ:
Это прусская культура
Двинула солдатъ.

Сбросить Бельгія вериги
Вражеской земли,
Въ школѣ будешь ты... А книги
Нѣмцы всѣ сожгли...

И въ странѣ геройской расы,
У цвѣтущихъ селъ,
Нѣмцы выстроятъ фугасы
Вмѣсто прежнихъ школъ.

А у лѣса, на опушкѣ
Гдѣ гуляли мы, —
Зачернѣютъ вражьи пушки
И фасадъ тюрьмы.

Но молись — другое время
Чтобъ пришло скорѣй:
Чтобы сгибло злое племя
Наглыхъ дикарей.

Твой отецъ и дѣдъ — герои:
Ихъ запомнить врагъ —
Всѣ легли на мѣстѣ боя
За родной очагъ.

Подрастешь — и ты возьмешься
Сразу за ружье, —

Тоже съ поля не вернешься,
Дитятко мое...

Спи, ребенокъ, будь спокоенъ...
Повернись ко мнѣ...
Я горжусь, что новый воинъ
Будеть данъ странѣ...

* * *

Пусть душѣ и сердцу жутко —
Лучше будутъ дни...
Спи, младенецъ, спи, малютка,
Я съ тобой — усни.

Арк. Буховъ.

БРЮГГЕ.

Тихій Брюгге, тихій городъ
Бѣлоснѣжныхъ лебедей,
Полусонныхъ водъ зеленыхъ
И безмолвныхъ площадей!

Наклонялся ликъ Мадонны
Въ полумракѣ строгихъ нишъ,
Гладь канала отражала
Черепицы острыхъ крышъ...

Укрывала сѣнь деревьевъ
Бѣлыхъ стѣнъ святой пріютъ,
Пролетали безъ печали
Тѣни свѣтлыя минутъ.

Только женщинъ чистыхъ сердцемъ
Эти стѣны стерегли:
Были чужды имъ всѣ нужды
И волненія земли.

Тамъ въ покоѣ проходили
Безмятежные года...

Ихъ жилище было чинце
Лебединаго гнѣзда...

Плавно лебеди скользили
По зеленой глубинѣ,
Ихъ движенья отраженья
Повторяли, какъ во снѣ.

Въ часъ вечерній надъ водою
Иѣли иѣснь колокола,
Иѣснь святая, пролетая,
Миръ торжественный несла.

Городъ, сказка кружевная
Несказанной тишины,
Какъ жестоко издалека
Налетѣли злые сны!

Отразился рядъ развалинъ
Въ тихомъ „Озерѣ любви“,
Всѣ каналы—блѣдно-алы
Отъ пожаровъ, какъ въ крови.

Надъ печальнымъ разрушеньемъ
Опустѣвшихъ площадей,
Улетая, плачетъ стая
Бѣлоснѣжныхъ лебедей.

О, куда имъ путь направить
Изъ родимаго гнѣзда?
Дымъ и пламя надъ лѣсами
И пылаютъ города.

Рвутся ядра, свнцуютъ пули,
Надъ водою звучитъ набать...

Всюду смута — нѣтъ пріюта,
Цѣлый край огнемъ объять.

Лебедей невинныхъ стая
На лету поражена...
Стоитъ печальный... Кликъ прощальный...
Пѣсня смерти — вотъ она!

Стая вороновъ зловѣщихъ
Къ страшной трапезѣ своей
Тучей смѣло налетѣла
Вмѣсто бѣлыхъ лебедей!

Нивы Фландріи несчастной,
Васъ жестокій ждетъ удѣлъ:
Лебедь чистый, серебристый,
Лебедь мира — улетѣлъ!

Стая вороновъ зловѣщихъ
Грозно кличетъ: „умирай“...
Нѣтъ! Ты встанешь, ты воспрянешь,
О безсмертный, смѣлый край!

Черныхъ вороновъ кровавыхъ,
Ты прогонишь навсегда
Изъ родного, изъ святого
Лебединого гнѣзда!

И услышишь, полонъ счастья
Новой жизни, новыхъ силъ,
Шумъ священный, неизмѣнный,
Лебединыхъ мощныхъ крылъ!

Т. Щепкина-Куперникъ.

ФРАНЦІЯ

ПАРИЖУ.

I.

О, городъ вольности, плѣнительный Парижъ!
Капризно-вычурный, но полный стройной мѣры,
Такой дурманящій, влекущій, какъ гашишъ,
Всегда загадочный, какъ странныя химеры.

Твой день исполненъ бурь. Твою ночною тишь
Волнуетъ сладкій грѣхъ утонченной Венеры.
Струится твой разсвѣтъ бѣлесовато-сѣрый,
И жмутся призраки у старыхъ стѣнъ и нишъ...

Святые призраки Иоанны, Демулена
И пышнаго Гюго, и ницаго Верлена...
Бойцы и геніи, и все, чѣмъ ты царишь —

Что центромъ сдѣлалось всего земного лона,—
Великій санкюлотъ, народъ Наполеона,—
Все это Франція, все ты, Парижъ!

II.

Живя стремительно, касаясь хмельныхъ чашъ,
Губами жадными, веселый горожанинъ,
Гаменъ и гражданинъ, ученый и апашъ,—
Ты обольстительно и ярко многограненъ.

Похожа жизнь твоя на красочный миражъ.
Твой взглядъ, изнѣженный любовью, затуманенъ.
Но кликнетъ родина, и, смѣлый парижаинъ,
Ты жизнь любимую безпечно ей отдашь.

Для дерзостей мечты, не знающей преграды,
Ты рушишь прошлое и строишь баррикады.
Велить отечество — и доблестная рать

Въ походы грозные выходитъ спозаранокъ,
Любовницъ превративъ въ отважныхъ маркитанокъ.
Народъ, умѣвшій жить, умѣетъ умирать!

III.

Теперь, когда кипитъ всемирная война
И гибнуть въ пламени безсильные народы,—
О, Франція, купель священная свободы,
Да будешь ты судьбой навѣкъ сохранена.

Твою исторію кровавая волна
Взметаешь къ высотъ, гдѣ лучезарны своды,
И Кляя строгая запишетъ всѣ походы,
Тебя на вѣчныя прославивъ времена.

И никогда, Парижъ, твой гордый духъ печала,
На радостный Монмартръ и на ступень Версаля
Не ступить Пруссія—безчеловѣчный врагъ!

Всегда свободная, подъ звуки марсельезы,
За вьющійся Маасъ, за тихія Вогезы
Неси, о Франція, побѣдоносный стягъ.

Дмитрій Цензоръ.

ПАРИЖЪ.

Пришла бѣда стопой тяжелой,
Святыни древнія въ огнѣ,
Но всталъ онъ, страшный и веселый,
Въ своей испытанной бронѣ.

Надъ разоренною Шампанью
Проходитъ вѣяніе грозъ...
Онъ, вѣренъ славному преданью,
Преобразился и возросъ.

Безумна схватка исполиновъ,
Ожесточенна и долга,
Но вотъ, отъ стѣнъ его отхлынувъ,
Уходятъ полчища врага.

И трубы вражескаго стана
Звучать все глуше, и грозна,
Грознѣй сѣдого океана
Встаетъ народная война.

Внемлите гнѣвному Парижу!..
Онъ говоритъ родной землѣ:
„И битвы новыя провижу
„И путь побѣдъ въ кровавой мглѣ.

„Я поздней жалости не внемлю...
„Тому я гибелью воздамъ,
„Кто дерзко топчетъ нашу землю,
„Кто мечетъ бомбы въ Notre-Dame

„Одѣтъ, какъ встарь, въ огни и въ дымы,
„Я буду мстителемъ обидъ...“
И въ часъ невзгоды онъ стоитъ,
Какъ Франція, непобѣдимый.

Д. Кокорцовъ.

РЕЙМСКОМУ СОВОРУ.

Пусть нынѣ обликъ твой печаленъ:
Пусть онъ на прежній не похожъ...
Но въ грудѣ царственныхъ развалинъ,
Священный камень, ты—живешь!!!
Путь дней твоихъ такъ будетъ дологъ...
И въ жертву будущихъ временъ
Ты каждый сохранишь осколокъ
Своихъ разрушенныхъ мадоннъ.
Стоялъ ты семь вѣковъ... Не блекла
Краса твоихъ гранитныхъ кручь,
И сквозь расписанныя стекла
Ласкалъ тебя вечерній лучъ...
Пройдутъ вѣка... Промчатся рѣки...
Ты,—чудо всѣхъ чудесъ старѣй,—
Разскажешь о двадцатомъ вѣкѣ
И назовешь его звѣрей...

А. Мейснеръ.

РЕЙМССКІЙ СОБОРЪ.

(Стихотвореніе Эдмонда Ростана).

Онъ лишь безсмертнѣй сталъ благодаря врагамъ,
И міръ, любуясь имъ, съ презрѣніемъ отмѣтитъ
Слѣды презрѣнныхъ ордъ.
Пусть Фидіасъ отвѣтитъ, пусть скажетъ намъ Родэнтъ,
Не живъ ли Реймскій храмъ?
Твердыня павшая ужъ не нужна войскамъ,
Но храмъ израненный любовь двойную встрѣтитъ.
Да, кровля сожжена,—тѣмъ ярче небо свѣтитъ
Сквозь кружево камней растроганнымъ очамъ.
Спасибо варварамъ: они французамъ дали
То, чѣмъ Эллады край одинъ былъ освященъ, —
Нетлѣнной красоты разбитыя скрижали.
Хвала губителямъ! Насилье—имъ законъ,
Имъ пушки—божество. И вотъ они создали
Себѣ въ вѣкахъ позоръ, намъ—вѣчный Парѳенонъ.

Перевелъ *Н. Минскій.*

ГИБНУЩАЯ СВЯТЫНЯ.

(Къ бомбардировкѣ Реймскаго собора германцами).

Старикъ, подъ куполомъ твоей священной сѣни,
Предъ славной памятью твоихъ далекихъ дней, —
Мечталъ я пламенно склониться на колѣни
Въ тиши молитвенной соборныхъ галлерей...

Мнѣ часто грезилось: органные напѣвы,
Огни лампадные, твой золотой алтарь,
Черты Спасителя, и ликъ Пречистой Дѣвы,
И сонмы ангеловъ, и псалмопѣвецъ-царь...

Я ждалъ, надѣялся... Но проходили годы, —
Мечта завѣтная такъ и была мечтой...
А грозы грянули, и вихри непогоды
Со всей ихъ силою вскипѣли надъ тобой!..

Явились полчища, и, въ громъ канонады,
Со стономъ колоколь поверженъ съ высоты,
И камни падаютъ, и рушатся аркады,
И гибнуть цѣнности высокой красоты...

И слезы нескрятся въ святыхъ очахъ Мадонны,
И Богъ страдающій, распятый на крестѣ,
Скорбитъ, что попраны имъ данные законы,
Что людъ озлобленный томится въ темнотѣ...

.

А ты все рушишься, спокойно величавый,
Вѣнчавшій царствовать французскихъ королей,
Священный памятникъ, во дни войны кровавой
Отвсюду сдавленный толпою дикарей...

.

Приди же, Франція, какъ къ сыну дорогому,—
Къ собору древнему - онъ въ ранахъ изнемогъ,
Закрой глаза ему, разбитому, больному,
Прими молитвенно его послѣдній вздохъ.

И. Архангельскій.

РАЗРУШЕНИЕ РЕЙМССКАГО СОВОРА.

(Сонетъ).

Когда на башни Реймскаго собора
Желѣзный падалъ дождь и рушилъ ихъ,
Въ дыму и пламени земного спора
Шелъ споръ извѣчный воинствъ неземныхъ.

Взирали ангелы, полны укора,
На демоновъ, чей богохульный стихъ
Вѣнчалъ хвалою зачинщиковъ раздора,
Виновника безумій міровыхъ.

Вопили камни, низвергаясь, грозно,
И то, что было въ созданыи рюзно,
Единой грудью ждало: что Творецъ?

И Онъ судилъ спокойно и сурово,
И къ ангеламъ Его слетѣло слово,
Вѣщавшее Германіи: конецъ.

Александръ Рославлевъ.

СОБОРЪ БОГОМАТЕРИ.

Не тронь, гордецъ, святыхъ витражей,
Чугунъ на куполь не мечи,—
Тамъ ангелы—незримой стражей,
Подъ каждой аркой ихъ мечи.
Мадонны храмъ восьмивѣковый
Рукою дерзкою не тронь,
На алтарѣ, Атилла новый,
Не погашай ея огонь!
Ужель въ твоей душѣ тевтона
Не пробуждаетъ ничего
Ни свѣтлоглазая Мадонна,
Ни древній камень, ни Гюго?
Ужель къ созданьямъ вѣчнымъ духа,
Къ тому, что вѣетъ красотой,
Твое скупое сердце глухо
Подъ гогенцоллернской броней?

А. Липецкій.

РЕЙМССКІЙ ЗВОНАРЬ ¹⁾.

При реймскомъ соборѣ я — старый звонарь.
Всю жизнь прозвонилъ я, — бимъ-бомъ!
Ребенкомъ сюда поднимался я встарь, —
Соборъ, это — храмъ мой и домъ.

Широко глаза мои смотрять, — бимъ-бомъ!
Но тьма въ нихъ и въ солнечный день.
Зато я здѣсь съ каждой плитою знакомъ
И каждую знаю ступень.

Привычная сразу находитъ рука
Засовы желѣзныхъ дверей.
Надъ мѣдью ревущей работа легка, —
Нащупай веревку и бей!

Такъ, въ небо съ земли высоко взнесены,
Стоимъ и гудимъ мы, — динь-донъ!
Слѣпому — и бискупъ, и нищій равны;
И всѣмъ одинаковъ поклонъ.

¹⁾ Во время разгрома Реймса старый звонарь билъ въ колоколъ до тѣхъ поръ, пока подъ бомбами не рухнула башня вмѣстѣ съ нимъ.

И звонницу, всю на желѣзныхъ связяхъ, —
Удѣлъ мой и жизни купель, — —
Люблю я, какъ келію любить монахъ,
Ребенокъ — свою колыбель.

* * *

Спитъ старый соборъ, гдѣ клялись короли,
Надъ Реймсомъ мерцаютъ огни,
И въ гулѣ не слышны ни трепеть земли,
Ни звуки святыхъ литаній...

И общую колоколь думу гудеть:
„Какъ стары мы оба, — бимъ-бомъ!
„Какъ стары мы оба! Какъ скоро пробьетъ
„Послѣдній ударъ предъ концомъ!..“

...Чтобъ вѣтеръ моихъ не разсыпалъ костей,
Держась за перила, иду.
Никто не приносить слѣпому вѣстей, —
Но чую надъ Реймсомъ бѣду!..

Ужъ мѣсяць, какъ стонетъ пѣвучая мѣдь,
И скрѣпы гудятъ въ вышинѣ.
Не хочетъ ли колоколь смерть прогремѣть...
Кому же, — себѣ или мнѣ?

* * *

Бимъ-бомъ! Исполать тебѣ, старый мой другъ, —
Я понялъ твой вѣщій языкъ:
— „За Реймсомъ все залито кровью вокругъ,
„И врагъ безпощаденъ и дикъ.

„Во Франціи милой пожаръ и разгромъ.
„Вставай же! За сиротъ и вдовъ
„Мы мѣдное бросимъ проклятье, — бимъ-бомъ!
Насильнику въ роды родовъ...“

Я съ вами, и вплоть до доски гробовой
Я — вапъ гренадеръ на посту!..
И въ первый я разъ поднимусь, какъ слѣпой,
Хватая рукой пустоту.

Изъ мѣдныхъ я грудей исторгну хораль,
Гремящимъ орудіямъ въ ладъ, —
Я радость святыхъ воскресеній вѣщаль,
Такъ я же забью и въ набать.

* * *

Пусть бьются гранаты въ кощунствѣ слѣпомъ
О мраморно-кружевный храмъ, —
Съ рыданіемъ мѣднымъ, сквозь пушечный громъ.
Мы будемъ кричать къ небесамъ:

„Проклятіе тѣмъ, къмъ сердца матерей
„Отнынѣ навѣкъ пронзены!
„Проклятье возрастившимъ средь бѣлыхъ лицей
„Кровавые маки войны!..“

Изъ силъ выбиваясь, я буду гремѣть:
„Собору и Реймсу конецъ!“
И вмѣстѣ со мною о звучную мѣдь
Ударитъ прапнели свинець.

И колокольъ вззоетъ, какъ раненый левъ,
И башни, стена, задрожать.
Въ послѣдній день Реймса, разинувши зѣвъ,
На землю обрушится адъ.

...Я понялъ, я понялъ нѣмой разговоръ, —
Ну, что жъ, умирать, такъ умремъ!
Пусть дѣтямъ расскажемъ, какъ старый соборъ
Со старымъ погибъ звонаремъ...

А. Измайловъ.

В Р А Г И

(ГЕРМАНИЯ)

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ВТОРОЙ.

Онъ долго угрожалъ, безумно смѣлъ,
Бренча мечомъ, онъ вызвалъ бурю мщенья.
Вокругъ своей страны сковать сумѣлъ
Вильгельмъ кольцо холоднаго презрѣнья.

На землю падаетъ кровавый дождь,
И многихъ рѣкъ отъ крови темны воды.
Жестокость и разбой! Безумный вождь!
На что же онъ ведетъ свои народы?

Въ несправедно имъ начатой войнѣ
Ему мечтается какая слава?
Что обѣщаетъ онъ своей странѣ?
Какая цѣль? Парижъ или Варшава?

Для прусскихъ юнкеровъ земля славянъ,
И для германскихъ фабрикантовъ рынки?
Нѣтъ, близокъ часъ,—и онъ, отъ крови пьянъ,
Своей имперіи свершитъ поминки.

Федоръ Сологубъ.

ТЕВТОНУ.

Есть грозный судъ: онъ ждетъ...

М. Ю. Лермонтовъ.

Померкла слава Герострата, —
Ты превзошелъ ее, тевтонъ!
Кровавымъ заревомъ заката
Мохнатый шагъ твой освѣщенъ.
Бряцаая саблей, шумнымъ крикомъ
Ты мнишь вселить повсюду страхъ...
Ты вышелъ въ опьянѣнны дикомъ,
Какъ волкъ, скитавшійся въ лѣсахъ.
Твое дыханье вѣетъ смрадомъ.
Твой путь по трунамъ — черный путь.
Ну, что жъ, ликуй въ союзъ съ адомъ
И спи, коль можешь ты уснуть!
Есть грозный судъ... Кто мечъ неправый
Подниметь — гибнетъ отъ меча...
И ты пойдешь съ позорной славой
На судъ, свой жалкій мечъ влача.
Руины Реймесскаго собора...
Антверпенъ... другъ наукъ Лувенъ...

Тевтонъ, какого жъ приговора
Ты ждешь съ развалинъ этихъ стѣнъ?..
Съ клеймомъ отверженца, съ нѣмою
Печатью смерти на челѣ
Пройдешь ты мертвою тропкою
По обездоленной землѣ.
Пусть каждый шагъ, тобой пройденный,
Тебѣ несетъ все тотъ же стонъ:
„Ступай отъ насъ, во тьмѣ рожденный
И тьмою вскормленный тевтонъ!“

В. Умановъ-Каплунъ-Кавказскій.

ВИДѢНІЕ КАЙЗЕРА.

Ему не снится. Во мракѣ ночи
Онъ ждетъ забвенья отъ тревогъ.
Но сна послать ему не хочетъ
„Германскій добрый старый Богъ“.
Не спитъ безумецъ сухорукій.
Онъ къ ложу жаркому приникъ,
Онъ слышитъ битвы дальней звуки,
Онъ слышитъ чей-то страшный крикъ.
Тотъ стонъ идетъ на цѣломъ свѣтѣ,
Изъ разныхъ странъ, со всѣхъ морей:
Кричатъ обманутыя дѣти
У овдовѣвшихъ матерей.
Шлютъ императору проклятья
Невѣсты, матери, отцы.
Сцѣпившись въ смертныя объятія,
Кричатъ солдаты—мертвецы.
Надъ пенломъ прусскаго позора
Въ краю, гдѣ тѣшился тевтонъ,
Съ развалинъ Реймскаго собора
Гудитъ зловѣщій перезвонъ.

А через кровь и лязгъ желѣза,
Сквозь трескъ германскаго костра
Звучить все ближе марсельеза,
Грохочетъ русское ура.
Рычить голодный людъ рабочій.
Встаетъ обманутый Берлинъ.

.
Онъ не уснетъ до поздней ночи,
Кровавый прусскій властелинъ.

Сергѣй Копыткинъ.

* * *

Подъ гнетомъ проклятій, при громахъ войны
Не вѣдаетъ кайзеръ покоя!
Преслѣдуютъ душу тревожные сны
Въ тиши и средь грохота боя...

Отъ запада призракъ грозящій встаетъ —
Съ нимъ слава побѣдъ и свободы...
Французскій орелъ горделиво впередъ
Летитъ, какъ въ минувшіе годы!

Вождя-императора грозная тѣнь
Среди ихъ побѣднаго стана...
И кайзера меркнетъ ликующій день,
И никнутъ знамена Седана...

Свои легионы царица морей
Метнула изъ сѣрыхъ тумановъ...
Фаланги могучихъ летятъ кораблей
На гибель всемірныхъ тирановъ...

Надъ Нѣманомъ русскій орелъ прокричалъ,
Имъ путь преграждая съ востока...
Другой здѣсь, сильнѣйшій, когда-то стоялъ —
И палъ по велѣнію рока.

И ужасъ, и гибель несутся во слѣдъ
Кровавымъ твоимъ легионамъ...
Прикована слава великихъ побѣдъ
Къ священнымъ славянскимъ знаменамъ.

И съ ужасомъ жалкимъ на тускломъ лицѣ
Ты склонилъ покорно знамена.
И ждетъ тебя въ огненномъ страшномъ кольцѣ
Презрѣнная смерть скорпіона.

Ф. Е. Заринъ-Невицкій.

О ЧЕМЪ ПѢЛА ФЛЕЙТА.

Германцы на улицахъ разгро-
мленнаго Антверпена устраиваютъ
военные концерты.

(Изъ газетъ).

Играйте маршъ! Но самый бурный,
Такой, чтобъ топотъ конскихъ ногъ
Съ его прелюдией бравурной
Нигдѣ соперничать не могъ!
Играйте маршъ! Но полный гнѣва,
Такой, чтобъ слышать не могли,
Какъ стонетъ женщина иль дѣва
Надъ тѣломъ, брошеннымъ въ пыли!
Играйте маршъ! Но маршъ побѣдный,
Чтобъ заглушить со всѣхъ сторонъ
Призывъ рокошующей и мѣдной,
Напѣвы жуткихъ похоронъ!..
Чтобъ дикій хохотъ сумасшедшихъ
И тѣхъ, кто вынужденъ страдать,
Вѣкамъ грядущимъ о прошедшихъ
Не могъ свой ужасъ передать!
И грянулъ маршъ!.. Гремѣли трубы,
Билъ барабанъ, ревѣлъ гобой!

И въ кровь окрашенные губы
Смѣялись громко надъ судьбой!
Играйте маршъ! Всю мощь излейте!
Отваги — въ робкія сердца!
Но, чу!.. Вы слышите?.. На флейтѣ
Рыдаетъ кто-то безъ конца...
Флейтнсть! Безумецъ!.. Флейта стонетъ,
Рыдаетъ флейта среди трубъ!
Твоя мелодія не тронетъ
Того, кто дикъ, того, кто грубъ!
А ты заплатишь головою
За то, что въ этотъ странный часъ
Огонь, твоей душой живою
Всегда владѣвшій, не погасъ!
Но флейта въ звукахъ изливала
И скорбь, и жалость, и привѣтъ,
И на вопросъ души давала
Свой сострадающій отвѣтъ:
О всѣхъ, кто плачетъ въ эти ночи,
О всѣхъ, кто страждетъ въ эти дни,
О нѣжной дѣвушкѣ, чьи очи,
Смѣясь, позорили они!..
О томъ, что сладкаго возмездья
Наступятъ скоро времена,
О томъ, что кроткія созвѣзды
Увидитъ бѣдная страна!
...И, какъ ни силились литавры
Разбить мелодію тоски. —
Сама судьба вылетала въ лавры
Печальныхъ лилій ленестки!..

Донъ-Аминадо.

* * *

Вы можете разрушить башни
И осквернить святой соборъ,
Вы можете спалить всѣ пашни
И заповѣдный, старый боръ.

Въ дыму дворцовъ и библіотекъ
Спокойно и легко дышать,
Метнувъ въ Мадонну дерзкій дротикъ,
Не вскрикнуть, не затрепетать.

Позоръ вонителя Омара
Прѣдъ вашимъ нынѣшнимъ—ничто.
Средь стона жертвъ, въ огнѣ пожара—
Одно безумье разлито.

Испепеляйте, грабьте, жгите!
Презрѣнье вамъ отвѣтъ,—не страхъ.
Съ небесъ невидимыя нити
Возстановляютъ надшіи прахъ.

И мраку косности тлетворной
Не затемнить на зло вѣкамъ
Свободный и нерукотворный
Сердцами строящійся храмъ!

М. Кузминъ.

ЗАБЫТЫЙ.

Нѣмецкія сестры милосердія
добиваютъ раненыхъ на поляхъ
битвы.

(«*Matin*»).

Луна чернитъ
Ночную тѣнь
И серебритъ
Лѣсную сѣнь.
Луна шевелитъ
Груды тучъ
И стеблемъ стелеть
Сонный лучъ.
Не шелохнетъ
Рѣчная зыбь.
Свой стелеть летъ
Надъ нею выпь.

По горамъ и по равнинамъ
Видишь груды тѣлъ простертыхъ?
Видишь навшихъ въ гнѣвъъ львиномъ
Раненыхъ и мертвыхъ?

Бѣлы уста,
Темны глаза,
Но въ нихъ чиста
Горитъ слеза.
Взоръ, полный муки,
Глядится въ ночь.

И молятъ руки
Луну помочь!
Но—въ облакахъ
Лучи луны.
Мольба и страхъ
Имъ не видны!
И нѣтъ помощи,
И въ забытыи...
Вдаль по дорогѣ
Ушли свои.

Чу, я слышу шелестъ острый,
Шелестъ ряски, шелестъ звонкій
Вонъ идутъ на помощь сестры,
Добрыя тевтонки.

Увидя ихъ,
Умолкъ сосѣдъ,
И съ нимъ затихъ
Немолчный бредъ.
Другой отъ счастья
Кричитъ навзрыдъ.
О, рай участья
Для всѣхъ открытъ!
Все ближе шагъ,
Но страшно мнѣ.
Нѣтъ, вашихъ благъ
Не надо мнѣ!

Я знаю, что имъ кровь отерло
Моимъ соратникамъ окрестъ!
Я не хочу кинжала въ горло,
Чтобъ краснымъ сталъ вашъ черный крестъ!

Потемкинъ.

ВЪ КАРАУЛѢ.

(У плѣнныхъ русскихъ.—Съ польскаго).

Разъ въ караулѣ были мы...
И вотъ, передъ тюрьмою снящей,
Слѣдить за окнами тюрьмы
Велѣлъ мнѣ нѣмецъ-„разводящій“.

И ночь была, и падалъ снѣгъ,
Я опирался на винтовку,—
Возможный сторожилъ побѣгъ,
Ловилъ возможную уловку.

Но въ этой зоркой тишинѣ
Я не нашелъ преступной цѣли.
И въ каждомъ сводчатомъ окнѣ
Огни спокойные горѣли.

Такъ свѣтель ихъ высокій рядъ,
Такъ чистъ ихъ блескъ въ молчаньи строгомъ.—
Огни далекіе горять,
Горять, какъ свѣчи передъ Богомъ.

И видѣлъ я: въ плѣну, въ тоскѣ,
Въ тюрьмѣ враждебной изнывая,
Тамъ въ каждомъ каменномъ мѣшкѣ
Заключена душа родная.

И часовой сталъ человекъ.
Мнѣ стало стыдно и неловко;
И ночь текла, и надалъ снѣгъ—
И бросилъ я свою винтовку.

Да, въ караулѣ были мы—
Когда передъ тюрьмою спящей
Мою винтовку у тюрьмы,
Одну—нашелъ мой разводящій.

Танкредъ.

ВЪ МОЛИТВѢ.

«Императоръ Вильгельмъ большую часть своихъ досуговъ проводитъ въ молитвѣ».

Упорно и жарко молитва звучала:
„Побѣду пошли“... „Отче нашъ“...
Но мѣдная каска молиться мѣшала,
И путался длинный палантъ.

„Побѣду пошли намъ“... „Пройду ураганомъ“...
„О, Господи Боже, внемли“...
И тщетно онъ тычетъ о землю султаномъ,
Никакъ не достать до земли.

И звякаютъ шпоры, желѣзные шпоры.
Совсѣмъ не молитвенный звонъ, —
Какъ будто бы въ Калишъ, свирѣпою сворой,
Нѣмецкій идетъ эскадронъ.

„Пошли намъ“... И снова онъ сталъ на колѣни.
Увы, — передъ Богомъ любви
Стоять впереди его блѣдныя тѣни:
Все люди... все люди... въ крови.

Вонъ женщины, дѣти. И скорбны ихъ лики,
И, — падаетъ сердце въ груди, —
Звучитъ ихъ молитва: „Спаситель Великій,
Спаситель Великій!.. Суди!..“

Танкредъ.

ЮМОРЪ И САТИРА

ПОДЪ ПОЛУМЪСЯЦЕМЪ БОСФОРА.

Въ хаосѣ общаго раздора
Ища спасительной звѣзды,
Подъ полумѣсяцемъ Босфора
Встають лѣнивыя орды.

Прогресса золотыя узы
Отвѣдалъ воинъ-янычарь,
Надѣвъ германскія рейтузы
Взамѣнъ турецкихъ шароваръ.

Когда-то жизнь текла безъ риска
Тамъ... въ царствѣ нѣги и тиши,
И танцевала одалиска
Въ гаремѣ сытаго паши.

А нынѣ, сынъ много свѣта,
Сидитъ онъ, съ думой на челѣ...
Во рту — кальянъ, въ рукахъ — газета,
Душистый кофе на столѣ.

Въ раздумы хмуромъ повторяя:
„Французъ... бельгіецъ... бриттъ и россъ...“—
Онъ все рѣшалъ, не разрѣшая,
Свой политическій вопросъ.

Вдругъ молвить: „Перестрою землю...
„Урокъ нѣмецкій повторю...
„Исламъ я даже овильгельмлю,
„Но четверть міра покорю!“

А. Мейснеръ.

ВЪ БЕРЛИНѢ.

Притихъ весь Дворъ... Самъ кайзеръ хмурый
Ходилъ по комнатамъ понурый,
Гнѣвъ не сходилъ съ его лица...
— Что жь о побѣдахъ нѣтъ гонца?

Но вдругъ возникшій было ропотъ
Прервалъ посиѣшный, громкій тонотъ,
Сверкнулъ на солнцѣ аксельбантъ.
И появился адъютантъ.

— Побѣды есть?..—Онѣ громадны...
Съ врагомъ мы были безпощадны!
Съ противныхъ уложили въ гробъ:
Разстрѣляны мальчишки, попъ

Да нѣсколько больныхъ туристовъ,—
Въ солдатахъ нашихъ пылъ неистовъ!
— А плѣнныхъ много есть?...—О, да!
Ихъ масса—цѣлая стада,

Притомъ отборнѣйшаго сорта,
Мы брали съ каждаго курорта:
Купцы, князья, профессора,
И съ ними вся ихъ дѣтвора...

Вели атаку всюду быстро,
Забрали даже и министра!
— Трофей есть?..—Забралъ дозоръ
Одинъ у доктора моторъ!..

И, потрясая мощной шпагой,
Съ веселой доблестной отвагой
Въ честь войскъ воскликнулъ кайзеръ: „Hoch!“
А эхо повторило: охъ...

Мистикъ.

СЕРЕНАДА.

Въ утѣшеніе дружинѣ,
Плотью бодрѣ и духомъ смѣль,
Серенаду герцогинѣ
Люксембургскоѣ кайзерѣ пѣль:
„Герцогиня! Вы прекрасны,
Какъ цвѣты весеннихъ дней,
Но зачѣмъ же такъ опасны
Вы для арміи моеѣ?
Но зачѣмъ со мной союза
Не хотѣли заключить
И коварнаго француза
Не пошли со мною бить?
Шутка ль, вы своимъ моторомъ,
Дерзко ставши на пути
Предъ лихимъ моимъ напоромъ,
Намъ мѣшали къ вамъ войти!
Да и ваши волонтеры
(Цѣлыхъ двѣсти пятьдесятъ!!!)
Намъ хлопотъ надѣлать горы
Въ злобѣ дерзостной грозятъ!..

За такія преступленья,
Цѣлость войскъ моихъ храня,
Васъ я ввергнуть въ заточенье
Долженъ съ нынѣшняго дня!..
Да-съ! Довольно! Нагулялись,
Маршъ же въ замокъ подъ замокъ!..
Deutschland, Deutschland über Alles,—
Бойся, Западъ и Востокъ!“

И. Г.

УЧЕНАЯ АРМІЯ.

Нѣмецкіе университеты продолжа-
ютъ подносить генераламъ ученые
степени.

(Изъ газетъ).

Надъ нѣмецкою арміею
Разразился недугъ:
Стало тѣсно въ казармѣ ей
Отъ ученыхъ заслугъ.
Всѣ нѣмецкіе воины
Получили дипломъ
И наградъ удостоены
Факультетскимъ судомъ.
За дѣла молодецкія
Весь ученый конклавъ
Далъ права факультетскія
Генералу Пифъ-Пафъ.
Кандидатъ богословія
Сталъ майоръ фонъ-деръ-Бить.
И, теряя здоровіе,
Катехизисъ долбитъ.
Лейтенанту фонъ-Фрессеру
За бельгійскій ногромъ

Поднесли, какъ профессору,
Философскій дипломъ.
Трехъ сестеръ милосердія,
Добивавшихъ враговъ,
Возвели за усердіе
Въ санъ профессорскихъ вдовъ.
Сталъ соперникомъ Бебеля
Барабанщикъ Густавъ,
А четыре фельдфебеля
Кандидатами правъ.
Даже сиваго мерина
Лейтенанта фонъ-Бломъ
Наградили увѣренно
Факультетскимъ значкомъ;
А любимаго пуделя
Генерала фонъ-Шпруделя,
Много знавшаго штукъ,
Гордо назвали „Гекторомъ“
И назначили лекторомъ
Соціальныхъ наукъ...

Wega.

БАСЕНКА.

На полѣ битвы трупы обирая,
Австрійскій мародеръ
Столкнулся съ мародеромъ прусскимъ
И, наклонясь надо мертвымъ русскимъ,
Сказалъ товарищу: „Работа здѣсь большая,
Но я на то и воръ,
Чтобы обстричь до нитки быстро, ловко.
На все, мой другъ, нужна сноровка!..“
„Все это такъ, —
Въ отвѣтъ ему пруссакъ, —
Но жаль, что не знакомъ
Ты съ старшимъ кайзера сынкомъ.
Еще бъ ты больше наострился,
Когда бъ у нашего кронпринца поучился“...

М. Стремилъ.

БАСНИ КРЫЛОВА.

(Для дѣтей старшаго возраста).

I.

ТРИШКИНЪ КАФТАНЪ.

За картой сидя Ильина,
Замыслилъ мѣръ поправить Тришка.
— „Вотъ что-то тутъ мала страна,
А тутъ какъ будто есть и лишка!
Здѣсь краскѣ голубой лежать какъ разъ чередъ,
А здѣсь должно быть бѣло“...
Портняжны ножницы тутъ Тришка нашъ беретъ
И, руки засучивъ, — за дѣло!
— „Возьму-ка здѣсь расширю я Эльзасъ,
Сюда отъ Бельгій прирѣжу котловину“...
Хватъ ножницами — р-разъ!
Анъ, отъ Галиціи отрѣзалъ половину!
Тутъ Тришка охать и вздыхать, —
Убавить тутъ, прирѣжетъ сбоку,
Сувалки съ Калишемъ готовъ къ дырѣ пригнать, —
Да нѣтъ ужъ никакого проку,
И карту бросили въ растопки у печи...

Ой, Тришка, молвлю безъ ироній:
Умѣло съ картой хлопочи,
А то, смотри, лишисься и колоній!..

II.

НАПРАСЛИНА.

Гранату въ сорокъ сантиметровъ
Усачь-майоръ,
Пустивъ межъ облаковъ и вѣтровъ,
Влѣпилъ во мраморный соборъ.
Хрустя, посыпались осколки благородны.
Главою въ кепи покачавъ,
Его сосѣдъ, съ двуглазкой модной,
Майора укорилъ:— „Что за жестокий нравъ!
Коллега, ты не правъ!“...
Кусаетъ усъ майоръ, горять съ конфуза ушки,
Майоръ и самъ не радъ:
— „Попуталъ чортъ, камрадъ!“...
Вдругъ, слышатъ, бѣсъ съ лѣсной опушки:
— „Не стыдно ли, — кричить, — всегда кленать на насъ!
И самъ лишь у тебя учился сей же часъ
И, право, вижу въ первый разъ,
Какъ алтари громятъ изъ пунки“...—

А. Измайловъ.

ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ ЛЕРМОНТОВУ.

Бѣлѣтъ крейсеръ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ.
Куда онъ держитъ путь далекій
И кто скрывается на немъ?
За нимъ британскій истребитель
Напрасно рвется и спѣшитъ:
Быстрѣй таинственный вонтель
Къ брегамъ спасительнымъ летитъ.
Надъ нимъ мелькаетъ флагъ нѣмецкій,
И гербъ Германіи на немъ;
Свой путь онъ правитъ въ портъ турецкій,
Гонимый вражескимъ огнемъ.
Вокругъ шрапнель реветъ и свищетъ,
Команда въ ужасѣ дрожитъ.
Увы! спасенья крейсеръ ищетъ
И отъ сраженія бѣжитъ.
Его манитъ завѣтнымъ краемъ
Вдали нейтральныхъ водъ просторъ,
И представляетъ мирнымъ раемъ
Онъ онѣмеченный Босфоръ:
Здѣсь, въ этомъ морѣ только бури
И гуль орудій боевой,
А тамъ, въ Босфорѣ, блескъ лазури
И обезпеченный покой.

С. Толстовъ.

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА.

«Австрийскіе полководцы—Морицъ фонъ-Ауффенбергъ и Викторъ Данкль награждены большими крестами ордена Леопольда съ мечами.

АУФФЕНБЕРГЪ—ДАНКЛЮ.

Мой сланный Викторъ! Честь и слава
Тебѣ, вождю побѣдныхъ силъ!
Свой крестъ за бѣгъ отъ Ярослава
Ты по заслугамъ получилъ.
Я изумленъ: какія ноги!
Какъ разумъ твой великъ и зрѣлъ!
Ты всѣ препятствія дороги
Душою львиною презрѣлъ.
А эти русскіе медвѣди
Остались съ носомъ позади.
Гряди, мой другъ! Гряди къ побѣдѣ!
Во славу Австріи гряди!
И знаешь новость?—Между нами —
Блеснетъ иль нѣтъ російскій флагъ
На дняхъ надъ вѣнскими стѣнами —
Все жъ намъ дадутъ — и такъ, и такъ,
Опять съ бичами — тьфу! — съ мечами!
Прощай! На Краковъ тороплюсь!
(Сидитъ противный за плечами!)
Смѣлѣе! Ночь! Впередъ! Не трусь!

Мой милый Морицъ! Ты достоинъ
 Креста славнѣй, чѣмъ Леопольдъ.
 Ты нашей рати первый воинъ,
 Побѣдъ и радости герольдъ.
 Ты на исторіи скривали
 Попалъ. Твой бѣгъ быстрѣй мечты!
 Куда бѣ и какъ мы ни бѣжали,
 Всегда у старта первымъ ты!
 Пусть косоланый русскій злится,
 Что пропшыгнулъ ты черезъ Львовъ!
 Да! Коль война еще продлится,
 Не знаю — хватить ли крестовъ?
 Поляки падки до измѣны:
 Оставь на Краковъ скользкій путь
 И, съ Божьей помощью, до Вѣны
 Ты доберися какъ-нибудь!
 Прощай! Пора! Отъ Перемышля
 Я полечу быстрѣй орла.
 (Медвѣди эти снова вышли!)
 Ночь, Морицъ! Наша, братъ, взяла!

Донъ Базиліо.

П О Ж А Р Ъ.

Шумѣль-горѣль пожарь военный,
Вездѣ кипѣль кровавый бой:
Народы къ славѣ дерзновенно
Упорной двинулись гурьбой.

Навстрѣчу нѣмцу и австрійцу,
Расчетовъ алчныхъ далеки,
Идутъ французы и бельгійцы,
Сплотились русскіе полки.

И англичанинъ вышелъ въ море,
Вдали простеръ японецъ длань,
И, гдѣ на радость, гдѣ на горе,
Враги съ врагомъ сошлись на брань.

За право въ битвѣ исполинской
Все бились, кто и какъ умѣль, —
И лишь одинъ король румынскій
„Дипломатически болѣль“.

И лишь, косясь не безъ опаски,
На рой родныхъ нѣмецкихъ бандъ.
Россіи кисло дѣлалъ глазки
Царь „византійскій“ Фердинандъ.

Да двѣ-три мелкія державы.
Въ тревогѣ сморщивши носы,
Не по державному лукавы,
Глядѣли зорко на вѣсы.

Глядѣли на пожаръ военный:
Гадали, выпятивши грудь,
Куда бы съ честью несомнѣнной,
Куда имъ съ *выгодой* примкнуть.

Танкредъ.

* * *

Телеграммы—и картины:
„Взять у нѣмцевъ *призь*“;
„Полетѣли цѣпелины“, —
Но не вверхъ, а внизъ.

Чу, звучить въ Нѣмецкомъ морѣ
Канонады гуль,
Нѣмецъ бьется на просторѣ:
„Крейсеръ затонуль“.

Съ каждымъ днемъ все войны, войны,
И съ „войной“ — тоска:
„У австрійцевъ безпокойны
Чешскія войска“.

Былъ австріецъ въ сербскомъ краѣ;
Чѣмъ же онъ смущень,
Что „оставилъ на Дунаѣ
Лишь одинъ заслонъ“?

Объявивъ войну „во время“,
Былъ Вильгельмъ не глупъ,
Но надулъ родное племя
Плутоватый Крушъ.

Францъ-Иосифъ жаждетъ боя
(Въ девяносто лѣтъ), —
Но невѣдомо, — не скрою, —
Живъ онъ, или нѣтъ.

Такиредъ.

DER POROTINO.

— Sag'mir, Parachen, вѣдь не даромъ
Берлинъ казѣкамъ и боярамъ

Случайно отданъ былъ.

Вѣдь были жъ схватки боевыя?

Ну, какъ-нибудь! Ну, хоть какія?

Не даромъ — Jesus und Maria! —

Смирить Вильгельмъ свой пылъ?

— „Да! Были люди въ наше время!“

Подъ каской ихъ пылало темя!

Echt пруссаки — не вы!

Плохая имъ досталась доля:

Глаза Европѣ намозоля,

Какъ зубы — эликсиръ Одоля, —

Не узрѣли Невы.

Мы все на что-то наступали, —

На что и сами мы не знали,

Ворчали старики:

— Что жъ! Шагъ впередъ, назадъ два шага:

Wo gehen wir, mein Freund, ich sage?

Гдѣ наша прежняя отвага?

Гдѣ Friedrich's пруссаки?

И вотъ нашли большое поле,
 Гдѣ раненыхъ легло не болѣ,
 Чѣмъ штукекъ zehn враговъ.
 У нашихъ---ушки на макушкѣ...
 Сестра Амалія — вотъ душка! —
 Взяла свой ножъ изъ-подъ подушки
 И раненый — готовъ!
 Стянулъ животъ я шарфомъ туго
 И думалъ: „Угости-ка друга!
 Я въ плѣнъ сейчасъ сдадусь...“
 Что тутъ хитрить? Не свой братъ — голодъ, —
 Я жить хочу, еще я — молодъ!
 Зачѣмъ испытывать мнѣ холодъ?
 Не за Вильгельма усь!
 Два дня мы были безъ сосисокъ,
 Предъ нами рядъ пустѣйшихъ мисокъ,
 Kein' Würstchen und kein Bier!
 Повсюду слышны рѣчи стали:
 Куда-нибудь дойдемъ едва ли,
 Всѣ генералы наши „швали“,
 Und so — нашъ командиръ!
 Прилежъ вздремнуть я у лафета
 И слышно, что жуеть тамъ гдѣ-то
 Маюръ нашъ фонъ-деръ-Какъ.
 Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
 Что намъ, что офицеръ былъ сытый!
 Мы знали — будемъ мы побиты,
 Придетъ къ намъ der Kosak!
 И только засвѣтилось небо,
 Мы, не поѣвши даже хлѣба,
 Сказали — „O! Wie schön!“

Майоръ фонъ-Какъ рожденъ былъ трусомъ —

Онъ не повелъ sogar mit усомъ

И молвилъ mit Geschmack, со вкусомъ:

— „Пойдемъ, ребята, въ плѣнъ!

„Тамъ жить намъ всёмъ удобнѣй будетъ,

„Никто насъ драться не принудить!

„So wird es, Kinder! Ja!“

За нимъ вослѣдъ мы побѣжали,

Казакамъ ружья наши сдали, —

За то осудить насъ едва ли

Im Himmel der Судья!

Ну жъ былъ денекъ! Труднѣй быть круче,

Такою задали намъ взбучу —

Vergessen werd'ich nie!

Пѣхота въ сѣромъ со штыками,

Verflucht Kosaken mit пиками

Кричали, повстрѣчавшись съ нами!

— Гони ихъ всёхъ! Гони!

Вамъ не видать такихъ сраженій!

Изнемогали мы отъ лѣни,

Und von dem Hunger auch!

Звучаль булатъ, праннель шипѣла,

Майоръ фонъ-Какъ въ траншеѣ засѣла

Es war sehr schlecht für unser тѣло,

Für unser бѣдный Bauch!

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,

Что для слона пчелиный жало,

Нашъ генеральный штабъ!

Земля тряслась, тряслися всё мы!

Вамъ не видать такой дилеммы!

Не знали мы, зачѣмъ мы, гдѣ мы...

Гдѣ славянинъ, гдѣ швабъ.

Вотъ смерклось. Счастливы мы были,
Что подкрѣнить могли мы силы
 Въ любезномъ намъ плѣну.
Онъ sehr gemütlich, garnicht тѣсень,
Намъ дали trinken, дали essen...
Ахъ! русскій плѣнъ ist so чудесень —
 Мы предалися сну!
Вотъ затрепали барабаны,
И мы пошли всё, какъ бараны,
 Mit dem майоръ фонъ-Какъ.
Насъ размѣстили по вагонамъ,
Не глядя, кто — простой, кто съ „фон’омъ“,
Не взявъ ни гроша für „прогон’ен“...
 Der русскій ist дуракъ!
Да, были люди въ наше время!
Подъ каской ихъ пылало темя.
 Echt пруссаки — не вы.
Плохая имъ досталась доля:
Глаза Европѣ намозоля,
Какъ зубы эликсиръ Одоля, —
 Не узрѣли Невы!..

В. Барятинскій.

ГОРДОСТЬ ГЕРМАНИИ.

Вильгельмъ [канцлеру]:

— Любезный Бетманъ, мнѣнъемъ свѣта
Мы не должны пренебрегать.
Цѣня нейтральную печать,
Прошу, не дѣлая секрета,
Мнѣ откровенно рассказать,
Чѣмъ занята въ Европѣ пресса?

Бетманъ-Гольвегъ [смущенно]:

— Нѣтъ, въ этомъ мало интереса!
А, впрочемъ, ире майестетъ,
Я доложу вамъ откровенно,
Что вашъ кронпринцъ дивитъ весь свѣтъ
И отличается отмѣнно.

Вильгельмъ [довольный]:

— Да, я ручаюсь головой,
Что нашъ кронпринцъ большой герой,
И имъ довольны всѣ берлинцы...
Но что же пишуть о кронпринцѣ?..

Бетманъ-Гольвегъ [смущенно]:

— Увы! — нейтральная печать
На дняхъ рѣшилась написать,
Что, популярнымъ ставъ отнынѣ,
Вашъ уважаемый сынокъ
Забрался къ нѣкой герцогинѣ,
Залѣзъ въ подвалъ, взломалъ замокъ
И тамъ похитилъ все, что могъ!

Вильгельмъ [сіяя]:

— Мой канцлеръ, вѣстью столь блестящей
Меня порадовали вы!
Онъ Гогенцоллернъ настоящій,
Всѣ наши предки таковы!
Узнавъ объ этомъ, я спокойно
Могу отнынѣ умереть,
И, какъ наслѣдникъ мой достойный,
Онъ мой престижъ поддержитъ впередъ.

Бетманъ-Гольвегъ [съ сомнѣніемъ]:

— Конечно, это безподобно
И лестно, пре майестетъ,
Но все же какъ-то неудобно
И удивляетъ цѣлый свѣтъ,
Что вы, какъ древній римскій кесарь,
Ведете въ бой свои полки,
А вашъ сынокъ, какъ жалкій слесарь,
Ломаетъ въ погребѣ замки,
Пуская въ дѣйствиѣ отмычки...

Невольно всякій скажетъ тутъ,
Что столь плебейскія привычки
Сынку Вильгельма не идутъ.

Вильгельмъ [строга]:

— Любезный канцлеръ, вамъ, конечно,
Его души не оцѣнить;
Но я доволенъ имъ сердечно
И одобряю эту прыть:
Сегодня, стыдъ отбросивъ смѣло,
Замки ломаетъ онъ умѣло,
А завтра, дѣйствуя съ умомъ,
Онъ завоюетъ все кругомъ,
Ограбитъ полюсъ и экваторъ
Для вящней славы пруссаковъ
И разгромитъ моихъ враговъ...

Кронпринцъ [входя]:

— Мое почтенье, либеръ фатеръ!
Я вамъ привезъ подарковъ рядъ...

Вильгельмъ [довольный]:

— Да, всѣ газеты говорятъ,
Что ты лихой экспроприаторъ,
И я, мейнъ либеръ, очень радъ!

Кронпринцъ [хвастливо]:

— Ты оцѣнилъ меня и понялъ,
И я не хвастаясь скажу,
Что въ замкахъ Франціи слимонилъ
Немало рѣдкостныхъ бижу.

Вильгельмъ [растроганный]:

Ты посланъ мнѣ на утѣшеніе!..
Приди въ объятія мои!

[Нѣжно его обнимаетъ].

Бетманъ-Гольвегъ [прослезившись,
въ сторону]:

— Я ошибался, безъ сомнѣнія.
Нельзя не чувствовать почтенія
Передъ подобными людьми!..

Хафизъ.

Г У С И.

Бельгійцевъ четверо или пять
Вели десятокъ нѣмцевъ плѣнныхъ,
И, правду истину сказать,
Вели безъ почестей отмѣнныхъ.
Солдатъ ужъ я и не виню,
Но нѣмцы иначе объ этомъ толковали
И на охрану такъ промежъ собой пеняли:
— „Вотъ варвары! Любому нию
Не надобно внищать, что быть должны въ почетѣ,
Кто міру дали Шиллера и Гете!..“
— Ты Лессинга забылъ! — прибавилъ канониръ.
— „А Фихте, Шеллингъ, Кантъ и Гегель?..“
— „А Шопенгауеръ не удивилъ ли міръ?..“
— „А Гердеръ, Заксъ, Новалисъ, Шлегель?..“
Услыша трескъ именъ, канраль
Невѣрнымъ языкомъ, но вѣрно имъ сказалъ:
— „Отцы и сыновья — какая перемѣна!
Да, ваши предки — соль земли,
Но рѣчь о нихъ вы здѣсь некстати завели, —
Вѣдь мы въ окрестностяхъ... Лувена,
И держимъ путь на... Шантильи!..“

А. Измайловъ.

КОНЕЦЪ ГЕРМАНИИ.

Прессъ настольный мой, чернильница,
Карандашъ, свѣча и мыльница,
Чемоданъ, портфель, — все съ знаками:
«Это сдѣлано пруссаками»,
«Это сдѣлано въ Германіи»...
Всѣ полны германоманіи,
Брали вещи съ этикеткою,
Изготовленной сосѣдкою:
Котелки, бюкодержатели,
Самокаты и учебники...
Моды пошлой подражатели,
Дикой Пруссіи нахлѣбники,
Брали мы по завѣщанію
Перлы прусскаго творенія
И прославили Германію,
Какъ промышленнаго генія,
Какъ страну цивилизаціи,
Какъ страну культуръ и знанія.
И кричали: „Вотъ такъ нація!
О, Германія! Германія!“

Преклоняясь предъ завѣтами
Канта, Момзена и Гегеля,
Предъ германскими поэтами
И предъ бонной изъ-за Прегеля,
Почитали мы святынею
Всю труху и пошлость Михелей
И вели Россію въ линію
По желанію Клейнмихелей.
Съ наслажденьемъ бредни дикія
Мы жевали пиццееанскія
И считали за великія
Всѣ идеи пангерманскія.
Но пришла пора, съ подкладкою
Мы освоились германскою,
Какъ напалъ на насъ украдкою
Кайзеръ съ бандой хулиганскою,
И, сверкнувъ стальною культурою,
Сталъ онъ жечь цивилизацію
И своею диктатурою
Задавилъ бельгійцевъ націю:
Палъ Лувенъ, Брюссель съ Антверпеномъ...
Край бельгійцевъ смятъ разбойникомъ,
Но, съ терпѣньемъ неисчерпаннымъ,
Этотъ край не сталъ покойникомъ,
Въ часъ рыданій, въ часъ мученія,
Въ дни сиротства безысходнаго
Два столкнулось нынче генія
Въ царствѣ подвига народнаго:
Геній крови, разрушенія, —
Геній дьявола Германіи, —
Налетѣлъ стрѣлой на генія —
Обновленья мірозданія.

Съ высоты небесъ снарядами
Цепелинъ предалъ все пламени,
Не разрушивъ канонадами
Героическаго знамени.
Такъ когда-то гунны дикіе
Стадной тучей въ міръ нахлынули
И, сгубивъ края великіе,
Были прокляты — и сгнули.
Пусть орда явится прусская,
Лиходѣйствуетъ Германія!
Велика равнина русская,
И растутъ ея дерзанія.
Взвѣситъ рокъ всеискупающій
Эти жертвы всѣ громадныя,
Этотъ міръ, въ огнѣ страдающій,
Эти слезы безотрадныя, —
Безпощаднымъ осужденіемъ
Заклеймитъ онъ силу грубую
И анаѹему ихъ геніямъ
Возгласитъ съ небесъ сугубую.

Омикронъ.

ЧТО ДУМАЕТЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ II, КОГДА ЕМУ НЕ СПИТСЯ?

Завязли мои батальоны,
Бездѣйствуетъ загнанный флотъ...
„Отдай мнѣ мои легіоны,
„О, Варъ, Варъ!“ вопить весь народъ.

Полмѣсяца длится осада...
Фонъ-Бюловъ въ сраженіи убитъ...
Британскаго флота блокада
Голодную смертью грозить.

И все жъ отрѣшиться мнѣ трудно
Отъ прежнихъ хвастливыхъ химеръ...
А совѣсть злорадствуетъ нудно:
„Mein Liebchen, was willst du noch mehr?“

В. Мазуркевичъ.

ОБЫЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Надѣвъ стѣснительныя узы
На прусскій дерзостный наскокъ,
Въ Эльзасѣ храбрые французы
Бьютъ нѣмцевъ вдоль и поперекъ.

И, точно облитые варомъ,
Бѣгутъ тевтоны отъ враговъ...
Французской зеленью не даромъ
Всегда выводятъ *пруссаконъ*.

В. Мазуркевичъ.

НИ БОГУ СВѢЧКА, НИ ЧОРТУ—КОЧЕРГА.

I.

«Кто не является вѣрующимъ христіаниномъ, тотъ не можетъ быть порядочнымъ человѣкомъ и прусскимъ солдатомъ».

II.

«И если пробьеть часъ, когда мнѣ придется приказать вамъ стрѣлять въ своихъ родственниковъ, братьевъ, даже въ отца и мать, тогда не забывайте о своей присягѣ» (23 ноября 1891 г.). (Отрывки изъ рѣчей Вильгельма).

Какъ трудно быть солдатомъ прусскимъ...
Ходить весь день, маршировать,
Быть стянутымъ мундиромъ узкимъ
И „научаться побѣждать“...

Топорщить при походкѣ плечи,
Переносить морозъ и зной
И каждый вечеръ слушать рѣчи
Изъ устъ Вильгельма!.. Боже мой!..

Возможно все для человѣка,
Но — рѣчи, рѣчи... О, мой Богъ!

Мнѣ кажется, что самъ Сенека
Отъ нихъ съ ума сойти бы могъ!.,

Къ какой невылившейся школѣ
Примкнулъ нѣмецкій фантазеръ?..
Онъ каждый вечеръ въ новой роли,
Точь-въ-точь — ремесленникъ-актеръ...

Вчера громилъ развратъ и пьянство,
Сегодня бьетъ социализмъ;
Вчера онъ славилъ христианство,
Сегодня же — милитаризмъ...

Бываютъ и на солнцѣ пятна
(Я самъ ихъ видѣлъ „сквозь очки“),
Но, право, что-то непонятны
Такіе рѣзкіе скачки!..

Вчера лишь онъ твердилъ: „Солдаты,
Вашъ долгъ безропотно стрѣлять,
Хотя бы вмѣсто супостата
Предъ вами сталъ отецъ или мать“...

Сегодня жъ онъ твердитъ елебно
(Скажите, гдѣ же тутъ резонъ?):
„Ходите въ храмъ благоговѣйно
И чтите Божескій законъ!..“

Размыслилъ я надъ этимъ строго,
И стало какъ-то страшно мнѣ: —
Возможно ли молиться Богу
И слать улыбки — Сатанѣ?...

Яго.

ГЕРЦОГИНЯ ЛЮКСЕМБУРГА.

Согласно сообщеніямъ «Exchange Contre» герцогиня Люксембургская выселена въ Германію и заточена въ замокъ близъ Нюрнберга.

Герцогиня Люксембурга
Воспротивилась ярму—
Герцогиню Люксембурга
Нѣмцы бросили въ тюрьму.
Нѣтъ предѣловъ злобной мести
Грубой силы—правъ тевтонъ.
Такъ! Но... гдѣ же голосъ чести?
Гдѣ же рыцарства законъ?!.
Голосъ чести?.. Экимъ вздоромъ
Ты насъ думалъ удивить!—
Развѣ можно мародерамъ
О безчестьи говорить?
Пль не видишь: шлемъ и латы
Тѣло смерда облекли,
И не рыцари —пираты
Счеты съ женщиной свели!

Василій Килзевъ.

НА ЗИГЕСЬ-АЛЛЕ.

Говорятъ, передъ войною
На берлинской Зигесь-алле
Все нѣмецкіе курфюрсты
Ровно въ полночь оживали,
Карлы, Фридрихи, Вильгельмы
И Оттоны въ блескѣ лунномъ
Собирались молчаливо
Передъ Бисмаркомъ чугуннымъ,
И толпою обсуждали,
Грозны, веселы и рьяны,
Кровожаднаго Вильгельма
Сокрушительные планы,
Громогласно прославляли
Доблесть прусскаго мундира
И въ добычу обѣщали
Побѣдителю полміра,
Толковали о побѣдахъ
Бравыхъ прусскихъ генераловъ
И потомъ влѣзали чинно
На верхушки пьедесталовъ,

И на мраморныхъ подставкахъ,
Бравымъ шуцманамъ на диво,
Цѣлый день стояли грозно,
Ухмыляясь горделиво...

* * *

Но промчалась три недѣли,
И на славной Зигесъ-алле
Знаменитые курфюрсты
Стали ржавѣть отъ печали.
Ровно въ полночь съ пьедесталовъ
Сходятъ грустные Оттоны,
Карлы, Фридрихи, Вильгельмы
И пфальцграфы, и бароны
И толпою молчаливой,
Выступая въ блескѣ лунномъ,
Собираются уныло
Передъ Бисмаркомъ чугуннымъ.
И, сердито сдвинувъ брови,
Грозный канцлеръ съ видомъ мрачнымъ
Имъ толкуеть безнадежно
О Вильгельмѣ Неудачномъ;
Грозный канцлеръ заявляетъ
Съ чувствомъ гнѣва и печали,
Что послѣднему Вильгельму
Не стоять на Зигесъ-алле;
И, кивая головами,
Безнадежно и сердито,
Возвращаются курфюрсты
На подставки изъ гранита...

Wega.

ИЗЪ «СЕНСАЦІИ» МАДАМЪ ДЕ-КУРДЮКОВОЙ.

...Понемногу я мирюсь
Съ *карактэръ дю пѣль рюссъ.*
Поставлять на всѣхъ привыкли
Мы сырые всѣ *артикли.*—
Рожь, овесъ, окорока,
Жили тихо *санъ фрака,*
Все твердили про *ля нэ* мы
И другой не знали темы:
Жарь къ войнѣ въ себѣ убивъ,
Онъ э трэ миролюбивъ...
Но проснулось ретивое,
Насъ задѣло за живое,—
Съ пѣньемъ, съ флагами зарю
Мы встрѣчали *сюръ ля рю...*
Полонъ духъ теперь подъема,
Ждемъ къ себѣ *руа Гильома:*
А ля герръ комъ а ля герръ,—
Жалуй запросто, *мейнъ герръ,*
Мы тебя честь-честью встрѣтимъ,
Чтобы памятна и дѣтямъ

Встрѣча вышла... Да смотри жъ,
Захвати съ собой *Отриши*.
Австріяки тѣ же швабы,
Различилъ ихъ кто едва бы:
Тотъ иль этотъ—*ля мемъ шозъ...*
Угостимъ васъ хорошо-съ!
Чѣмъ? Ну, право, *же не сэ па...*
Не гляди, *мейнгерръ*, свирѣпо.
Лучше вспомни *ля тирадъ*:
Чѣмъ богатъ кто, тѣмъ и радъ.
А судьбой дано *ришесъ намъ*
Въ единены нашемъ тѣсномъ,
И тебя, *руа Гильомъ*,
Встрѣтимъ все мы *комъ энъ омъ!..*

Бенедиктъ.

ИЗЪ ТЕТРАДИ ПАРОДІЙ.

(Гейне).

Г Р Е Н А Д Е Р Ы.

Въ Баварію два гренадера
Изъ русскаго плѣна брели—
Мотивы войны вспоминали
И вспомнить никакъ не могли.
Пришлось разгромить имъ бельгійцевъ,
Разрушить и Реймскій соборъ;
Метались съ востока на западъ—
Зачѣмъ?—не поймешь до сихъ поръ!
Печальныя видя картины,
Одинъ изъ нихъ вымолвилъ: „Братъ!
„Не радъ я такимъ результатамъ,
„Картинамъ разгрома не радъ“.
„Другой отвѣчаетъ: „Товарищъ,
„Кому же по сердцу разгромъ?
„Кой чортъ насъ заставилъ Вильгельму
„Во всемъ подчиняться, во всемъ?
„И я жилъ съ семьею не бѣдно,
„Имѣя привычку къ труду...

„Теперь вотъ просить Христа-ради
„Съ женой и дѣтьми, знать, пойду.
„Исполни завѣтъ мой, коль скоро
„Окончу солдатскіе дни:
„Ступай ты въ Берлинъ и Вильгельма
„Въ глаза за войну прокляни.
„Ты въ подлыхъ обманахъ убійцу
„Предъ всею страной обличи,
„А орденъ за бой подъ Лувеномъ
„Ногами предъ нимъ растопчи.
„И мирно и чутко я буду
„Лежать подъ родною землей.
„Наступитъ нора—и услышимъ
„Призывъ мы къ побѣдѣ иной:
„Свергается злой Гогенцоллернъ.
„Знамена свободы шумятъ!..
„И выйдетъ подъ нихъ разоренный,
„Обманутый нѣмецъ-солдатъ!“

Сэръ Гэй.

ТРИЗНА БОЛЬШИХЪ ПОХОРОНЪ.

(Покушеніе на Лермонтова).

Въ глубокой тѣсннѣ Дарьяла,
Гдѣ Терека волны бѣгутъ,
Старинная бання стояла...
А, можетъ быть, — все это врутъ.

Но вотъ, что я знаю навѣрно—
Молва здѣсь соврать не могла бѣ:
Былъ домъ съ репутаціей скверной
И жалобной вывѣской „Штабъ“.

При главной австрійской квартирѣ
Тотъ домъ для чего-то стоялъ;
Въ немъ жилъ—и въ довольствѣ, и въ мирѣ—
Какой-то хромой генераль.

И тамъ, сквозь туманъ полуночи,
Блисталъ золотой огонекъ,
Бросался онъ путнику въ очи,—
И путникъ бѣжалъ наутекъ.

И слышался голосъ унылый:
— Желаете правду узнать?..
Кого-то желанье прельстило:
— А мнѣ что... Пойду... Наплевать...

Въ солидно обставленномъ залѣ,
Въ парадную форму одѣтъ,
Сидѣлъ генераль, и стояли
Сотрудники вѣнскихъ газетъ.

Все были въ ужасномъ азартѣ,
Кто съ книжкой, кто просто съ листомъ,
И самъ генераль имъ на картѣ
Показывалъ что-то перстомъ.

— ...Здѣсь встрѣтили мы ихъ съ отвагой...
— Здѣсь русскіе сброшены въ ровъ...
— Здѣсь... Гм...—прикрывалъ онъ бумагой
То мѣсто, гдѣ значился Львовъ.

— Здѣсь русскіе будутъ напрасно
Пугать—не боимся атакъ...
— Здѣсь смертью погибли ужасной
Двѣ сотни... пфуй!—этихъ... casak...

Во все генеральскія мысли
Вшивались газеты взакосъ...
И уши у путника висли,
И бѣгаль по кожѣ морозъ...

Хотѣлъ бы онъ выпрыгнуть смѣло,
Но зналъ, что настанетъ чередъ—

Его бездыханное тѣло
Домой часовой унесетъ.

И тихо покойничекъ ляжетъ,
Какъ пень, у крыльца своего...

И мать престарѣлая скажетъ:
— Навѣрно, заврали его...

Арк. Бузовъ.

АВСТРІЙСКАЯ КОЛЫВЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Австрійскій эрцгерцогъ отозванъ
изъ арміи въ Вѣну.

(Изъ газетъ).

Сни, эрцгерцогъ мой прекрасный,
Баюшки-баю...
Проливать тебѣ напрасно
Въ битвахъ кровь свою.
Я тебѣ о швабской каскѣ
Пѣсенку спою,
Ты жь дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю...

Въ этой каскѣ, бравый съ виду,
Смѣло шель ты въ бой
И не дать себя въ обиду
Поклялся душой,
Грозно велъ ты на Варшаву
Армію свою...
Сни жь, забывъ былую славу,
Баюшки-баю...

Но тебя разбилъ жестоко
Кровожадный врагъ,
Храбрыхъ швабовъ раньше срока
Напугалъ казакъ.
Ты сѣдельце боевое
Потерялъ въ бою...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю...

Прибѣжалъ, доспѣхи сбросивъ,
Ты пѣшкомъ домой,
И почтенный Францъ-Иосифъ
Планъ одобрилъ твой,
Отдалъ нѣмцамъ ты любезно
Армію свою...
Спи, эрцгерцогъ бесполезный,
Баюшки-баю...

Послѣ доблестныхъ сраженій
И неожиданныхъ бѣдъ
Отдохнуть ты можешь въ Вѣнѣ
Отъ своихъ побѣдъ.
Прусскій кайзеръ за сраженья
Будетъ отвѣчать,
Ты же, швабовъ утѣшенье,
Можешь крѣпко спать...

Wega.

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО ¹⁾

(ПѢСНИ И ЧАСТУШКИ).

I. МОБИЛИЗАЦІЯ И СБОРЫ НА ВОЙНУ.

1. Не думалось — пришлось
Съ нѣмцемъ воевать,
Не хотѣлось парнишкѣ
Свою Параньку покидать.

Нынче годъ пошелъ военный,
Нѣмецъ хочетъ воевать,
Мнѣ, молоденьку мальчишкѣ,
Войны не миновать.

Ванька, родный братецъ,
Привыкай ружейцемъ брякать,
Ружьемъ брякать и стрѣлять,
Пойдешь съ нѣмцемъ воевать.

¹⁾ Наравнѣ съ интеллигенціей, съ профессиональными писателями и поэтами, и простой народъ далъ въ своемъ творествѣ отраженія современной войны съ разныхъ сторонъ ея проявленія. Пока въ нашей литературѣ занесено еще немного изъ этого творчества, но тѣмъ не менѣе мы считаемъ нужнымъ и это немногое помѣстить здѣсь, дабы читатель могъ судить о чувствахъ и настроеніяхъ простого народа. Приведенные образцы народнаго творчества записаны на мѣстахъ въ разныхъ районахъ Россіи.

Не думай, тятя мой,
Что я пахарь полевой;
Вѣдь я, молоденькій мальчишка,
Солдатикъ боевой.

Охи-ахи, охи-ахи,
На насъ напали австріяки.
Куда лѣзешь, бусурманъ,
На насъ, русскихъ крестіянъ.

На границѣ, вѣдь, не дома,
Сапоги, шинель готова.
Кашу грешневу варя,
Нѣмцевъ бить лишѣй веля.

Не плачь, моя ты женка,
Что я иду на войну,
Нѣмца убьемъ и расколотимъ,
Опять къ тебѣ приду.

Послѣ войны ужъ всѣ попьемъ,
Впередъ на нѣмца мы пойдѣмъ,
Съ войны придемъ — жениться будемъ,
Но пригоженькой возьмемъ.

Вуду пить и веселиться, —
Все равно не сдобровать,
Буду нонѣшнюю осень
На отчаянность гулять.

Погуляемъ, сколько знаемъ,
Покутимъ, сколько хотимъ:

Послѣ первыихъ морозцевъ
Мы въ солдаты укатимъ.

У меня, у некрута,
Слезы льются, что рѣка,
Слезы льются и бѣгутъ:
Завтра — въ городъ повезуть.

Ты играй, играй, гармошка,
Зеленые мѣхи,
Какъ сдадутъ меня въ солдаты, —
Разорву тебя съ тоски.

Не думалось — пришлось
Съ нѣмцемъ воевать,
Не хотѣлося парнишкѣ
Свою Параньку покидать. —

2. ФАБРИЧНАЯ.

— Засосало сердце больно,
Не берутъ насъ на войну.
Невозможно даже вольно
Намъ идти на нѣмчуру...
Съ горя радъ бы удавиться,
Раздавить бы стакачу...

.

Мнѣ ли слюни распушшать.
Будто нѣтъ и намъ названья.
Будемъ дѣлу помогать:

День и ночь сверлить гранатки
Нынче намъ всурьезъ велятъ.
И Россіи, значить, маткѣ —
Что солдатъ ты въ жаркой схваткѣ.
.

3. ТЮРЕМНАЯ.

— Зоветъ гроза насъ боевая,
А мы сидимъ въ тюрьмѣ...
Судьбу неволи проклиная,
Горимъ, какъ всѣ, въ своей тоскѣ.

II. ВОЙНА.

1. Утромъ рано на разсвѣтъ¹⁾
Повели насъ на атаку,
Чтобъ съ австрійцемъ долгоногимъ
Мы скорѣй вступили въ драку.

Подвезли къ лоцинкѣ рядомъ,
Гдѣ стояли батареи,
И настрого повелѣли,
Чтобъ тихохонько сидѣли.

¹⁾ Эта пѣсня сложена была въ окопахъ и распѣвалась подъ звуки разрывающихся шрапнелей. Авторы ея, повидимому, солдатъ Андрей Бандура и его товарищъ.

Долго, долго мы сидѣли,
И нашло на насъ дремленье.
Вдругъ вой вражеской шрапнели
Разогналъ нашъ сонъ въ мгновенье.

Мы съ Бандурой окопались
И залѣзли въ ямку,
Стали слушать, какъ шрапнели
Тянуть свою ляжку.

Трахъ, трахъ, трахъ!—трещать шрапнели,
Трахъ, трахъ трахъ! У насъ въ сердцахъ
Точно шмели загудѣли,
Наводя ужасный страхъ.

Наконецъ, пальба затихла,
Наступилъ миръ, тишина,
Мы съ Бандурой, сидя въ ямкѣ,
Вспоминали времена.

Русскій, бравый командиръ,
Штурмовой надѣлъ мундиръ,
За врагами—черезъ Санъ—
Мажетъ нѣмца по усамъ.

Нѣмцы храбро отступали,
Не взрываючи мостовъ,
Мы за ними поспѣшали
И вступили въ городъ Львовъ.

Почему тотъ Львовъ нѣмецкій?
Тамъ все русскіе живутъ.
Нѣмцы тяжело ихъ терзаютъ,
Больно мучаютъ и бьютъ.

П Ъ С Н Я ¹⁾.

2. Изъ-за лѣса, лѣса копій и мечей
Ѣдетъ сотня казаковъ да усачей...

Эй, говорить! —

Ѣдетъ сотня казаковъ да усачей.

Передъ ними есауль да молодой
Ведеть сотню казаковъ да за собой...

Эй, говорить! и т. д.

А за ними все сибирскіе стрѣлки,
Все штыками, какъ щетиной, обросли...

Эй, говорить! и т. д.

Какъ въ Варшавѣ отстояли мы мосты,
Все красавицы бросали намъ цвѣты...

Эй, говорить! и т. д.

Подъ Варшавой мы стояли, какъ стѣна, —
Пуля сыпалась, жужжала, какъ пчела...

Эй, говорить! и т. д.

Будутъ дѣти, внуки долго поминать,
Какъ Варшаву отстояла наша рать...

Эй, говорить! и т. д.

¹⁾ Пѣсня эта очень популярна въ сибирскихъ полкахъ. Запѣвало словно бросаетъ первую строчку, а хоръ отзывается разомъ, и ему вдогонку летитъ короткій речитативъ: «Эй, говорить!» и разливанное заключеніе повторяетъ послѣднія слова.

Отъ Варшавы Нѣмца гнали предъ собою,
Что ни лѣсъ, что ни деревня, — славный бой!
Эй, говорить! и т. д.

Будутъ нѣмцы помнить долго про стрѣлковъ,
Про сибирскихъ нашихъ чудо-молодцовъ!
Эй, говорить! и т. д.

Какъ дойдемъ мы до Берлина-городка,
Не останется отъ нѣмцевъ и слѣдка...
Эй, говорить! и т. д.

А вернемся мы въ родимые лѣса,
Приведемъ домою Вильгельма за уса!
Эй, говорить! и т. д.

III. ЖЕНСКІЯ ЧАСТУШКИ.

Сдали Шурочку въ солдаты
И угнали на войну,
Не успѣли срисоваться
Съ нимъ на карточку одну.

Въ нашемъ полѣ восемь сосенъ,
А девятая-то ель;
Посмотрѣла бы на Шурочку —
Пристала ли шинель.

Я любила и люблю
Солдатика военнаго,
Ни за что не измѣню
Свово слова вѣрнаго.

Сдали, сдали дорогого,
Наживать велятъ другого.
Я не буду наживать,
Буду съ солдатовъ дожидать.

Дождикъ, лей, дождикъ, лей
На меня и на людей;
На солдатика мово
Не капни разу одного.

Вари, матушка, яишню,
Въ городъ Галичъ Шуркѣ вышлю;
На десяту батарею
Ста яищъ не пожалѣю.

Дни и ночи напролетъ
Дѣвушка горюетъ,
Часты пѣсенки поетъ,
По миломъ тоскуетъ.

„Сдали, сдали, въ даль угнали,
Близко самъ не захотѣлъ,
Свился сизымъ голубочкомъ,
Въ городъ Галичъ полетѣлъ“.

„Скучаю, миленькій, по вамъ,
Какъ сѣра пташка по полямъ;
Какъ жива рыба по водѣ.
Такъ я, млєнокъ, по тебѣ“.

Осень темна настаетъ,
Въ роцахъ вѣтеръ дуетъ,
Дѣвка пѣсенки поетъ,
По миломъ тоскуетъ:

„Дождикъ, лей, дождикъ, лей
На меня и на людей;
На солдатика мово
Не капли разу одного!“

IV. САТИРА.

1. Нѣмецъ пивомъ облакался,
Съ пьяныхъ глазъ въ войну ввязался,
Думалъ голымъ рукамъ взять,
А пришлось повоевать.

Нѣмцу дома не сидится,
Понаскучилъ ему „бирь“,
Знать желаетъ нѣмецъ биться,
Коль нарушилъ съ нами миръ.
Будетъ нѣмецъ долго знать,
Какъ съ Россіей воевать!

Ахъ ты, нѣмецъ-остроусъ,
Я усомъ-то не боюсь,
Меня усомъ не спугаешь,
Я россійскій, а не трусь.

Ужъ какъ наши-то ребята
Не боятся нѣмчуры,
Какъ поймають супостата,
Отчухраютъ за вихры.

2.

Вотъ такъ нѣмцы, ой-да ну,
Объявили намъ войну.

Русь, французы, англичане
Нѣмцамъ тѣмъ же отвѣчали.

Австро-венгры и нруссакъ,
Какъ попали вы впросакъ!

Францъ-Іосифъ, старъ и сѣдъ,
Ты надѣлалъ много бѣдъ

И пошелъ войной не къ году
На бѣду сваму народу.

И на дѣлѣ такъ и вышло:
Русскіе у Перемышля.

А когда возьмемъ Краковъ,
Ты тогда будешь каковъ?

Понемногу, въ перемѣну,
Мы взойдемъ къ тебѣ и въ Вѣну.

Бьемъ германцевъ, этихъ хамовъ,
Они стали хуже хановъ.

Императоръ ихъ — вампиръ,
Пролилъ крови на весь міръ.

Его нѣмцы — звѣри, хамы,
Разбиваютъ древни храмы.

3. Шли въ Гумбину мы на нѣмца,
Говорили, — нѣмецъ строгъ,
На него пошли въ атаку,
А онъ стонетъ: „охъ“ да „охъ“!

Австріякъ, не зная броду,
Занялъ грозно городъ Броды,
И со всѣхъ нѣмецкихъ ногъ
Ломить къ намъ черезъ порогъ.

Тутъ, откуда ни возьмися,
На кобылкахъ казаки.
Шашкой, пикой и винтовкой
Сыплютъ нѣмцу тумакн.

Запѣвало ¹⁾.

4. Похлебали каши съ щами,
Барабанъ ударилъ сборъ.
Будетъ драка съ нѣмчурами,
Будетъ съ нѣмцемъ жаркій бой.

Хоръ.

Сколько нечисти-то всякой,
Эфтихъ самыхъ пруссаковъ,
Словно разныхъ таракановъ,
Комарей али клоповъ.

Запѣвало.

Лѣзетъ нѣмецъ на рожны,
Нельзя шашку класть въ ножны.

¹⁾ Поется съ гармоникой и съ хоромъ.

Австріяки на рожонъ,
Выну шашку изъ ножонъ.

Хоръ.

Здѣсь австріецъ, тамъ пруссакъ,
Мы ихъ этакъ, мы ихъ такъ.
Францъ-Іосифу по шеѣ,
А Вильгельма — по башкѣ.

Запѣвало.

Хотѣлъ нѣмецъ пообѣдать,
Шелъ спесиво на Парижъ.
Далъ хранцузъ ему отвѣдать
Изъ свинца и стали „фишъ“.
Мы подъ Ломжей угостили, —
Кушаньевъ — хотъ выбирай,
Хлѣбосолка мать-Россія,
Ужъ накормить, такъ и знай.

Хоръ.

Вотъ те каша, вотъ — бобы,
Вотъ — горохъ, вотъ — пироги.
Вотъ те сало, а вотъ — смалецъ,
Что жъ ты, ворогъ, пляшешь валецъ?
Мы его все хлопъ да хлопъ,
А ѣнъ падаетъ въ окопъ.

5.

Закрутивши кверху усь,
Батюшки!
Нѣмецъ двинулъ на французъ,
Матушки!
Сыпетъ на городъ Парижъ,
Батюшки!

Ой, тамъ, нѣмецъ, угоришь,
Матушки!
За француза англичанъ,
Батюшки!
Поймалъ нѣмца на арканъ,
Матушки!
Нѣмецъ въ Гельбію идетъ,
Батюшки!
А гелбыецъ нѣмца бьетъ,
Матушки!
Съ колбасою австріякъ,
Батюшки!
А на нѣмцевъ сербіякъ,
Матушки!
А россейскій нашъ народъ
Батюшки!
И япошка гонитъ флотъ,
Матушки!
Колбасу гнутъ въ три дуги,
Батюшки!
Нѣмецъ пляшетъ въ три ноги,
Матушки!

6. Нѣмчура совсѣмъ зазнался,
Своей силой похвалялся.
Иха, оха, иха, оха,
Видно, будетъ дѣло плохо.
„Никого я не боюся,
До Россен доберуся“.
Иха, оха, иха, оха,
Дѣло будетъ больно плохо.

Сталь войною онъ грозиться,
А на эфто русскій злится.
Иха, оха, иха, оха,
Нѣмцу будетъ очень плохо.
До Россен онъ добрался,
Да въ однихъ порткахъ остался.
Иха, оха, иха, охъ,
Братцы, нѣмецъ нашъ подохъ!

7. Какъ пришли мы за границу
Въ Истербургъ тотъ городокъ,
А у нѣмца усъ — что спица,
Онъ кричить, что силы, „охъ“.

Наши „бабушки“ чихнули,
Заперхаль нашъ пулеметь,
Полетѣли съ ружьевъ пули,
Подвело нѣмцу животъ.

Руки кверху, морда кисла,
Ннъ не сладко воевать,
Будешь долго помнить Вислу
И россейску нашу рать.

8. Подобрали нѣмцы штанцы,
Грѣхъ какой!
Побѣжали къ царю Францу:
Эхъ ты ну!
Побросали ружья, пушки,
Грѣхъ какой!
Растеряли всѣ онучки,
Эхъ ты ну!

9. Сучья дочь Германія
Съ дреннимъ Австріи хрычкомъ.
Чорта съ два компанія
Къ намъ попала слѣначомъ.

Чай зѣнки залила пивомъ,
Не туда полѣзли вы...
Съ некрасивымъ очень видомъ
Обернетесь послѣ вы.

10. Нѣту, нѣту фонаря
Вѣшать нѣмскаго царя;
Мы его возьмемъ живьемъ,
Ротъ-то проволокой зашьемъ,
Усы сбреемъ тесакомъ,
А чесать будемъ штыкомъ.

11. Государевымъ приказомъ —
Всѣ казенки къ шаху разомъ, —
Нѣтъ вамъ, пьяницы, вина, —
Теперь съ Германіей война!
Эхъ, какъ казеночку закрыли —
Всѣ пьянчуги завопили:
Изъ-за подлаго нѣмца
Не выпьешь рюмочки винца!
Какъ на наше нынѣ горе
Всѣ казенки на запорѣ,
Нѣтъ ни пива, ни вина,
Только съ Германіей война.
У пастъ казеночку закрыли,

Я объ ней не заревлю,
Попаду когда въ солдаты —
Всѣхъ германцевъ изрублю.

Теперь казеночку закрыли,
Будемъ денежки копить;
Пойдемъ за родину сражаться,
Чтобы Германію побить.

ДОБАВЛЕНІЕ

БЛАГОВѢСТЬ БОЯ.

Я слышу, какъ въ пустынѣ темной,
Гдѣ полночь ширить свой шатеръ,
Надъ бездной благовѣсть объемный
Заводитъ съ Богомъ разговоръ.

Водоворотное стремленье
Враждебныхъ полчищъ пронеслось, —
И выше грома пушекъ — пѣнье,
И ярче крови — росы слезъ.

Пусть Дьяволъ брани бьетъ въ свой бубень,
Багровя битву и пожаръ, —
Призывъ отъ Бога многотрубень,
И правый мечъ несетъ ударъ.

Надъ взбудораженною тучей,
Надъ миллионной грудой тѣлъ,
Я слышу колоколъ могучій, —
Онъ въ дни невгодъ всегда гудѣлъ.

Книги же, страшная стихія,
Въ войнѣ да выкинуть весь ядъ, —
Когда заговоритъ Россія,
То громы Неба говорятъ.

К. Бальмонтъ.

ПЕРЕДЪ ГЕРМАНСКИМЪ ПОСОЛЬСТВОМЪ.

Оно вздымалось глыбой сѣрой
И въ бѣломъ сумракѣ ночномъ
Казалось сказочной химерой,
Тяжелымъ и недвижнымъ сномъ.

Два гладіатора держали
Коней желѣзныхъ подъ уздцы
И терпѣливо выжидали
Побѣду, славу и вѣнцы.

Предъ ними высился Исакій.
На площади кипѣлъ народъ,
Мелькали съ пиками казаки,
Шелъ съ музыкой гвардейскій взводъ.

Царь - прадѣдъ въ шишакѣ крылатомъ
Какъ будто дѣлалъ ратямъ смотръ,
А тамъ, налѣво за Сенатомъ,
Летѣлъ съ подъятой дланью Петръ.

И, лица дерзкія нахмурия,
Коней держали два врага
И ждали, что людская буря
Затопитъ смутой берега.

Когда же вспыхнулъ пылъ военный
Въ сердцахъ, какъ милліонъ огней,
Они низринулись мгновенно
Съ надменной высоты своей.

Ихъ нѣтъ. Лишь царскій прадѣдъ мчится
Попрежнему въ сіяньи латъ.
Попрежнему Петра десница
Благословляетъ Петроградъ.

Нашъ исполинъ, нашъ тріумфаторъ,
Какимъ величьемъ блещетъ онъ!
Пади, германскій гладіаторъ!
Останови коней, тевтонъ!

Борисъ Садовской.

БОЛГАРАМЪ.

Болгары! Кровь зоветъ къ отвѣту...
Предательства не утаить.
Славяно-русскому завѣту
Ужель не быть?

Иль все забыто? И не виденъ
Со стѣнъ Софін Петроградъ?
И гнетъ Стамбула не обиденъ?
И Сербъ — не братъ?

Иль ваша честь врагамъ послушна?
И крови, пролитой за васъ,
Вы устыдились малодушно
Въ кровавый часъ?

Въ кровавый часъ пылаетъ грозно
Россіи вѣщая любовь.
Болгары! Братья! Будетъ поздно.
Отметится кровь.

Сергей Маковскій.

ВОСКРЕСШІЕ БОГАТЫРИ.

Я видѣлъ сонъ...

Подъ гулъ громовъ
Распались древніе курганы,
И встали — жизнью осіяны —
Богатыри былыхъ вѣковъ.

Сыны сѣдой Руси былинъ,
Могиль овѣянные снами,
Поднялись тяжкими стопами
На вольный свѣтъ родныхъ долинъ.
Грозой имъ очи ослѣпило
На мигъ одинъ, но въ тотъ же мигъ
Въ глубь ихъ сердцець огонь проникъ,
И въ нихъ зажглась живая сила.

Старикъ Илья, Алеша-младъ,
Потокъ Михайло, свѣтъ-Добрыня,
Съ тысячелѣтней выйдя скрыни,
На Русь родимую глядятъ.

Имъ не итти по раздорожью,
Предъ ними — древнихъ былей степь,
Въ нихъ та же удалъ, та же крѣпъ,
Въ нихъ цѣло все во славу Божью...

Стоять конь-о-конь кони ихъ,
Бокъ-о-бокъ съ ними, бьютъ копытомъ
Да удила грызутъ сердито, —
Ждутъ новыхъ схватокъ боевыхъ.

На коней съли побратимы,
Колчаны стрѣлами полны,
Мечи по ножнамъ вложены,
И копыта ихъ непреломимы,

Изъ-подъ нахмуренныхъ бровей
Матёръ-казакъ снопь молній мечеть,
Княжой охоты старый кречеть
Грозovýchъ черныхъ тучъ темнѣй.

.. Неладно чтой-то, мнѣ сдается, —
Ведеть онъ самъ съ собою рѣчь: —
Не видно врага, а мечъ

Изъ ноженъ прочь вотъ такъ и рвется!..

— Откуда громъ — тамъ и враги! —

Къ Ильѣ Поповичъ держитъ слово.

— Съ заката онъ, — Потокъ сурово
Молвь молвить: — Богъ обереги!..

Добрыня — слѣдомъ: — Что жъ, съ заката,
Съ восхода ль врагъ — не все ль равно..

Поднялись мы — такъ суждено

Острастку дать намъ супостату!..

-- Гей! — кликнулъ Муромецъ съдой: --

Кто въ полѣ живъ изъ братьи нашей?!..

За нами—пить кровавой чаши

Въ честномъ бою за край родной!..

И, слившись въ откликъ перекастный.

Отозвалась на кличъ Ильи

Вся ширь, вся даль, вся глубь земли:

— Всѣ за тобой на подвигъ ратный!..

Глядитъ старикъ: полнымъ-иолна
Вся воля-степь богатырями, —
Пройдутъ однѣ, звеня мечами,
Вослѣдъ --еще дружинъ волна;
Отъ ржанья конскаго и гула
Не слышно рокота громовъ, —
Ведеть на западныхъ враговъ
Самъ Селяниновичъ Микула
Всѣхъ, сохи 'бросившихъ, сыновъ,

Сонъ—въ руку: лютый врагъ съ заката
Родные рушить алтари;
Русь бьется съ нимъ... Богатыри,
Богъ помочь! Наше мѣсто свято!..

Аполлонъ Коринфскій.

У Т Ъ Ш Е Н І Е.

Самъ Михаилъ Архистратигъ
Его зачислилъ въ рать свою.

Н. Г у м и л е в ъ.

Вѣстей отъ него не получишь больше,
Не услышишь ты про него.
Въ объятой пожаромъ, скорбной Польшѣ
Не найдешь могилы его.

Пусть духъ твой станетъ тихъ и покоенъ,
Уже не будетъ потерь:
Онъ Божьяго воинства новый воинъ,
О немъ не грусти теперь.

И плакать грѣшно, и грѣшно томиться
Въ миломъ, родномъ дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику твоему.

Анна Ахматова.